Проф. А. С. Алексѣевъ.

Изъ книгъ
Р. и Б. Б.

ЛЕГЕНДА

ОБЪ ОЛИГАРХИЧЕСКИХЪ ТЕНДЕНЦІЯХЪ

ВЕРХОВНАГО ТАЙНАГО СОВѢТА

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ I.

158565

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1896.

Дозволено цензурой. Москва, декабря 22 дня 1895 г.

ЛЕГЕНДА

ОБЪ ОЛИГАРХИЧЕСКИХЪ ТЕНДЕНЦІЯХЪ ВЕРХОВНАГО ТАЙНАГО СОВѢТА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ I.

ВВЕДЕНІЕ.

Верховный тайный совѣтъ въ русской исторической литературѣ.

Еще Соловьевъ отмѣтилъ необоснованность того взгляда, который видитъ въ эпохѣ, смѣнившей періодъ реформъ Петра, „время печальное, непривлекательное, время малоспособныхъ правителей, дворцовыхъ переворотовъ, недостойныхъ любимцевъ“. [1]

И хотя съ тѣхъ поръ издано не мало новыхъ документовъ, относящихся къ этому времени, тѣмъ не менѣе предвзятое воззрѣніе все еще не хочетъ уступить мѣсто объективной и безпристрастной точкѣ зрѣнія. И это предвзятое воззрѣніе съ особеннымъ упорствомъ и настойчивостью проводится въ тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя посвящены исторіи нашихъ учрежденій, причемъ Верховный Тайный Совѣтъ является излюбленнымъ примѣромъ неустойчивости и безпорядочности, господствовавшихъ будто бы въ нашей администраціи въ эту „злосчастную эпоху“.

Первымъ писателемъ, который особенно выпукло и рѣзко охарактеризовалъ Верховный Тайный Совѣтъ, какъ учрежденіе вредоносное, вызванное низменными инстинктами, властолюбивыми влеченіями и корыстными стремленіями немногихъ, былъ покой-

[1] Соловьевъ—„Исторія Россіи“ т. XVIII. Москва 1879 г. стр 269.

ный профессоръ Градовскій. Въ своей магистерской диссертаціи *Высшая Администрація Россіи XVIII вѣка*. а затѣмъ и въ *Началахъ русскаго государственнаго права*—онъ не жалѣетъ мрачныхъ красокъ для изображенія темныхъ сторонъ этого учрежденія. „По всему ходу дѣла видно“, говоритъ онъ, „что учрежденіе Совѣта принадлежитъ къ разряду самыхъ неожиданныхъ и внезапныхъ государственныхъ переворотовъ. Ничего подготовленнаго гласно и всенародно, какъ подготовлялъ свои преобразованія Петръ; никакой откровенности, никакой основательности въ мотивахъ. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта точно боятся чего-нибудь... Сенатъ пораженъ указомъ; онъ, любимое дитя Великаго Петра, вчерашній повелитель Россіи, сегодня становится въ разрядѣ простыхъ коллегій“. [1] Верховный Тайный Совѣтъ, по мнѣнію Градовскаго, долженъ былъ удовлетворить притязаніямъ двухъ элементовъ: военнаго управленія, тяготившагося подчиненіемъ Сенату и старыхъ дворянскихъ родовъ. „для которыхъ владычество Сената соединялось съ понятіемъ о табели о рангахъ, о необходимости служебнаго достоинства для повышенія въ службѣ, о строгой диктатурѣ Сената надъ совокупностью служилаго сословія“. Учрежденіемъ Совѣта было дано средство военному элементу избавиться отъ подчиненія Сенату, для придворныхъ же была дана „возможность удовлетворить своему честолюбію, не проходя служебнаго поприща и найти пріятное занятіе, не предаваясь серіозному труду“... „Но неожиданнымъ для всѣхъ образомъ въ Тайномъ Совѣтѣ прорвалось другое начало, повидимому, забытое Россіей. Должности членовъ Совѣта попадаютъ въ руки придворныхъ боярскихъ родовъ, быстро складывается у насъ олигархія, дѣло заходитъ о перемѣнѣ основы и формы правленія и это положило конецъ существованію Совѣта“. [2] „Такимъ образомъ уже съ самаго начала обнаружились стремленія партіи, создавшей Совѣтъ, она хотѣла унизить Сенатъ въ угоду олигаріи временщиковъ; она хотѣла взять подъ свою опеку Верховную власть, сдѣлавъ Тайный Совѣтъ какъ-бы частью этой власти“. [3] Въ указахъ Екатерины I, опредѣлившихъ отношеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта къ Сенату и коллегіямъ, Градовскій

[1] Высшая администрація Россіи XVIII ст и генералъ-прокуроры. С.-Петербургъ 1866 г. стр. 137.

[2] Тамъ же, стр. 138.

[3] Начала Русскаго Государственнаго Права т. II. С.-Петербургъ 1876 стр. 130.

видитъ рядъ произвольныхъ захватовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, стремившагося сдѣлаться верховнымъ трибуналомъ въ государствѣ наряду съ властью государя. „Трудно опредѣлить", говоритъ онъ, „какія дѣла предоставилъ себѣ Совѣтъ; очевидно то, что онъ стремится сосредоточить все управленіе въ своихъ рукахъ... Узурпируя власть Сената, онъ не могъ взять меньше, чѣмъ имѣлъ онъ, а постарался взять больше"... [1] „Учрежденный сначала для важнѣйшихъ дѣлъ, Совѣтъ постепенно подчиняетъ себѣ всѣ части управленія"... [2] „Верховный Тайный Совѣтъ", по опредѣленію Градовскаго, „боярская дума, получившая самостоятельное политическое существованіе, родовая аристократія, соединенная въ коллегію безъ ея организаціи". [3] Но эта „революціонная попытка", какъ и послѣдующая (учрежденіе Кабинета), не могли, по словамъ Градовскаго, поколебать учрежденія Петра и „пали жертвой собственнаго безсилія". „Неудавшіеся захваты Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета привели, наконецъ, къ возстановленію его учрежденій". [4]

Этотъ взглядъ профессора Градовскаго на Верховный Тайный Совѣтъ, столь рѣзко и энергично выраженный въ приведенныхъ словахъ, опредѣлилъ взглядъ послѣдующихъ писателей на это учрежденіе. Правда, профессоръ Казанскаго Университета, Корсаковъ относится благосклоннѣе къ Верховному Тайному Совѣту, отдавая справедливую дань его дѣятельности, но и онъ не можетъ освободиться отъ взгляда на Верховный Тайный Совѣтъ, какъ на учрежденіе, стремившееся къ политическому господству и къ ограниченію самодержавной власти. „При отсутствіи дѣйствительнаго самодержца на престолѣ", говоритъ онъ, „у родословныхъ людей развивалась и другая мысль: о большемъ расширеніи и распространеніи коллегіальнаго порядка, введеннаго Петромъ Великимъ въ его государственныхъ учрежденіяхъ. „Въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ", говорилъ Петръ, мотивируя преимущества коллегіальнаго порядка передъ управленіемъ единоличнымъ. Князь Меншиковъ былъ полнымъ олицетвореніемъ именно такой единой персоны, преисполненной страсти, и родословные люди весьма естественно приходятъ къ мысли о необходимости верховной коллегіи. Такою коллегіей явился

[1] Высшая администрація стр. 139.
[2] Начала Русскаго Государственнаго Права т. II, стр. 130, 131.
[3] Высшая Администрація стр. 146.
[4] Тамъ же стр. 165.

Верховный Тайный Совѣтъ, учрежденный въ 1726 году." [1] „Въ правленіе князя Меншикова, продолжаетъ проф. Корсаковъ, — Верховный Тайный Совѣтъ стремился упрочить за собою высшую правительственную власть. Въ присягѣ гг. министровъ (членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта) и сенаторовъ, изданной вслѣдъ за учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, императрица Екатерина I не имѣетъ титула самодержицы..." [2]

Проф. Ярославскаго Лицея Щегловъ въ своемъ обширномъ историко-юридическомъ изслѣдованіи: „Государственный Совѣтъ въ Россіи," какъ и профессоръ Корсаковъ, подчеркиваетъ плодотворную дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта ко благу всей страны, но и онъ, какъ и почтенный казанскій профессоръ, видитъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ аристократическое учрежденіе, пытавшееся ограничить власть монарха. „По кончинѣ Петра I, говоритъ онъ,—при дворѣ обозначились двѣ аристократическихъ партіи, изъ которыхъ первая состояла изъ родовитыхъ вельможъ, другая—изъ вельможъ, къ которой принадлежали члены новой выслужившейся при Петрѣ I аристократіи." [3] „Чтобы помирить враждебныя партіи знати и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпить свою власть, Екатерина рѣшилась образовать такое учрежденіе, въ которомъ подъ ея предсѣдательствомъ могли бы участвовать на равныхъ правахъ важнѣйшіе сановники Имперіи. Такимъ учрежденіемъ явился Верховный Тайный Совѣтъ." [4] „Члены Совѣта не замедлили укрѣпить за нимъ, а слѣдовательно, и за собою первенствующее и исключительное положеніе въ управленіи." [5] „Екатерина согласилась предоставить Верховному Тайному Совѣту всѣ важнѣйшія правительственныя дѣла, вручить ему всѣ функціи управленія." [6] „Въ такой чрезвычайно широкой по своему объему дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта при Екатеринѣ I сказалось, конечно, стремленіе Совѣта—аристократическаго органа — стать первымъ учрежденіемъ въ государствѣ. Сенатъ—монархическое учрежденіе—долженъ былъ уступить Совѣту всѣ свои права." [7]

---

[1] Д. А. Корсаковъ. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Казань. 1880, стр. V.

[2] Тамъ же, стр. VII.

[3] Государственный Совѣтъ въ Россіи, 1892, стр. 528.

[4] Тамъ же, стр. 531.

[5] Тамъ же, стр. 534.

[6] Тамъ же, стр. 536.

[7] Тамъ же, стр. 545.

„Верховный Тайный Совѣтъ дѣйствовалъ именемъ Екатерины I, но въ дѣйствительности онъ былъ органомъ несмѣняемыхъ знатныхъ членовъ Совѣта, подъ вліяніемъ которыхъ императрица находилась въ теченіе своего краткаго царствованія". [1]

П. Н. Милюковъ въ своемъ изслѣдованіи „Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII ст." также касается Верховнаго Тайнаго Совѣта, причемъ подробнѣе останавливается на исторіи его возникновенія. Онъ полагаетъ, что устройство Верховнаго Тайнаго Совѣта было уступкой той боярской партіи, которая примирила ее съ воцареніемъ Екатерины I. „Въ ближайшее время послѣ Петра", говоритъ г. Милюковъ, „вопросъ о реорганизаціи высшаго центральнаго управленія получилъ другой смыслъ; административно-техническія цѣли этой реорганизаціи отошли на задній планъ передъ цѣлями политическими; устройство Верховнаго Совѣта было первымъ шагомъ къ конституціонному проекту 1730 г." [2].

Только-что приведенные писатели: Корсаковъ, Щегловъ и Милюковъ, не отказываясь отъ взгляда на Верховный Тайный Совѣтъ, какъ на учрежденіе, при помощи котораго родовитое дворянство стремилось захватить власть въ свои руки, внесли, однако, существенныя поправки въ воззрѣніе Градовскаго на это учрежденіе. Они принимаютъ въ сужденіяхъ о немъ и болѣе умѣренный тонъ, и воздерживаются отъ тѣхъ рѣзкихъ приговоровъ, которые такъ рѣшительно высказываетъ петербургскій профессоръ.

Съ этого пути, идя по которому можно было доискаться исторической правды, круто сворачиваетъ новѣйшій лѣтописецъ Верховнаго Тайнаго Совѣта проф. Филипповъ [3]. Онъ рѣшительно становится на прежнюю точку зрѣнія Градовскаго и безпощадностью и рѣзкостью своихъ отзывовъ еще превосходитъ, если это только возможно, автора „Исторіи высшей администраціи".

Верховный Тайный Совѣтъ, по утвержденію проф. Филиппова, „учрежденіе не-юридическое", „не руководствовавшееся какими-либо строго установленными формами" [4]; оно „незакономѣрно

[1] Тамъ же, стр. 546.

[2] Стр. 677—680.

[3] Исторія Сената въ Правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета. Часть 1. Сенатъ въ Правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Юрьевъ, 1895 годъ.

[4] Стр. 122.

устроено“ [1]; это учрежденіе „самовластительное“ [2]. „Совѣтъ въ качествѣ учрежденія политическаго твердо и неуклонно проводилъ лишь одну идею, идею собственнаго верховенства, дѣйствуя въ дѣлахъ активнаго управленія и суда безо всякаго плана и порядка“ [3]. „Уже къ концу царствованія Совѣту удалось быстро, безъ опредѣленнаго заранѣе и вполнѣ яснаго плана, *разрушить* прежнюю организацію Сената. Компетенція его была сведена къ наименѣе важнымъ дѣламъ управленія, его учрежденія *частью были уничтожены*, частью *искалѣчены*, его значеніе было сильно подорвано *самовластительствомъ Совѣта*“ [4]. Совѣтъ не только попиралъ право, но, по увѣренію нашего автора, былъ крайне неразборчивъ въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ плановъ и въ стремленіяхъ къ политическому владычеству былъ даже готовъ идти на неблаговидные поступки [5]. Политическія тенденціи, которыя мѣшали Совѣту быть дѣловымъ учрежденіемъ и парализировали его законодательную и правительственную дѣятельность, носили, по мнѣнію г. Филиппова, олигархическую окраску. Онъ ихъ называетъ поэтому „олигархическо-политическими“ [6]. Самыхъ членовъ Совѣта онъ не безъ оттѣнка не то презрѣнія, не то насмѣшки обзываетъ „россійскими“ олигархами [7] и говоритъ объ ихъ „олигархическихъ затѣяхъ“. Г. Филипповъ видитъ въ самомъ учрежденіи Совѣта уступку боярской партіи. По его словамъ, въ новомъ учрежденіи открывалась возможность для этого боярства играть политическую роль [8]. Нашъ авторъ совершенно серьезно доказываетъ, что кондиціи, предложенныя Аннѣ Іоанновнѣ, „не вносили фактически ничего новаго въ дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта, который и раньше, отчасти уже при Екатеринѣ I, пользовался всѣмъ тѣмъ, что онъ хотѣлъ себѣ юридически гарантировать при воцареніи Анны“ [9].

Воззрѣнія проф. Филиппова на Верховный Тайный Совѣтъ,

---

[1] Стр. 189.
[2] Стр. 189, 481 и мн. др.
[3] Стр. 481.
[4] Стр. 480, 189.
[5] Стр. 186.
[6] Стр. 124.
[7] Стр. 76.
[8] Стр. 28, 29.
[9] Стр. 135, 136.

какъ видитъ читатель, не новы. Сложились они на фонѣ того ходячаго представленія, по которому Верховный Тайный Совѣтъ „сборище олигарховъ, преслѣдовавшихъ исключительно свои эгоистическія цѣли“.[1] На фонѣ этого ходячаго представленія проф. Филипповъ выводитъ цѣлую сѣть узоровъ, которые, въ свою очередь, представляютъ собою ничто иное, какъ болѣе подробное развитіе тезисовъ, выставленныхъ Градовскимъ, Корсаковымъ, Щегловымъ и Милюковымъ. Проф. Филипповъ беретъ, такимъ образомъ, краски для своей картины съ чужой палитры, но онъ ихъ не только сильно сгущаетъ, но и устраняетъ изъ нихъ всѣ тѣ, которыя могли бы придать его мрачной картинѣ болѣе мягкій тонъ. Онъ не хочетъ видѣть въ дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта никакихъ свѣтлыхъ сторонъ, на которыя указываютъ Корсаковъ и Щегловъ. Въ его книгѣ находитъ откликъ только то, что можетъ набросить тѣнь на Верховный Тайный Совѣтъ: это учрежденіе, по мысли проф. Филиппова, было безсильно творить добро, оно умѣло творить только зло, оно умѣло только „захватывать“ чужія права, „искалѣчивать“ испытанныя учрежденія, „разрушать“ исторически сложившійся строй.

Тотъ поэтому, кто хотѣлъ-бы ознакомиться съ отрицательными взглядами нашей исторической литературы на Верховный Тайный Совѣтъ, тотъ можетъ смѣло взять за руководство книгу проф. Филиппова. И мы, которые поставили себѣ задачей провѣрить эти взгляды и указать на ихъ односторонность, возьмемъ за отправную точку работу г. Филиппова. Наши замѣчанія будутъ, поэтому, поневолѣ носить полемическій характеръ, но это будетъ полемикой не съ г. Филипповымъ, а провѣркой тѣхъ отрицательныхъ взглядовъ, которые воспроизведены въ его книгѣ. И цѣль этихъ замѣчаній—отнюдь не разборъ изслѣдованія г. Филиппова, а попытка дать по возможности безпристрастную характеристику Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ его задумала Екатерина I. Мы ограничимся поэтому изученіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта при первой преемницѣ Петра; мы не будемъ заглядывать въ ту эпоху, когда съ воцареніемъ малолѣтняго императора наступили въ нашей государственной жизни чрезвычайныя условія, исказившія первоначальный характеръ Верховнаго Тайнаго Совѣта и измѣнившія его личный составъ, выдвинувъ взамѣнъ птенцовъ Петра любимцевъ царя-отрока.

---

[1] Корсаковъ, стр. VI.

ГЛАВА I.

Возникновеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта

1. Исторія происхожденія Верховнаго Тайнаго Совѣта.

„Устройство Верховнаго Тайнаго Совѣта было первымъ шагомъ къ конституціонному проекту 1730 г.“ Этотъ тезисъ, выставленный г. Милюковымъ, всего рѣзче формулируетъ то ходячее воззрѣніе на происхожденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, которое лежитъ и въ основаніи изложенія гг. Филиппова и Щеглова. Между тѣмъ тезисъ этотъ не имѣетъ никакого оправданія въ тѣхъ историческихъ событіяхъ, которыя привели къ возникновенію Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Съ этими событіями мы и хотимъ прежде всего познакомить читателя, чтобы затѣмъ перейти къ разбору доводовъ тѣхъ изслѣдователей, которые видятъ въ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта первый шагъ къ перемѣнѣ существующей формы правленія.

Возникновенію при Екатеринѣ I совѣщательнаго учрежденія, раздѣляющаго сферу непосредственной дѣятельности монарха, способствовали тѣ особенныя условія, при которыхъ пришлось дѣйствовать императрицѣ. Екатерина получила отъ своего предшественника тяжелое наслѣдіе, разобраться въ которомъ она могла только при содѣйствіи сотрудниковъ Петра, людей болѣе опытныхъ и болѣе испытанныхъ, чѣмъ была она. И если уже при Петрѣ мы встрѣчаемся съ совѣщаніями министровъ, въ которыхъ принимали участіе „тайные и дѣйствительные тайные совѣтники“, то еще болѣе нуждалась въ такихъ совѣщаніяхъ Екатерина. И мы дѣйствительно видимъ, что императрица къ нимъ прибѣгаетъ и въ первый годъ своего царствованія очень часто созываетъ министровъ на совѣщанія [1].

[1] Объ этихъ совѣщаніяхъ мы находимъ интересныя свѣдѣнія у Кампредона. Уже въ письмѣ отъ 24 марта 1725 г. онъ говоритъ о предложеніи графа Толстаго, представлявшаго царицѣ, „что Совѣтъ иностранныхъ дѣлъ слишкомъ малочисленъ и что какъ въ интересахъ службы, такъ и для личной увѣренности совѣтниковъ въ хорошемъ веденіи дѣла надо чтобы Ея Величество соизволила увеличить число членовъ Совѣта. (Сборникъ *Русскаго Историческаго Общества* т. LVIII стр. 65). Сообщая 31 марта

Но пока эти совѣщанія въ Тайномъ Совѣтѣ не были урегулированы закономъ, личный ихъ составъ не опредѣленъ учредительнымъ актомъ, компетенція ихъ не установлена, до тѣхъ поръ они не могли вполнѣ достигать своей цѣли. Въ этихъ совѣщаніяхъ должны были участвовать то одни, то другія лица, смотря по тому, кто въ данную минуту пользовался довѣріемъ государыни, или кто случайно выдвигался, благодаря той или другой интригѣ или „политической конъектурѣ“. Изъ донесеній иностранныхъ агентовъ мы знаемъ, какъ быстро мѣнялись роли тѣхъ, которые окружали императрицу: то мы узнаемъ, что Шафировъ въ опалѣ, то намъ говорятъ, что онъ опять въ милости; то насъ извѣщаютъ о паденіи кредита Головкина, то о томъ, что онъ опять привлекается къ совѣщаніямъ; то Ягужинскій въ ссорѣ съ Меньшиковымъ, то онъ опять принадлежитъ къ его сателлитамъ; то Остерманъ обиженъ государыней и уклоняется отъ участія въ дѣлахъ, то онъ душа этихъ дѣлъ, и безъ него ничего не рѣшается. Но не только долженъ былъ постоянно мѣняться личный составъ Совѣта, самый ходъ совѣщаній въ немъ не могъ быть правильнымъ, пока ни государыня ни ея министры не были связаны нормами, которыя обязывали бы ихъ вносить всѣ важнѣйшія дѣла на обсужденіе этого Совѣта; поэтому то мы и видимъ, что рядомъ съ засѣданіями въ этомъ Совѣтѣ происходятъ совѣщанія и въ Сенатѣ, происходятъ консиліи министровъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и наконецъ

о предполагаемыхъ членахъ этого Совѣта. Кампредонъ говоритъ, что, по совѣту герцога Гольштинскаго. „министрамъ этимъ повелѣно подавать государынѣ письменное изложеніе ихъ мнѣній, на основаніи коего она уже и будетъ постановлять свое окончательное рѣшеніе. Первый рапортъ, продолжаетъ Кампредонъ, должны были подать сегодня, но я еще о немъ ничего не успѣлъ разузнать. (Тамъ же т. LVIII стр. 77) 7 апрѣля онъ доноситъ о совѣщаніяхъ по иностраннымъ дѣламъ, въ которыхъ принимали участіе министры и сенаторы. (Тамъ же т. LVIII стр. 93) 25 мая онъ пишетъ, что здѣсь происходило большое движеніе въ Сенатѣ и частыя засѣданія Совѣта въ присутствіи императрицы. Два раза туда призывали Мардефельда, а нѣкоторые русскіе министры даже ночевали во дворцѣ. (Тамъ же т. LVIII стр. 333). Въ письмѣ отъ 12 іюня онъ опять упоминаетъ о совѣщаніи въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. (Тамъ же т. LVIII стр. 376—377). Въ письмѣ отъ 9 октября онъ нѣсколько разъ упоминаетъ о мнѣніи Государыни и Ея Совѣта (С. Р. И. О. т. LXIV стр. 5 и 6). Такія извѣстія о Тайномъ Совѣтѣ Императрицы мы находимъ въ письмахъ отъ 11 декабря 1725 г. и отъ 3 января 1726 г. (Тамъ же т. LIV. стр. 130, 173).

частныя бесѣды императрицы съ людьми, ей наиболѣе близкими бесѣды, на которыхъ нерѣдко созрѣвали наиболѣе важныя рѣшенія [1].

Крайне неблагопріятно на совѣщанія въ Тайномъ Совѣтѣ, пока отношенія между членами его не были организованы закономъ, должно было вліять и то, что въ немъ рѣшающій голосъ естественно принадлежалъ наиболѣе сильнымъ и смѣлымъ членамъ, которые заглушали мнѣнія другихъ. При томъ громадномъ вліяніи, которымъ тогда пользовался Меньшиковъ, этотъ подавляющій голосъ силою вещей долженъ былъ принадлежать ему. И онъ въ этомъ сознавался открыто Мардефельду, говоря, что на всѣхъ совѣщаніяхъ, какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ дѣламъ, онъ одинъ имѣетъ рѣшающій голосъ и всегда въ состояніи привлечь на свою сторону большинство [2].

Понятно, что такое положеніе вещей не могло быть въ интересахъ императрицы. Она не нуждалась въ Совѣтѣ, который своимъ авторитетомъ прикрывалъ-бы только личное правленіе Меньшикова и который своимъ то и дѣло мѣнявшимся личнымъ составомъ подносилъ-бы ей пестрыя мнѣнія случайнаго большинства. Ей былъ нуженъ Совѣтъ, который, напротивъ, служилъ-бы сдержкою честолюбія сильныхъ персонъ и который-бы давалъ ей возможность выслушивать совѣты не того или другого властнаго человѣка, а достодолжнымъ образомъ взвѣшенныя мнѣнія цѣлаго учрежденія, организованнаго на началѣ равноправности членовъ. Такимъ учрежденіемъ и явился Верховный Тайный Совѣтъ.

Но если интересы правленія и указывали ясно на тѣ начала, на которыхъ долженъ былъ быть устроенъ Совѣтъ, то самое практическое осуществленіе такого совѣщательнаго органа, силою вещей, наталкивалось на цѣлый рядъ серьезныхъ препятствій. Нужно было, чтобы Совѣтъ обнималъ по возможности наиболѣе опытныхъ и вліятельныхъ сотрудниковъ Петра, между

---

[1] Кампредонъ разсказываетъ намъ, что все, что говорится императрицей немъ взвѣшивается и направляется ночью ею и Толстымъ—ловкимъ дипломатомъ, который только дѣлаетъ видъ, будто бы отдаляется отъ дѣлъ. С. Р. И. О. т. LVIII стр. 360. Онъ же доноситъ, что нѣкоторые вельможи искусственно отвлекаютъ отъ дѣлъ императрицу, даютъ этимъ дѣламъ не въ мѣру накопиться, чтобы этимъ лишить ее возможности лично разрѣшить ихъ и вынудить ее предоставить ихъ рѣшеніе Сенату. Тамъ же стр. 404—405.

[2] С. Р. И. О., т. LV, стр. 274.

тѣмъ, при ихъ взаимномъ соперничествѣ, было трудно объединить ихъ въ одно учрежденіе: нельзя было враждующихъ лицъ посадить рядомъ въ Совѣтъ и ожидать отъ нихъ плодотворной дѣятельности. Вліятельными министрами того времени были: Меньшиковъ, Толстой, Ягужинскій, Шафировъ, Остерманъ; между тѣмъ они вмѣстѣ умѣститься въ Совѣтѣ не могли: Ягужинскій былъ врагъ Меньшикова, Шафировъ былъ близокъ Меньшикову, но ненавидѣлъ Остермана, а безъ Остермана нельзя было обойтись въ Совѣтѣ: онъ былъ душою Иностранной Коллегіи, имъ дорожили, какъ свѣдущимъ и ловкимъ дипломатомъ. Неудивительно поэтому, что мысль объ учрежденіи Совѣта, возникшая въ самомъ началѣ царствованія Екатерины, нашла свое осуществленіе лишь въ февралѣ 1726 года. Неудивительно далѣе, что во всѣхъ извѣстіяхъ, касающихся возникновенія этого учрежденія, мы встрѣчаемъ съ одной стороны одинъ и тотъ-же взглядъ на цѣль и характеръ этого учрежденія, съ другой—противорѣчивыя свѣдѣнія объ его предполагаемомъ личномъ составѣ.

Уже 1 марта 1725 года Лефортъ доноситъ: „Поговариваютъ объ учрежденіи Верховнаго Совѣта (un conseil du cabinet suprême). Онъ будетъ состоять изъ Царицы, герцога Голштинскаго, Меньшикова, Шафирова и Макарова“ [1]. Въ этомъ спискѣ мы встрѣчаемъ Шафирова, участіе котораго исключаетъ изъ Совѣта его врага—Остермана. Въ это же время, а именно 3 мая совершенно согласно съ Лефортомъ Кампредонъ пишетъ: „Шафировъ, очень сблизившійся съ княземъ Меньшиковымъ, которому служитъ теперь своими совѣтами, начинаетъ пользоваться нѣкоторымъ довѣріемъ царицы. Поговариваютъ даже, что онъ будетъ назначенъ членомъ Совѣта при кабинетѣ ея величества, который государыня хочетъ учредить и въ который войдутъ князь Меньшиковъ, графъ Толстой, баронъ Шафировъ и кабинетъ-секретарь Макаровъ. Многіе думаютъ, что князь Долгоруковъ тоже, можетъ быть, взойдетъ въ этотъ Совѣтъ, гдѣ станутъ рѣшаться самыя важныя дѣла“ [2]. Эти свѣдѣнія Лефорта и Кампредона о предполагаемомъ личномъ составѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта расходятся, какъ видитъ читатель, лишь въ томъ, что послѣдній, кромѣ лицъ, указанныхъ первымъ, упоминаетъ еще о графѣ Толстомъ и князѣ Долгоруковомъ. Извѣстіе Кампредона,

---

[1] С. Р. И. О., т. III, стр 409.

[2] Тамъ же т. LVIII, стр. 247.

касающееся участія графа Толстаго, заслуживаетъ довѣрія, ибо графъ Толстой, какъ мы увидимъ ниже, былъ излюбленнымъ совѣтникомъ Екатерины и принималъ самое близкое и горячее участіе въ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта. Что же касается Долгорукова, то тѣ, которые думали, что онъ будетъ назначенъ членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, были, очевидно, не хорошо освѣдомлены, ибо уже въ іюлѣ этого года онъ былъ удаленъ изъ Петербурга въ почетное изгнаніе въ Варшаву. Черезъ два приблизительно мѣсяца, а именно, 30 іюня Кампредонъ опять сообщаетъ намъ интересные слухи, касающіеся личнаго состава Верховнаго Тайнаго Совѣта. „Герцогу Голштинскому“, пишетъ онъ—„хочется самому стать во главѣ кабинета, послѣ себя помѣстить Толстаго, потомъ Меньшикова и четвертымъ Остермана или Шафирова, по выбору Толстого; канцлера Головкина устранить совсѣмъ. Ягужинскаго же удалить подъ предлогомъ назначенія посломъ“ [1]. Слухи о назначеніи Долгорукова въ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта оказались, такимъ образомъ, какъ и слѣдовало ожидать, лишенными основанія. Ягужинскій по прежнему остается исключеннымъ изъ состава Верховнаго Тайнаго Совѣта. Мало того, мы не находимъ въ спискѣ будущихъ членовъ Совѣта его тестя, канцлера Головкина. Кто же, спрашивается, замѣнитъ его? Если Шафировъ,—то Остерманъ, личный врагъ послѣдняго,—не останется вице-канцлеромъ; назначить же Остермана на этотъ важный постъ нельзя: это была бы слишкомъ большая честь для скромнаго и боязливаго нѣмца; кромѣ того императрица въ это время не успѣла еще оцѣнить его по достоинству и не особенно его долюбливала. И вотъ колеблятся между различными кандидатами. Но всѣ эти сомнѣнія разрѣшаются Головкинымъ, связь котораго съ его зятемъ не оказалась настолько тѣсной, чтобы онъ рѣшился пожертвовать ради него своимъ вліятельнымъ постомъ: онъ соглашается принять участіе въ Совѣтѣ и безъ Ягужинскаго. А разъ Головкинъ оставался канцлеромъ, въ Шафировѣ больше не нуждались и его врагъ, Остерманъ, оставаясь вице-канцлеромъ, не встрѣчалъ болѣе препятствій къ вступленію въ Верховный Тайный Совѣтъ.

Такимъ образомъ выяснился постепенно кругъ тѣхъ лицъ, которыя могли взойти въ составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.

---

[1] Тамъ же т. LVIII, стр. 406.

Но кто же руководилъ этими переговорами? Кто взялъ на себя трудную и щекотливую задачу примирить притязанія различныхъ кандидатовъ и такъ организовать Совѣтъ, чтобы никого не обойти изъ сильныхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ умѣстить на равныхъ правахъ въ этомъ новомъ учрежденіи? Въ дѣлѣ организаціи Совѣта, конечно, всего болѣе заинтересована сама императрица. Между тѣмъ самымъ близкимъ ей въ это время лицомъ былъ ея зять герцогъ Голштинскій. Его интересы, кромѣ того, въ данномъ случаѣ совпадали съ интересами императрицы. Герцогъ хотѣлъ играть въ государственныхъ дѣлахъ первенствующую роль, главнымъ же препятствіемъ его вліянію служило всемогущество Меньшикова. Всесиліе послѣдняго стѣсняло и императрицу, которая очень желала видѣть своего зятя на первомъ мѣстѣ и которая надѣялась, что окрѣпнувшее вліяніе герцога будетъ служить противовѣсомъ тяготѣвшему надъ ней авторитету Меньшикова. Неудивительно поэтому, что герцогъ Голштинскій принимаетъ самое близкое участіе въ организаціи Верховнаго Тайнаго Совѣта. „Идея Верховнаго Тайнаго Совѣта, говоритъ Кампредонъ въ своемъ письмѣ отъ 3 мая, подана герцогомъ Голштинскимъ“. [1] А 30 іюня онъ пишетъ, что „герцогъ Голштинскій всячески старается привлечь его (графа Толстого) къ своимъ интересамъ и составить Тайный Совѣтъ при кабинетѣ царицы“. [2] 23 февраля 1726 г., когда уже былъ учрежденъ Верховный Тайный Совѣтъ, Кампредонъ лишній разъ подчеркиваетъ то участіе, которое принималъ герцогъ Голштинскій въ его устройствѣ, „Вы помните, пишетъ онъ, „что я болѣе полугода тому назадъ сообщалъ вамъ, что герцогъ Голштинскій и его министръ (Бассевичъ) хлопочатъ объ учрежденіи Тайнаго Совѣта, который, завися вполнѣ отъ царицы, далъ-бы Государынѣ больше свободы въ рѣшеніяхъ“. [3] Мардефельдъ подтверждаетъ это извѣстіе письмомъ отъ того-же числа, говоря, что учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ который императрица пригласила присутствовать своего зятя, „какъ сына и близкаго“, вліяніе герцога, а косвенно и его перваго министра на всѣ важнѣйшія дѣла быстро возрастетъ.

---

[1] Тамъ же, т. LXIV, стр. 253.

[2] Тамъ же, т. LVIII, стр. 406.

[3] Тамъ же, т. LXIV, стр. 253.

[4] Отсюда Мардефельдъ выводитъ для своего короля „крайнюю необходимость поддерживать доброе расположеніе“ и герцога, и его министра

Лефортъ также приписываетъ министру герцога Голштинскаго участіе въ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта и думаетъ, что онъ дѣйствовалъ тутъ заодно съ Шафировымъ. „Проектъ Верховнаго Тайнаго Совѣта“, доноситъ Лефортъ въ своемъ письмѣ отъ 26-го февраля, „какъ я сказалъ выше, давно на разсмотрѣніи, онъ былъ предложенъ Шафировымъ и Бассевичемъ съ тѣмъ условіемъ, что они примутъ въ немъ участіе. Бассевичъ, думавшій въ это время держать жезлъ ааронов, предложилъ приведеніе въ исполненіе проекта князю Меньшикову, чтобы черезъ это увеличилась власть герцога Голштинскаго и его собственная, такъ какъ онъ твердо убѣжденъ, что герцогъ будетъ управлять Россіей и тогда его умные совѣты выскажутся во всемъ блескѣ.“ [1] Рѣшающее вліяніе на устройство Верховнаго Тайнаго Совѣта Лефортъ приписываетъ тутъ, очевидно, голштинскому двору. Если онъ упоминаетъ и объ участіи Шафирова, то мы должны въ этомъ видѣть отголосокъ того фазиса въ переговорахъ о личномъ составѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, о которомъ мы говорили выше, и который относится къ тому времени, когда считали невозможнымъ назначеніе Головкина въ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, и когда его мѣсто долженъ былъ занять Шафировъ. Понятно, что послѣднему эта комбинація была очень по вкусу и вполнѣ естественно, что онъ усердно хлопоталъ объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, съ устройствомъ котораго ему раскрывалась такая заманчивая перспектива.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что иниціатива организаціи В. Т. Совѣта исходила отъ человѣка, стоявшаго въ это время всего ближе къ Екатеринѣ, отъ человѣка, въ которомъ она видѣла своего ближайшаго родственника, своего сына, лучшаго истолкователя наиболѣе дорогихъ ея сердцу интересовъ. Но этотъ человѣкъ, столь близкій Екатеринѣ, именно этою своею близостью возбуждалъ недовѣріе высшихъ сановниковъ. Онъ кромѣ того былъ иностранцемъ, плохо знавшимъ русскихъ людей и русскія отношенія. Онъ былъ, наконецъ, и новичкомъ при петербургскомъ дворѣ и не обладалъ тою опытностью и тѣми дип-

---

„По своему крайнему разумѣнію, я считаю умѣстнымъ, прибавляетъ онъ, при этомъ случаѣ подать всеподданнѣйшій совѣтъ не отказывать герцогу въ титулѣ королевскаго высочества. (Тамъ же. Т. XV, стр. 305—306).

[1] Тамъ же, т. III, стр. 433.

ломатическими способностями, которыя были нужны для веденія труднаго и щекотливаго дѣла, порученнаго ему императрицей.

И вотъ онъ ищетъ себѣ союзника и находитъ его въ лицѣ графа Толстого. Этотъ ловкій и умный министръ былъ какъ-бы созданъ для этой роли. Графъ Толстой не любитъ Меньшикова, хотя, какъ умный человѣкъ, знаетъ, что безъ содѣйствія свѣтлѣйшаго князя ничего добиться нельзя. Но эта тайная вражда Толстого къ Меньшикову на руку герцогу, который хлопочетъ о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, какъ о средствѣ умѣрить вліяніе Меньшикова и ввести его власть въ желанныя границы. Толстой, кромѣ того, пользуется особеннымъ довѣріемъ императрицы, посвященъ во всѣ ея планы и принимаетъ участіе во всѣхъ ея рѣшеніяхъ. Ему, наконецъ, рожденному дипломату, съ его изворотливымъ умомъ и гибкой натурой, вполнѣ по силамъ та трудная задача, которую возложила Екатерина на своего зятя. Въ самомъ дѣлѣ, кто лучше его зналъ тайныя пружины сложныхъ интригъ и политическихъ „конъектуръ" и кто лучше его могъ воспользоваться ими для своихъ цѣлей.—лучше того Толстого, котораго Меньшиковъ называетъ ловкимъ итальянцемъ, умѣющимъ надѣвать плащъ то на одно, то на другое плечо, смотря по тому, откуда вѣетъ вѣтеръ, [1] того Толстаго, котораго Кампредонъ характеризуетъ искуснымъ кормчимъ, плывущимъ между двумя теченіями и не высказывающимся, пока не увидитъ, какое изъ нихъ окажется сильнѣе? [2]

Что герцогъ Голштинскій поручилъ именно Толстому переговоры, которые должны были повести къ окончательной организаціи Верховнаго Тайнаго Совѣта, объ этомъ сохранились очень ясныя свѣдѣнія въ донесеніяхъ Кампредона и Лефорта. Мы уже привели выше выдержку изъ письма французскаго посланника отъ 30-го іюня, въ которомъ говорилось, что герцогъ всячески старается привлечь къ своимъ интересамъ графа Толстого и при его содѣйствіи устроить Верховный Тайный Совѣтъ при императрицѣ. „Герцогъ, по словамъ Кампредона, хотѣлъ даже сдѣлать его канцлеромъ, если-бы Толстой согласился на этотъ планъ... Онъ разсчитываетъ установить этимъ способомъ прочное управленіе (administration solide) при императрицѣ и не допустить завѣдомо недоброжелательныхъ людей, обманывать ее

[1] Тамъ же, т. XV, стр. 274.
[2] Тамъ же, т. LVIII, стр. 406

и сбивать съ толку. Зная, продолжаетъ Кампредонъ, какъ я желаю добра царицѣ и думая, что имѣю вліяніе на Толстаго, герцогъ Голштинскій, сообщая мнѣ свой замыселъ, просилъ меня разузнать, можетъ-ли онъ надѣяться на дружбу Толстого и на согласіе его дѣйствовать для общаго блага Россіи и для собственной выгоды.“ [1] Это письмо было написано 30-го іюня, а уже 25-го августа Лефортъ доноситъ, что старанія герцога Голштинскаго привлечь Толстаго къ своимъ интересамъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. [2] А въ письмѣ, въ которомъ Кампредонъ бросаетъ ретроспективный взглядъ на исторію возникновенія Верховнаго Тайнаго Совѣта мы читаемъ: „Ловкій Толстой, судьба коего, такъ же какъ и Меньшикова, вполнѣ зависитъ отъ положенія царицы, сумѣлъ извлечь существенную выгоду изъ этихъ явственныхъ признаковъ движенія. Предложивъ учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, предсѣдательницей коего должна быть царица, а совершенно равноправными членами главные вельможи, онъ одновременно и укрѣпилъ власть своей государыни и нѣкоторымъ образомъ удовлетворилъ всѣ партіи,—вотъ къ чему привели наконецъ тайныя совѣщанія графа Толстого съ княземъ Меньшиковымъ и Голицынымъ и съ адмираломъ Апраксинымъ.“ [3]

Но прежде, чѣмъ достигнуть этого желаннаго результата графу Толстому пришлось не мало потрудиться. Главное затрудненіе, которое онъ долженъ былъ встрѣтить, заключалось въ томъ противодѣйствіи, которое Меньшиковъ оказывалъ задуманному плану. Всѣ смотрѣли на новое учрежденіе, какъ на средство уравновѣсить чрезмѣрное вліяніе Меньшикова и поставить предѣлъ его всемогуществу. Объясняя то значеніе, которое будетъ имѣть Верховный Тайный Совѣтъ для усиленія власти государыни, Кампредонъ продолжаетъ: „Ограничиваемая отнынѣ власть князя Меньшикова не станетъ болѣе возбуждать справедливой зависти, такъ какъ ему уже нельзя будетъ ничего рѣшать иначе какъ съ единогласнаго согласія всего Совѣта, который подъ именемъ царицы сдѣлается въ сущности истиннымъ господиномъ положенія.“ [4] Такъ же смотритъ на Верховный Тайный Совѣтъ и Мардефельдъ. „Ея величество царица, пишетъ онъ, старается

[1] Тамъ же, т. LVIII, стр. 406, 407.
[2] Тамъ же, т. III, стр. 419.
[3] Тамъ же, т. LXIV, стр. 254.
[4] Тамъ же т. LXIV, стр. 254.

по возможности укрѣпить авторитетъ герцога въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Члены послѣдняго, повидимому, весьма довольны этимъ, ибо ихъ голоса, такимъ образомъ, не только освобождаются отъ вліянія князя Меньшикова при обсужденіи важныхъ дѣлъ, но также уравновѣшивается надменное и имъ ненавистное первенство послѣдняго персоною герцога." [1] Но Меньшиковъ никому этого первенства даромъ, конечно, уступить не хотѣлъ и не могъ добровольно содѣйствовать устройству учрежденія, которое должно было служить сдержкой его власти. Чтобы заручиться его содѣйствіемъ, нужно было дать ему компенсацію, нужно было купить его согласіе и купить притомъ дорогою цѣной. Ловкій Толстой съумѣлъ, однако, сладить и съ такимъ тугимъ продавцомъ. Графъ Толстой понялъ, что нужно было пожертвовать однимъ сильнымъ человѣкомъ, чтобы заручиться содѣйствіемъ другого сильнаго человѣка. Своей жертвой онъ намѣтилъ Ягужинскаго.

Почему-же именно Ягужинскаго?

Причинъ тому было нѣсколько. Толстой не любилъ Ягужинскаго: онъ былъ слишкомъ близокъ къ императрицѣ и умѣлъ пользоваться ея слабостями, чтобы отстранять отъ нея другихъ близкихъ ей совѣтниковъ и нерѣдко даже и его, Толстого. Ягужинскій кромѣ того, былъ слишкомъ горячъ и несдержанъ, чтобы служить удобнымъ союзникомъ, на котораго можно было-бы положиться. [2]

Но если Толстой не любилъ Ягужинскаго, то Меньшиковъ ненавидѣлъ его. Ягужинскій одинъ умѣлъ и передъ Меньшиковымъ отстаивать свои мнѣнія и не боялся говорить ему правду, прямо въ лицо, не стѣсняясь при этомъ выраженіями, которыя нерѣдко переходили въ грубую брань. О враждѣ между Ягужинскимъ и Меньшиковымъ и объ ихъ постоянныхъ ссорахъ мы имѣемъ не мало свидѣтельствъ въ донесеніяхъ иностранныхъ агентовъ. Кампредонъ въ письмѣ отъ 3 мая 1725 г. пишетъ:

---

[1] Тамъ же, т. XV, стр. 307.

[2] „Толстой, разсказываетъ Кампредонъ, говоритъ, когда его только осторожно разспрашиваютъ, что его считаютъ очень неразумнымъ человѣкомъ, если предполагаютъ его способнымъ связывать свои интересы съ козними такого сумасброда, какъ Ягужинскій, который въ пьяномъ видѣ выдаетъ все на свѣтъ. Замѣтно, что Толстой недоволенъ происходящимъ и тѣмъ, что Императрица недостаточно слушается его совѣтовъ. (Тамъ же, т. LVIII, стр. 406).

„Въ самый день совѣщанія этихъ министровъ Ягужинскій, напившись пьянымъ у герцога Голштинскаго и, наговоривъ кучу дерзостей князю Меньшикову и адмиралу Апраксину, отправился въ церковь къ тѣлу покойнаго государя и принялся вслухъ умолять его встать изъ гроба и взглянуть, какъ попираютъ всѣ его завѣты и оскорбляютъ его слугъ. Эта сумасбродная выходка чуть не стоила головы Ягужинскому.“ [1] Въ письмѣ отъ 9 іюня того-же года Лефортъ доноситъ: „У Меньшикова и Ягужинскаго были новыя ссоры въ присутствіи всего Сената, и они наговорили другъ другу дерзостей; первый поклялся въ погибели Ягужинскаго, и это легко можетъ ему удасться.“ [2] Въ письмѣ отъ 4 августа мы встрѣчаемся съ подобнымъ же извѣстіемъ: „Ягужинскій снова дѣйствуетъ по-прежнему въ Петергофѣ; онъ имѣлъ споръ съ Бассевичемъ, дошедшій даже до дерзостей, которыя въ другихъ странахъ стоили бы одному изъ нихъ жизни. Это происходитъ отъ того, что Ягужинскій имѣлъ новыя ссоры съ Меньшиковымъ и желалъ помириться, но Меньшиковъ согласился не иначе, какъ если онъ представитъ ручательство за будущее поведеніе.“ [3]

Ягужинскій—личный врагъ Меньшикова и всюду становится ему поперекъ дороги. Ягужинскій, между тѣмъ, крупная величина, съ которой, ему, Меньшикову, несмотря на его силу, нельзя не считаться.

Ягужинскій—генералъ-прокуроръ Сената; но это еще не такъ важно, съ этимъ можно, пожалуй, и помириться, важнѣе то, что Ягужинскій—адъютантъ государыни, умѣющій пользоваться своей близостью къ ней. Онъ, по словамъ Лефорта, вмѣстѣ съ другимъ адъютантомъ Девьеромъ позволяетъ ходить къ императрицѣ только тому, кто ему понравится [4]. Онъ-же устраиваетъ при дворѣ празднества, на которыхъ, пользуясь непринужденнымъ настроеніемъ веселаго общества, наушничаетъ императрицѣ про другихъ и, конечно, и про него; онъ-же этими празднествами отвлекаетъ императрицу отъ дѣлъ, которыя силою вещей передаются Сенату, гдѣ все дѣлается по его указанію [5].

---

[1] Тамъ-же, т. LVIII, стр. 238.

[2] Тамъ-же, т. III, стр. 411.

[3] Тамъ-же, т. III, стр. 416.

[4] Тамъ-же. Т. III, стр. 412.

[5] „Герцогъ Голштинскій, пишетъ Кампредонъ, и самъ опасается, что если будутъ продолжаться эти развлеченія, къ которымъ ее, то-есть импе-

Меньшиковъ имѣлъ, такимъ образомъ, достаточно основаній ненавидѣть Ягужинскаго и желать его удаленія. Но для того, чтобы цѣной этого удаленія купить согласіе Меньшикова на учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, а слѣдовательно, и на умаленіе своей власти для этого Толстому, если онъ хотѣлъ дѣйствовать навѣрняка, нужно было дождаться благопріятнаго момента, а именно особенно остраго періода въ враждебныхъ отношеніяхъ между Меньшиковымъ и Ягужинскимъ, который разжегъ бы до-бѣла ненависть Меньшикова къ своему сопернику. Только такая ненависть, возведенная въ пылъ страсти, могла помутить сужденіе Меньшикова настолько, чтобы побудить его ради отплаты своему врагу поступиться частью своей власти. И такой острый періодъ враждебныхъ отношеній между Меньшиковымъ и Ягужинскимъ наступилъ осенью 1725 года. Минихъ, строившій Ладожскій каналъ, требовалъ на работы войска, которыя Меньшиковъ, во многомъ неодобрявшій дѣйствія иностраннаго инженера, отпустить не хотѣлъ. Произошла въ Сенатѣ крупная схватка между Меньшиковымъ и Ягужинскимъ, который отстаивалъ справедливость требованія Миниха. Обыкновенно въ спорахъ съ свѣтлѣйшимъ княземъ долженъ былъ уступать Ягу-

---

ратрицу, пріучили въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ, то Сенатъ пріобрѣтетъ слишкомъ большое вліяніе на дѣла, а Царица незамѣтно утратитъ и часть своей власти и уваженія и преимущество, заслуженное ея великими дарованіями. Развлеченія эти заключаются въ почти ежедневныхъ, продолжающихся всю ночь и добрую часть дня, попойкахъ въ саду съ лицами, которыя, по обязанности службы, должны всегда присутствовать при дворѣ. Самые снисходительные люди думаютъ, что императрица ведетъ себя такъ по примѣру царя, чтобы подобно ему, вывѣдывать сокровенныя мысли главнѣйшихъ вельможъ. Но стоящіе ближе къ дѣлу и которымъ извѣстны устраивающіе эти забавы справедливо полагаютъ, напротивъ, что именно вельможи стараются отдалить отъ государыни наиболѣе довѣренныхъ министровъ, лишая ихъ возможности бесѣдовать съ нею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвлекая ее отъ дѣлъ и внушая ей отвращеніе къ занятію ими. Тѣмъ временемъ дѣлъ накопляется столько, что она вынуждена поневолѣ предоставить ихъ рѣшеніе Сенату. Руководитъ этой тактикой Ягужинскій. Какъ генералъ-адъютантъ, онъ четыре раза въ году дежуритъ при особѣ царицы, а какъ генералъ-прокуроръ, онъ пользуется первымъ рѣшающимъ голосомъ въ Сенатѣ, гдѣ безъ него ничего постановлено быть не можетъ. Между тѣмъ со временемъ прощенія, дарованнаго емуЦарицей по просьбѣ герцога Голштинскаго, онъ бываетъ тамъ очень рѣдко. Ему удалось втереться въ ея довѣріе, благодаря генераламъ-маіорамъ гвардіи Ушакову и Юсупову, которыхъ онъ увѣрилъ, будто князь Меньшиковъ презираетъ ихъ". (Тамъ-же. Т. LVIII, стр. 404, 405).

жинскій. Но на этотъ разъ онъ, поддержанный герцогомъ Голштинскимъ, взялъ верхъ надъ Меньшиковымъ. Государыня одобрила планъ Миниха, и Ягужинскій одержалъ побѣду надъ своимъ соперникомъ [1].

Въ письмѣ, въ которомъ Кампредонъ разсказываетъ объ этой побѣдѣ Ягужинскаго, онъ называетъ его заклятымъ врагомъ Меньшикова. И другіе иностранные агенты, повѣствующіе объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, прямо указываютъ на эту вражду между Меньшиковымъ и Ягужинскимъ, какъ на причину исключенія послѣдняго изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. „При вышеозначенной перемѣнѣ въ правленіи, говоритъ Мардефельдъ, былъ чрезвычайно оскорбленъ Ягужинскій. Царица положительно не хотѣла назначить его въ Совѣтъ, ибо не считаетъ его расположеннымъ къ себѣ, что слѣдуетъ приписать его неукротимой ненависти къ Меньшикову и малой умѣренности въ употребленіи вина“ [2]. Лефортъ прямо говоритъ, что „учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Меньшиковъ добился своей цѣли устранить Ягужинскаго. Князь Меньшиковъ далъ установиться этому плану (учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта),

---

[1] Объ этомъ эпизодѣ, который имѣлъ для Ягужинскаго такія роковыя послѣдствія, разсказываетъ намъ и Лефортъ, и Кампредонъ. „Князь Меньшиковъ, доноситъ Лефортъ, чтобы помѣшать Миниху въ его дѣлахъ, устроилъ такъ, что войска получили приказаніе удалиться на зимнія квартиры... Вслѣдствіе этого приказа, генералъ Минихъ явился сюда и представилъ Сенату, что не считая остановки, издержки возрастаютъ до 300 тыс. руб. Въ прошлую среду были оправданы доводы Миниха. Царица пригласила его на обѣдъ, гдѣ онъ изъяснилъ свои основанія и напомнилъ прежнее сбереженіе, которое не дѣлаетъ чести Меньшикову. Этотъ послѣдній былъ позванъ. У него не оказалось достаточныхъ доводовъ, чтобы опровергнуть доводы Миниха“. (Тамъ-же. Т. III, стр. 420, 421). Подробнѣе и нѣсколько съ иной точки зрѣнія пишетъ о томъ-же Кампредонъ. „Что касается Ладожскаго канала, разсказываетъ онъ, то былъ онъ предпринятъ генералъ-лейтенантомъ нѣмцемъ, по имени Минихомъ, который еще при покойномъ царѣ прибралъ это дѣло къ своимъ рукамъ въ ущербъ князю Меньшикову, поддерживавшему русскихъ предпринимателей. Проектъ и планъ, по коимъ царь приказалъ рыть каналъ, составлены инженеромъ, подданнымъ Вашему Величеству. Стали поговаривать, будто бы Минихъ отступилъ отъ этого проекта и въ холодное время года губитъ на работахъ много народа. Князь Меньшиковъ осматривалъ эти работы и съ нѣкоторыми инженерами: онѣ оказались мѣстами въ плохомъ состояніи, но Минихъ, поддерживаемый въ Сенатѣ Ягужинскимъ, все-жедобился одобренія своего труда“. (Тамъ-же. Т. LXIV, стр. 45, 46).

[2] Тамъ-же. Т. XV, стр. 306.

чтобы извлечь оттуда всю сущность, въ особенности, чтобы лишить Ягужинскаго всякой власти и важныхъ свѣдѣній» [1].

Но Меньшиковъ слишкомъ много терялъ, дѣлаясь на равныхъ правахъ съ другими членомъ Совѣта, чтобы помириться съ его учрежденіемъ цѣною одного только удаленія своего врага—Ягужинскаго. Чтобы заручиться его согласіемъ, нужно было дать другое болѣе крупное удовлетвореніе его честолюбію—удовлетвореніе, которое явно указывало бы на его привиллегированное положеніе среди членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Такимъ удовлетвореніемъ и явился указъ 12 февраля 1726 года, который изъялъ важнѣйшія и требующія тайны военныя дѣла изъ компетенціи Верховнаго Тайнаго Совѣта [2]. Этимъ указомъ Меньшиковъ, какъ президентъ Военной Коллегіи, становился въ непосредственныя отношенія къ Государынѣ и въ исключительное положеніе относительно другихъ членовъ: онъ получалъ право докладывать о важнѣйшихъ военныхъ дѣлахъ непосредственно императрицѣ, минуя Верховный Тайный Совѣтъ. Понятно, что этотъ указъ былъ очень важной уступкой и служилъ лишнимъ доказательствомъ того вліянія, которымъ пользовался Меньшиковъ въ это время. Неудивительно поэтому, что современники съ одной стороны видятъ въ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта сдержку власти Меньшикова, съ другой — усматриваютъ въ исторіи его возникновенія явные признаки его авторитета. Лефортъ, напримѣръ, прямо говоритъ, что важныя перемѣны, сдѣланныя въ государственныхъ учрежденіяхъ, служатъ вѣрнымъ доказательствомъ вліянія и полной власти Меньшикова [3].

Въ Верховный Тайный Совѣтъ должны были силою вещей войти всѣ вліятельные министры императрицы, принимавшіе участіе въ совѣщаніяхъ неоффиціальнаго совѣта, который, хотя, и не былъ учрежденъ закономъ, но какъ мы видѣли фактически существовалъ въ первый годъ царствованія Екатерины.

Изъ предшествовавшаго изложенія уже ясно вытекаетъ, кто были эти лица. Но мы можемъ для провѣрки воспользоваться еще спискомъ, который находимъ у Кампредона; здѣсь перечислены всѣ тѣ сановники, которые должны были содѣйствовать заключенію договора Россіи съ Франціей, и каждому изъ нихъ назначалось

---

[1] Тамъ же. Т. III, стр. 434.

[2] Полное Собраніе Законовъ. Т. VII, № 4835.

[3] С. Р. И. О. Т. III, стр. 433.

за это содѣйствіе извѣстное вознагражденіе. Въ этомъ спискѣ значатся: Головкинъ, Толстой, Остерманъ, Степановъ, Меньшиковъ, Апраксинъ, Голицынъ, Долгорукій, Макаровъ, Ягужинскій, Бассевичъ, Сава, Діуровъ. [1] Изъ этого списка мы должны исключить только тѣхъ лицъ, которыя въ силу своего положенія не могли взойти въ составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а именно Степанова — секретаря Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Макарова—личнаго секретаря императрицы, Бассевича—министра герцога Голштинскаго, камергера Діурова, графа Саву, впослѣдствіи посланника въ Китаѣ. Если вычеркнуть этихъ лицъ, остаются въ спискѣ: Меньшиковъ, Головкинъ, Толстой, Апраксинъ, Голицынъ, Остерманъ, князь Долгоруковъ и Ягужинскій. Этотъ списокъ былъ составленъ 3-го мая, въ іюлѣ же князь Долгоруковъ отправился въ почетное изгнаніе въ Варшаву, Ягужинскій же по изложеннымъ выше причинамъ въ Верховный Тайный Совѣтъ войти не могъ; остаются, такимъ образомъ, Меньшиковъ, Головкинъ, Толстой, Апраксинъ, Голицынъ, Остерманъ, то-есть тѣ именно лица, которыя въ силу учредительнаго акта 8-го февраля дѣйствительно и вошли въ составъ новаго совѣщательнаго учрежденія.

Подведемъ итоги предшествующему изложенію.

Верховный Тайный Совѣтъ былъ учрежденъ въ отвѣтъ на потребность, чувствовавшуюся еще ранѣе, но особенно настоятельно сказавшуюся при воцареніи Екатерины. Супруга Петра, какого бы мнѣнія объ ея характерѣ и ея дарованіяхъ мы ни были, уже какъ женщина и какъ правительница, занявшая престолъ помимо внука Петра, который въ глазахъ большинства былъ единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ, должна была особенно ясно сознавать необходимость окружить себя опытными совѣтниками, которые помогли бы ей нести бремя правленія. Уже въ первый годъ своего царствованія она до извѣстной степени удовлетворяетъ этой потребности, созывая на совѣщанія своихъ министровъ и вліятельнѣйшихъ сановниковъ — Меньшикова, Ягужинскаго, графа Толстаго, Головкина, Апраксина, Репнина, Остермана, Долгорукова, Голицына. Но эти неорганизованныя совѣщанія, дававшія полный просторъ соперничеству сильныхъ людей и случайнымъ партійнымъ „конъекктурамъ“, не могли служить Екатеринѣ той надежной опорою, въ которой она

[1] Тамъ же, т LVIII, стр. 284—85.

нуждалась. Сознаніе необходимости упорядочить эти совѣщанія, опредѣлить разъ навсегда кругъ совѣтниковъ, урегулировать ихъ взаимныя отношенія, однимъ словомъ: сознаніе необходимости возвести эти совѣщанія съ ихъ неопредѣленнымъ кругомъ вѣдомства и съ ихъ пестрымъ и часто мѣнявшимся личнымъ составомъ на степень прочно организованнаго учрежеенія и вызвало указъ 8-го февраля, которымъ былъ созданъ Верховный Тайный Совѣтъ.

Осуществить идею этого учрежденія Екатерина не хотѣла поручить сильнымъ людямъ, (какъ Меньшиковъ), которые не могли желать измѣненія въ государственномъ строѣ, грозившаго стѣснить ихъ авторитетъ. Она могла поручить его только людямъ, ей близкимъ, расположеннымъ входить въ ея интересы. Такимъ человѣкомъ и былъ герцогъ Голштинскій. Онъ и взялъ на себя, при содѣйствіи умнаго и ловкаго Толстого, организацію Верховнаго Тайнаго Совѣта и послѣ долгихъ переговоровъ устранилъ тѣ препятствія, которыя стояли на пути къ устройству Верховнаго Тайнаго Совѣта. Однимъ изъ этихъ препятствій было властолюбіе Меньшикова: пожертвовавъ ради него Ягужинскимъ и сдѣлавъ ему другія важныя уступки, герцогу Голштинскому и графу Толстому и удалось, наконецъ, организовать Верховный Тайный Совѣтъ въ февралѣ 1726 г.

2) Воззрѣнія Градовскаго, Милюкова и Филиппова на возникновеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Предшествующее изложеніе, во многомъ противорѣчитъ взглядамъ нашихъ историковъ на возникновеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Градовскій приписываетъ первую роль въ устройствѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта иниціативѣ и организаторскому таланту Остермана. Такое воззрѣніе врядъ ли въ настоящее время можетъ еще найти сторонниковъ. Изданные послѣ выхода книги Градовскаго документы не даютъ ни малѣйшей опоры для такого воззрѣнія и самымъ неопровержимымъ образомъ доказываютъ, что Остерманъ въ эту эпоху вовсе еще не былъ близкимъ лицомъ Екатеринѣ и не игралъ вліятельной политической роли.

П. Н. Милюковъ видитъ въ Меньшиковѣ главную причину тѣхъ политическихъ комбинацій, которыя вызвали къ жизни Верхов-

ный Тайный Совѣтъ. „Ближайшимъ поводомъ къ учрежденію Верховнаго Тайнаго Совѣта, говоритъ П. Н. Милюковъ, какъ кажется (?), было желаніе Меньшикова уничтожить значеніе Сената и этимъ путемъ свалить ненавистнаго ему генералъ-прокурора Ягужинскаго. Эта цѣль и была достигнута. Но Меньшиковъ, продолжаетъ Милюковъ, только овладѣлъ идеей, существовавшей раньше... Составленіе проекта этого учрежденія, задуманнаго уже 3 мѣсяца спустя смерти Петра, „хорошо освѣдомленный дипломатъ“ Лефортъ приписываетъ Шафирову и Бассевичу, которые при этомъ преслѣдовали свои личныя цѣли. „Однако же Меньшиковъ, перехватившій идею, эксплоатировалъ ее въ свою пользу“. Онъ обошелъ своихъ союзниковъ, вошелъ въ сдѣлку съ своими противниками, и представитель старой знати Дмитріи Михайловичъ Голицынъ былъ введенъ въ составъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.[1] Боярская же партія, во главѣ которой стоялъ Голицынъ, „немедленно послѣ смерти Петра“, по увѣренію П. Н. Милюкова, „начала мечтать о политической самостоятельности. Опираясь на украинскую армію, находившуюся подъ командою брата, князь Д. М. Голицынъ былъ очень силенъ и опасеніе, что онъ двинетъ эту армію на защиту правъ Петра II раздѣлялось многими. Весьма возможно (?), что устройство Верховнаго Совѣта было той уступкой боярской партіи, которая примирила ее съ воцареніемъ Екатерины I...[2] „Устройство Верховнаго Тайнаго Совѣта, заключаетъ свои разсужденія П. Н. Милюковъ, было первымъ шагомъ къ конституціонному проекту 1730 года.“[3]

Это объясненіе возникновенія Верховнаго Тайнаго Совѣта воспроизведено г. Филипповымъ, въ его изслѣдованіи, но онъ повторяетъ его въ нѣсколько, измѣненной редакціи. Эта редакція придаетъ болѣе рѣшительный тонъ утвержденіямъ П. Н. Милюкова и устраняетъ тѣ оговорки, которыя мы отмѣтили вопросительными знаками. То, что только кажется П. Н. Милюкову или считается имъ только весьма возможнымъ, это для проф. Филиппова, „конечно“, существовало въ дѣйствительности. По его увѣренію можно согласиться съ мнѣніемъ, что Меньшиковъ, перехватившій идею о необходимости высшей инстанціи

---

[1] Милюковъ. Государственное Хозяйство Россіи стр. 677 и 678.
[2] Тамъ же стр. 679.
[3] Тамъ же стр. 680.

у Шафирова и Бассевича,—о чемъ доносилъ, какъ мы видѣли, Лефортъ,—затѣмъ обошелъ и Шафирова и герцога Голштинскаго, войдя въ то же время въ сдѣлку съ своими противниками изъ старой знати, въ виду того, конечно, соображенія, что они были слишкомъ сильны, чтобы можно было устроить Верховный Тайный Совѣтъ безъ ихъ участія. Вновь созданный Верховный Тайный Совѣтъ, отвѣчая необходимости объединить первыхъ сенаторовъ-министровъ въ одномъ общемъ учрежденіи въ то же время въ извѣстной степени давалъ выходъ къ стремленіямъ власти стараго родовитаго и новаго худороднаго дворянства. То и другое могло, что затѣмъ и случилось, вступить въ борьбу за власть въ самомъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. [1]

Приведенныя разсужденія могутъ служить образчикомъ того, какъ въ нашей литературѣ построяется исторія, какъ составляются окрыленныя теоріи, которыя, закрѣпленныя научнымъ авторитетомъ выставившихъ ихъ профессоровъ, получаютъ право гражданства въ наукѣ и засимъ, какъ безспорныя истины, проникаютъ въ литературу и въ общество. П. Н. Милюковъ въ историко-экономическомъ изслѣдованіи, поставившемъ себѣ задачею изучить государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст., дѣлаетъ мимоходомъ небольшія экскурсіи въ исторію нашихъ учрежденій и между прочимъ касается и возникновенія Верховнаго Тайнаго Совѣта, посвящая ему нѣсколько страницъ, выдержки изъ которыхъ мы только что привели. На этихъ страницахъ онъ, ссылаясь на отрывочныя мѣста изъ донесеній Лефорта и Кампредона и не провѣряя ихъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, по другимъ свидѣтельствамъ, высказываетъ нѣкоторыя предположенія о возможномъ ходѣ событій, приведшихъ къ образованію Верховнаго Тайнаго Совѣта. Проф. Филипповъ въ сочиненіи, спеціально посвященномъ исторіи высшихъ учрежденій въ эпоху Екатерины I, заимствуетъ эти предположенія, но уже возводитъ ихъ, не приводя никакихъ новыхъ данныхъ, на степень безспорныхъ утвержденій. И вотъ мы имѣемъ готовое объясненіе историческаго явленія, уснащенное звучными разсужденіями о борьбѣ двухъ политическихъ партій съ ихъ стремленіями къ политической самостоятельности... Это объясненіе, несомнѣнно, имѣетъ всѣ шансы на то, чтобы имѣть успѣхъ и доставить истинное удовольствіе многимъ читателямъ и чита-

[1] Филипповъ. Исторія Сената и т. д. стр. 28.

тельницамъ ученыхъ историческихъ сочиненій: тутъ есть все: и интрига злодѣя пьесы властолюбиваго Меньшикова, и коварные замыслы иностранца Бассевича, и наконецъ, какъ вѣнецъ всего зданія,—конституціонный проектъ...

Мы не будемъ долго останавливаться на опроверженіи этого воззрѣнія на возникновеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Приведенныя выше данныя достаточно ясно обнаруживаютъ его слабыя стороны. Мы не будемъ повторять, что Меньшиковъ, ради ограниченія власти котораго былъ, между прочимъ, созданъ Верховный Тайный Совѣтъ, не могъ быть ни его иниціаторомъ, ни его организаторомъ. Мы не будемъ также вновь останавливаться на приведенномъ выше свидѣтельствѣ Лефорта, въ которомъ говорится, что Шафировъ и Бассевичъ предложили проектъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Мы уже подробно объяснили, какъ нужно истолковать это показаніе Саксонскаго посланника. Мы остановимся только на тѣхъ утвержденіяхъ г. Милюкова и г. Филиппова, которыя говорятъ объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ о результатѣ сдѣлки между двумя партіями: партіей худородныхъ съ Меньшиковымъ во главѣ и партіей родовитыхъ бояръ съ Голицынымъ во главѣ.

Никакой партіи худородныхъ дворянъ, способной дѣйствовать солидарно, у насъ въ эту эпоху не было и быть не могло. Были при Екатеринѣ худородные министры, но никогда они, какъ политическое цѣлое, не выступали. Такими худородными дворянами, игравшими политическую роль въ первый годъ царствованія Екатерины, были Меньшиковъ, Ягужинскій, Шафировъ, пожалуй, еще Остерманъ. Но для всякаго, хотя сколько-нибудь знакомаго съ эпохой, звучитъ прямо насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ говорить о нихъ, какъ объ объединенномъ въ цѣлое политическомъ факторѣ. Эти сильныя персоны не образовали ни „партіи“, ни „элемента“—это были царедворцы, подкапывавшіеся другъ подъ друга; это были люди, которые, какъ выражается Кампредонъ, искали только вліянія и царскихъ милостей въ ущербъ одинъ другому. Они не только не дѣйствовали за одно противъ родовитыхъ бояръ, а наоборотъ, враждуя другъ съ другомъ, постоянно сближались съ тѣмъ или другимъ изъ родовитыхъ бояръ для преслѣдованія своихъ личныхъ цѣлей. Меньшиковъ стоялъ ближе къ Апраксину и Голицыну, чѣмъ къ Ягужинскому, Остерманъ служилъ поочередно то Толстому, то Меньшикову, то Долгоруковымъ. Не менѣе странно говорить о

родовитыхъ вельможахъ, какъ о партіи стремившейся къ политической самостоятельности и нашедшей въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ выходъ этимъ стремленіямъ. Послѣ смерти Петра были вельможи, желавшіе воцаренія его внука: то были, между прочимъ, Репнинъ, Долгоруковъ, Голицынъ и были вельможи, которые желали воцаренія Екатерины. Это были не только худородные вельможи, а и вельможи изъ средняго и высшаго дворянства, это были не только Меньшиковъ и Ягужинскій, но и Толстой, и Головкинъ, и Апраксинъ. Какъ послѣдніе не были объединены никакою политическою программой, а только желаніемъ сохранять за собой первенствующую роль, такъ точно и первые не были носителями какихъ-либо политическихъ идеаловъ, а надѣялись только съ устраненіемъ супруги Петра выдвинуться на первыя мѣста и занять вліятельное положеніе.

Когда воцарилась Екатерина, были опять довольные и были недовольные. Были довольны тѣ, которые получили много и были недовольны тѣ, которые получили мало. Были очень довольны и князь Меньшиковъ и графъ Толстой; они получили очень много: они были теперь ближайшими совѣтниками императрицы и вліятельнѣйшими людьми. Еще болѣе доволенъ былъ герцогъ Голштинскій, которому 21 мая 1725 г. была дана въ супруги старшая цесаревна. Были довольны, хотя далеко не въ такой степени, и князь М. М. Голицынъ, произведенный того же числа въ фельдмаршалы, и князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, и князь Д. М. Голицынъ, и графъ Петръ Апраксинъ: они были произведены въ тотъ же счастливый день въ дѣйствительные тайные совѣтники. Но изъ первыхъ двухъ Дмитрій Голицынъ былъ болѣе доволенъ, чѣмъ Долгоруковъ, ибо онъ оставался въ неоффиціальномъ совѣтѣ 1725 г., а съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта 1726 г. сталъ его членомъ; Василій же Лукичъ Долгоруковъ былъ назначенъ въ Варшаву и долженъ былъ оставить Петербургъ. Недоволенъ былъ Репнинъ, назначенный въ Ригу, въ отчаяніи былъ Ягужинскій, не попавшій въ число членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ эту эпоху, такимъ образомъ, оба элемента — худородные и родовитые вельможи то и дѣло перемѣшиваются и сливаются, дѣйствуя однако на общемъ поприщѣ—на поприщѣ исканія царскихъ милостей.

Осенью 1726 г. политическія „конъенктуры“ получаютъ иной оборотъ, политическія стремленія — иныя цѣли и группировки партій—новый обликъ. Болѣзнь императрицы, обнаружившаяся

къ этому времени, выдвигаетъ снова вопросъ о престолонаслѣдіи. Вельможи опять раздѣляются на приверженцевъ внука Петра и на сторонниковъ Екатерины, желавшихъ видѣть на престолѣ ея потомство. Но на сторонѣ Петра уже другія лица. Во главѣ его сторонниковъ не родовитый вельможа, а худородный Меньшиковъ: онъ теперь за одно съ Голицынымъ. На противоположной-же сторонѣ стоятъ въ первыхъ рядахъ герцогъ Голштинскій графъ Толстой. Элементъ худородный опять такъ смѣшался съ элементомъ родовитымъ, что противопоставлять ихъ, какъ два враждебныхъ фактора, нельзя. И все историческое построеніе г. Филиппова, основанное на этомъ противопоставленіи, теряетъ подъ собою почву и расплывается въ туманную картину, въ которой нельзя распознать ни одного конкретнаго отношенія, ни одного реальнаго лица...

3) Свидѣтельства иностранцевъ, имѣющія отношеніе къ вопросу о возникновеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта.

А. Свидѣтельства Лефорта и Мардефельда.

Мы переходимъ къ разбору тѣхъ свидѣтельствъ, на которыя ссылаются наши историки, видящіе въ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта первый шагъ къ конституціонному проекту 1730 г.

Мы начнемъ со свидѣтельствъ Лефорта, котораго П. Н. Милюковъ выдвигаетъ на первый планъ, считая его очень хорошо освѣдомленнымъ.

Петръ умеръ 8 февраля 1725 г., а 10 февраля Лефортъ пишетъ: „До сихъ поръ никто не говоритъ о сынѣ царевича, а между тѣмъ это предметъ, требующій многихъ размышленій. Меньшиковъ на вершинѣ своего могущества; онъ пользуется тѣмъ-же расположеніемъ. Не знаю, что дворянство подумаетъ объ этомъ. Бассевичъ даетъ понять, что онъ съ Меньшиковымъ причина тому, что произошло. Не сомнѣваются въ славномъ царствованіи, но сердца на сторонѣ царевича.“ [1] Въ этихъ словахъ мы о политическихъ стремленіяхъ боярской партіи пока ничего не слышимъ, а узнаемъ только объ настроеніи большинства, стоящаго на сторонѣ царевича. Въ письмѣ отъ 13-го февраля Лефортъ доноситъ: „Усиленно стараются расположить въ свою

[1] С. Р. И. О., т. III, стр. 401.

пользу дворянство и войско. Этимъ только и можно объяснить помилованіе Шафирова. Несомнѣнно, что вельможи дѣлаютъ только видъ, что довольны. Если удастся заручиться Голицынымъ въ Украйнѣ, у котораго самый большій отрядъ войска, то волненія нечего будетъ опасаться, если-же нѣтъ, то Богъ знаетъ, что случится. Что касается до духовенства, то имъ заручились черезъ посредство его начальника, который былъ всегда любимцемъ царицы. Уже завидуютъ сильной власти, которую пріобрѣлъ Меньшиковъ.“ [1] Въ письмѣ отъ 17 февраля Лефортъ пишетъ: „Увѣряютъ, что приказъ генералу Голицыну пріѣхать сюда былъ посланъ ему еще при жизни царя... Этотъ приказъ, говорятъ, былъ повторенъ съ тѣмъ предостереженіемъ, что если онъ замедлитъ послѣдовать ему, то будетъ арестованъ. *Начинаютъ воспѣвать счастливое освобожденіе отъ тиранніи и очень хорошо чувствуютъ, что царствованіе женщины не будетъ такимъ деспотичнымъ, но я вижу, что тронъ ускользаетъ.* Царица имѣетъ много причинъ остерегаться и окружать себя хорошими совѣтниками. Гарнизонъ старой Ладоги удвоили. Мнѣ кажется, что Голштинскій дворъ слишкомъ вольничаетъ въ странѣ, гдѣ онъ на хлѣбахъ изъ милости.“ [2] Въ письмѣ отъ 17 марта мы читаемъ: „Фракціи и партіи начинаютъ обрисовываться. Меншиковъ всѣмъ ворочаетъ и избралъ себѣ Толстого... императрица, повидимому, избрала себѣ этихъ двухъ своими руководителями, которымъ безусловно подчиняется. Меншиковъ старается лишить Репнина всякаго вліянія и такъ его принижаетъ, что въ этомъ принижеиіи чувствуется рѣшимость окончательно погубить его. Головкинъ лишился своего значенія, не знаю, пріобрѣтетъ ли онъ его снова; это произошло отъ того, что во время выборовъ онъ предложилъ воспользоваться голосомъ народа и съ тѣхъ поръ хотѣлъ интересоваться судьбою великаго князя, сына царевича. Ягужинскій изо всѣхъ силъ старается принадлежать къ партіи Меншикова и Толстого... Голицыны и Долгорукіе и дворянство соединились вмѣстѣ и отражаютъ удары, которые имъ наносятъ, они, однако, не выражаютъ недовольства и собираются съ силами, чтобы воспрянуть. Шафировъ пересталъ оказывать сопротивленіе Меншикову и Толстому“.

Въ донесеніи отъ 25 августа Лефортъ повѣствуетъ о борьбѣ партій, но о партіи бояръ не упоминаетъ, а говоритъ только,

[1] Тамъ же, т. III, стр. 403.

[2] Тамъ же т. III стр. 404, 405.

что Голштинскому двору удалось, наконецъ, совершенно привлечь на свою сторону Толстого. Толстой даетъ тому доказательства, противодѣйствуя противоположной партіи, которая состоитъ изъ Головкина, Ягужинскаго и Остермана. Другая же партія—Голштинскій дворъ, Меньшиковъ, Толстой и Шафировъ мнѣ представляется гораздо болѣе сильной.“ [1]

Изъ этихъ писемъ Лефорта прежде всего вытекаетъ, что явленіемъ, которое всего болѣе поражало наблюдателя, слѣдившаго за ходомъ событій при русскомъ дворѣ въ первый годъ царствованія императрицы, было то вліятельное положеніе, которое заняли Меншиковъ и герцогъ Голштинскій. Надменное поведеніе послѣдняго особенно рѣзко подчеркивается Лефортомъ, оно-то, по его мнѣнію, и поддерживаетъ недовольство русскаго общества и въ особенности дворянства, симпатіи котораго были на сторонѣ сына несчастнаго царевича; но это недовольство, по словамъ Лефорта, ничѣмъ не выражается и дворяне дѣлаютъ видъ, будто мирятся съ новымъ положеніемъ вещей. *Ни о какихъ стремленіяхъ русскаго боярства къ политической самостоятельности,* „очень хорошо освѣдомленный“ Лефортъ *ничего не знаетъ.* Но если это такъ, то чѣмъ же объяснить, спроситъ читатель, ссылку П. Н. Милюкова именно на Лефорта? П. Н. Милюковъ не приводитъ ни одного изъ выписанныхъ нами свидѣтельствъ Лефорта, а ссылается только на одну фразу саксонскаго агента, а именно на ту, которую мы подчеркнули въ приведенномъ нами выше письмѣ отъ 17 февраля, и которая гласитъ: „начинаютъ воспѣвать счастливое освобожденіе отъ тиранніи и очень хорошо чувствуютъ, что правленіе женщины не можетъ быть столь деспотичнымъ.“ Ни одинъ непредубѣжденный читатель не увидитъ въ этой фразѣ указаній на какія бы то ни было стремленія къ политической самостоятельности. Смыслъ этихъ словъ до такой степени ясенъ, что не даетъ мѣста ложному истолкованію: здѣсь, очевидно, Лефортъ высказываетъ очень простую мысль, а именно, что послѣ смерти Петра и съ воцареніемъ Екатерины русское общество почувствовало облегченіе, не испытывая болѣе тяготѣнія суроваго режима Петра и надѣясь, что правленіе женщины будетъ болѣе мягкимъ. Нужно надѣть густо окрашенные очки, чтобы не усмотрѣть яснаго смысла этой фразы и приводить ее въ доказательсто того, что русскіе бояре не-

[1] Тамъ же т. III ст. 419

медленно послѣ смерти Петра начали мечтать о политической самостоятельности.

Настоящій смыслъ приведенной фразы еще яснѣе выступитъ передъ читателемъ, когда онъ сопоставитъ ее съ слѣдующею выпиской изъ письма Мардефельда отъ 10 февраля 1725 г.: „Предпринимаются во всемъ государствѣ всевозможныя мѣры для укрѣпленія настоящаго правленія. Духовенство задабривается, объявлено о значительныхъ льготахъ въ недоимкахъ, полки получатъ свое жалованье и освобождаются отъ тяжелыхъ и безполезныхъ работъ. Графъ Мамоновъ посланъ въ Москву, чтобы принять присягу войска, многія сотни каторжниковъ отпущены съ каторги, многіе преступники, какъ высокопоставленные, такъ и простые помилованы, многимъ должникамъ прощены ихъ долги. *Всѣ надѣются на весьма кроткое и милостивое правленіе* [1]. Вотъ объ этой то надеждѣ на „весьма кроткое и милостивое правленіе“, очевидно, и говоритъ Лефортъ, когда пишетъ, что воспѣваютъ счастливое освобожденіе отъ тираннизма и чувствуютъ, что правленіе женщины не будетъ столь деспотичнымъ. Въ письмѣ отъ 20 февраля Мардефельдъ снова говоритъ объ оживленіи общества при новомъ царствованіи. „Императрица“, по его словамъ, „принимаетъ такія мѣры, которыя сдѣлаютъ ее на цѣлую треть могущественнѣе и значительнѣе покойнаго императора, при которомъ, несмотря на его чрезвычайно великую славу, государство дошло до крайняго положенія и клонилось къ упадку, такъ что онъ внѣ своего государства не могъ предпринять ничего, не рискуя вызвать возстаніе. Доказанное великое милосердіе императрицы оживило все вновь. Однако при этомъ было объявлено, что противящіеся ея авторитету и приказаніямъ понесутъ заслуженную кару“ [2]. Въ письмѣ отъ 27 февраля Мардефельдъ снова подтверждаетъ, что „императрица стала значительно могущественнѣе искреннею любовью, пріобрѣтенною ею у всей націи“ [3].

Показанія Мардельфельда вообще вполнѣ подтверждаютъ донесенія Лефорта и служатъ къ нимъ прекраснымъ дополненіемъ. И онъ знаетъ о тѣхъ опасеніяхъ, которыя внушалъ Голицынъ со своею украинскою арміей. „Что, повидимому, еще безпокоитъ

---

[1] Тамъ же т. XV стр. 255.
[2] Тамъ же т. XV стр. 261.
[3] Тамъ же т. XV стр. 262.

дворъ", пишетъ онъ въ своемъ письмѣ отъ 10 февраля—„это князь Голицынъ, который находится въ Украйнѣ во главѣ шестидесятитысячнаго войска и который сердечно преданъ, какъ старому правленію, такъ и молодому Великому Князю. Къ нему посланъ вѣрный офицеръ съ приказомъ явиться сюда". [1]. Но уже 13 марта Мардефельдъ спѣшилъ сообщить, что всѣ эти опасенія оказались напрасны. „Здѣсь, впрочемъ", пишетъ онъ, „все идетъ по желанію императрицы и готовится къ твердому и благоустроенному царствованію. *Украинская армія присягнула императрицѣ съ тѣми же изъявленіями радости и при томъ же спокойствіи, какъ и здѣшняя* [2]. Это интересное свидѣтельство Мардельфельда, показывающее, что опасенія, которыя внушала украинская армія, оказались лишенными основанія, обходятъ молчаніемъ тѣ изъ нашихъ изслѣдователей, которые говорятъ о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, какъ объ уступкѣ боярской партіи; объ этомъ свидѣтельствѣ умалчиваетъ и П. Н. Милюковъ, утверждающій, что Голицынъ, представитель этой партіи, былъ опасенъ Екатеринѣ именно той опорой, которую онъ находилъ въ украинской ярміи, предводительствуемой его братомъ [3].

Другихъ показаній, относящихся къ 1725 г. и имѣющихъ отношеніе къ занимающему насъ вопросу, мы въ письмахъ

---

[1] Тамъ же т. XV стр. 255.

[2] Тамъ же т. XV стр. 267.

[3] Мардефельдъ, какъ и Лефортъ, подчеркиваетъ то выдающееся положеніе, которое заняли Меньшиковъ и герцогъ Голштинскій въ первый годъ царствованія императрицы Екатерины. Въ своемъ письмѣ отъ 10 февраля Мардефельдъ пишетъ, что первою заботой императрицы было представить герцога Голштинскаго ассамблеѣ, какъ своего роднаго сына, что всѣхъ расположило къ тому мнѣнію, что доброе намѣреніе, которое имѣлъ покойный императоръ относительно герцога, должно быть исполнено. Герцогъ можетъ быть этимъ вполнѣ доволенъ, ибо ежедневно будетъ находиться около императрицы и присутствовать въ Совѣтѣ, тогда какъ предусмотрительность покойнаго Императора и трудность, съ которою послѣдній принималъ окончательное рѣшеніе, весьма затруднили ходъ его дѣла". (Тамъ же т. XV стр. 257). Въ донесеніи отъ 13 февраля Мардефельдъ называетъ Меньшикова „всесильнымъ" и разсказываетъ, что императрицѣ надѣлали много хлопотъ зависть вельможъ къ князю и опасеніе, что онъ станетъ злоупотреблять своимъ авторитетомъ, какъ злоупотреблялъ имъ при царѣ: по этому дѣлу были отправляемы тайныя депутаціи къ императрицѣ. Но онѣ получили отъ нея весьма умный и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительный, твердый отвѣтъ; герцогъ Голштинскій, который пользуется полнымъ ея довѣріемъ, старается умѣрить горячность и высокомѣріе князя, такъ что

Мардефельда не находимъ. Намъ остается только подчеркнуть, что какъ у Лефорта, такъ и Мардефельда нѣтъ никакихъ указаній на стремленія боярства къ политической самостоятельности, будто бы обнаружившихся непосредственно послѣ смерти Петра.

B. Свидѣтельства Кампредона.

Мы можемъ теперь перейти къ донесеніямъ Кампредона, болѣе богатымъ свѣдѣніями.

И онъ говоритъ о первенствующихъ роляхъ, выпавшихъ въ первый годъ царствованія Екатерины на долю Меньшикова и герцога Голштинскаго.

Въ письмѣ отъ 14-го апрѣля 1725 г. Кампредонъ пишетъ: „Вообще-же здѣсь все спокойно. Если-же и происходитъ нѣкоторое внутреннее волненіе въ умахъ министровъ, то лишь изъза стремленія ихъ поколебать вліяніе Меньшикова и обратить въ свою пользу преимущества монаршей милости, отнявъ часть ея у герцога Голштинскаго. Съ завистью и не безъ страха смотрятъ они на возрастающее къ нему довѣріе императрицы, особенно тѣ, которые пренебрежительно и даже съ презрѣніемъ относились къ нему при жизни покойнаго царя. Только козни ихъ безполезны. Царица, которая отчасти поддерживаетъ его на ступеняхъ трона Швеціи и которая не безосновательно надѣется

и это дѣло приметъ исходъ, благопріятный для всѣхъ. (Тамъ же т. XV стр 260.) „Герцогъ", пишетъ Мардефельдъ въ письмѣ отъ 27 февраля, „участвуетъ въ самыхъ секретныхъ совѣщаніяхъ. Русская императрица его весьма уважаетъ и питаетъ къ нему полное довѣріе за его умъ и умѣнье сохранить тайну". (Тамъ же т. XV стр. 63). Очень поучительно письмо Мардефельда отъ 24 апрѣля, въ которомъ онъ говоритъ о полновластіи Меньшикова и передаетъ сужденіе послѣдняго о Головкинѣ, Толстомъ и Остерманѣ. „Сказанный князь, пишетъ онъ, теперь не только предсѣдатель военной коллегіи, но и засѣдаетъ во всѣхъ совѣтахъ, собираемыхъ по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ. Онъ далъ мнѣ, между прочимъ, понять, что во всѣхъ важныхъ и разногласныхъ дѣлахъ имѣетъ одинъ онъ рѣшающій голосъ и въ состояніи привлечь на свою сторону большинство голосовъ, и вевеликій канцлеръ Головкинъ—чистѣйшій нуль, ничего не понимаетъ; тайный же совѣтникъ Толстой—пустый итальянецъ, держащій носъ по вѣтру; Остерманъ—единственный способный и надежный министръ, но онъ слишкомъ боязливъ и осмотрителенъ. (Тамъ же т. XV, стр 374). Эта характеристика вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что мы знаемъ о главнѣйшихъ совѣтникахъ Екатерины и мы примемъ ее къ свѣдѣнію, когда будемъ говорить о распредѣленіи ролей между различными членами Верховнаго Тайнаго Совѣта.

въ случаѣ надобности получить черезъ него военную помощь этой державы,—*Царица видитъ въ герцогѣ свою вѣрнѣйшую опору.* Она убѣждена, что у него отнынѣ не можетъ быть интересовъ, отдѣльныхъ отъ нея и ея семьи, и что онъ, поэтому, можетъ лишь желать того, что выгодно и почетно для нея, вслѣдствіе чего она съ своей стороны можетъ вполнѣ полагаться на добросовѣстность его совѣтовъ и на честность его отношеній къ ней. *Точно также смотритъ она и на князя Меньшикова, такъ что можно, не рискуя ошибиться, сказать, что рѣшающее вліяніе на самыя важныя дѣла будетъ отнынѣ принадлежать этимъ двумъ лицамъ.*“ [1] Въ письмѣ отъ 3-го мая Кампредонъ подтверждаетъ, что Меньшиковъ пользуется „величайшею властью, какая только можетъ выпасть на долю подданнаго“. [2] Въ письмѣ отъ 21-го апрѣля Кампредонъ доноситъ, что „милости къ Меньшикову все увеличиваются.“ [3] Эти милости не могли не раздражать прочихъ приближенныхъ императрицы. Они и жаловались на него императрицѣ, но получали отъ нея довольно суровый отпоръ. „Адмиралъ Апраксинъ, разсказываетъ Кампредонъ въ своемъ письмѣ отъ 17-го февраля, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы замѣтить царицѣ, что князь Меньшиковъ начинаетъ черезчуръ выдвигаться впередъ; что его надменность оскорбляетъ его товарищей, и что поэтому онъ, адмиралъ, умоляетъ ея величество заставить князя держаться, согласно своему долгу, въ границахъ равенства съ прочими сенаторами, а не выдѣляться, какъ онъ это дѣлаетъ. „Простъ же ты“, отвѣтила царица адмиралу, „если думаешь, будто-бы я позволю Меньшикову пользоваться хоть единой каплей моей власти. Я этого человѣка знаю лучше васъ ты и твои товарищи только и дѣлали, что преслѣдовали его, я его поддерживала изъ жалости, а подчасъ и для того, чтобы защитить отъ несправедливости и отъ насилія. Я ему жизнь спасла, да и тебѣ также, —и вотъ вы, господинъ адмиралъ, позаботьтесь своимъ добрымъ поведеніемъ сохранить эту жизнь и впредь.“ [4]

Если Меньшиковъ былъ силенъ и вліятеленъ и эта сила обусловливалась его прошедшимъ и тѣми услугами, которыя онъ оказалъ императрицѣ при ея воцареніи, то герцогъ Голштин-

[1] Тамъ-же, т. LVIII, стр. 117.
[2] Стр. 254.
[3] Стр. 157.
[4] Стр. 11.

скій стоялъ къ ней въ тѣхъ тѣсныхъ отношеніяхъ, которыя обусловливаются родственной связью и общими личными интересами. „Интересы герцога, говоритъ Кампредонъ, сдѣлались ей особенно дороги со времени смерти царя, потому что она видитъ въ герцогѣ свою надежнѣйшую опору. Онъ помѣстился въ самомъ близкомъ разстояніи отъ дворца, чтобы чаще видѣться съ государыней. Мнѣ разсказывали, что съ тѣхъ поръ, какъ она имѣетъ случай чаще интимно бесѣдовать съ нимъ, она открыла въ немъ солидный умъ, твердый характеръ и разныя другія способности, присутствія которыхъ не подозрѣвала прежде.“ [1] Въ письмѣ отъ 24-го февраля Кампредонъ доноситъ, что „вліяніе герцога на императрицу ростетъ съ каждымъ днемъ,“ [2] а 21-го апрѣля онъ пишетъ, что „герцогъ имѣетъ рѣшающее вліяніе на самыя важныя дѣла.“ [3] Въ донесеніи отъ 24-го апрѣля онъ называетъ его „правой рукой могущественной государыни, которую честь и узы крови обязываютъ непремѣнно сдѣлать для его блага все, что она въ состояніи сдѣлать.“ [4] Онъ увѣряетъ, что „императрица любитъ его со всею горячностью матери, желающей счастія своей семьѣ.“ [5]

Меншиковъ и герцогъ Голштинскій были, такимъ образомъ, несомнѣнно вліятельнѣйшими людьми того времени. Но окружали императрицу и другія лица, къ совѣтамъ которыхъ она любила прислушиваться.

И тутъ на первомъ мѣстѣ стоитъ графъ Петръ Андреевичъ Толстой. Кампредонъ считаетъ его самымъ умнымъ изъ русскихъ министровъ [6] и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне властолюбивымъ, не терпѣвшимъ соперниковъ; [7] это человѣкъ хитрый и себѣ на умѣ. Толстой, говоритъ онъ, самый тонкій изъ русскихъ министровъ, плыветъ, такъ сказать, между двумя теченіями, не высказываясь до тѣхъ поръ, пока не увидитъ, на чью сторону склоняются вѣсы. [8] Между тѣмъ этотъ ловкій министръ, по словамъ французскаго агента, имѣетъ большое вліяніе на императрицу. Въ

[1] Стр. 14.
[2] Стр. 24,50.
[3] Стр. 162.
[4] Стр. 173.
[5] Стр. 76.
[6] Стр. 406.
[7] Стр. 103.
[8] Стр. 406.

письмѣ отъ 17-го февраля мы читаемъ: „Наиболѣе довѣреннымъ лицомъ изъ ея министровъ является Толстой; — это человѣкъ даровитый, опытный и умѣющій хранить тайны.“ [1] А въ письмѣ отъ 3-го марта онъ еще рѣзче подчеркиваетъ то выдающееся положеніе, которое занималъ Толстой при императрицѣ; этотъ министръ сталъ теперь правою рукой царицы. Въ послѣднихъ событіяхъ онъ служилъ ей съ ловкостью и успѣхомъ изумительными, это лучшая голова въ Россіи. Онъ прожилъ до старости посреди государственныхъ дѣлъ и ведетъ ихъ искусно и осторожно. Бывшій прежде всемогущимъ Ягужинскій ухаживаетъ за нимъ и Толстой, какъ истинно ловкій и хитрый политикъ, умѣетъ, отнюдь не высказывая превосходства своего надъ товарищами, заставить ихъ всѣхъ принять все то, что онъ порѣшилъ на тайныхъ своихъ совѣщаніяхъ съ царицей.“ [2] Въ своемъ письмѣ отъ 24-го апрѣля, упоминая о Толстомъ, онъ опять говоритъ о немъ, какъ о самомъ довѣренномъ и безспорно самомъ искусномъ изъ министровъ царицы. [3] Въ письмѣ отъ 3-го мая Кампредонъ увѣряетъ, что „Толстой будетъ всегда принимать выдающееся участіе въ правительственныхъ дѣлахъ, какой бы оборотъ они ни приняли. Царица, съ которой его связываютъ личные интересы, рѣшительно не можетъ обойтись безъ его совѣта. Это человѣкъ тонкаго ума, твердаго характера, умѣющій давать ловкій оборотъ дѣламъ, которымъ желаетъ успѣха.“ [4] Въ письмѣ отъ 26-го мая онъ доноситъ, что „вліяніе Толстаго все ростетъ“. [5] Онъ увѣряетъ даже, что совѣты и мнѣнія, предлагаемыя императрицѣ днемъ герцогомъ Голштинскимъ, провѣряются ею ночью въ бесѣдахъ съ Толстымъ, который, какъ ловкій дипломатъ, дѣлаетъ видъ, будто отдаляется отъ дѣлъ и не вмѣшивается ни во что, кромѣ совѣщаній въ Сенатѣ.“ [6]

Другимъ вліятельнымъ совѣтникомъ Екатерины былъ Остерманъ. Онъ, по словамъ Кампредона, настоящая душа русской и иностранной политики, онъ ее не дурно понимаетъ съ русской точки зрѣнія и безъ него здѣсь обойтись не могутъ, особенно потому, что онъ знаетъ языки—нѣмецкій, французскій и

[1] Стр. 8.
[2] Стр. 33, 34.
[3] Стр. 179.
[4] Стр. 254, 255.
[5] Стр. 348.
[6] Стр. 360.

итальянскій. Главное искусство этого человѣка заключается въ изворотливости, тонкой проницательности и скрытности. Онъ не очень прямодушенъ (Il a peu de droiture) и этимъ-то и заслужилъ довѣріе покойнаго царя. Мнѣ кажется, что онъ не долюбливаетъ Францію и Англію и вліяніе его не такъ велико теперь какъ въ прошлое царствованіе, но, однако, еще достаточно сильно, чтобы вредить, если онъ захочетъ, потому что своими придирками онъ всегда можетъ затормозить дѣло, успѣха коего не желаетъ. [1]

Обратимся теперь къ Кампредону за свѣдѣніями, которыя помогли-бы намъ отвѣтить на вопросъ: была-ли власть императрицы и ея приверженцевъ съ одной стороны такъ слаба, какъ утверждаютъ наши историки, а могущество приверженцевъ великаго князя настолько сильно, что Екатерина была вынуждена дѣлать уступки боярской партіи, выразившіяся, между прочимъ, въ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта и въ приглашеніи въ его составъ Д. М. Голицына? Въ письмѣ отъ 17-го февраля Кампредонъ пишетъ: „Все совершается послѣдовательно къ удовольствію новой государыни. Ей повинуются съ тою-же покорностью, какъ и покойному царю, супругу ея. Третьяго дня всѣ принесли ей присягу, формулу которой прилагаю здѣсь въ переводѣ. У царицы не будетъ недостатка ни въ твердости, ни въ умѣньи удержаться на мѣстѣ, ни въ мужествѣ стать во главѣ арміи, если понадобится. Въ этомъ смыслѣ она уже и высказалась. *Большинство здѣшнихъ вельможъ существенно заинтересованы сами въ сохраненіи ей вѣрности, такъ какъ безопасность ихъ имуществъ и ихъ виды на будущее зависятъ всецѣло отъ положенія царицы. Въ числѣ ея противниковъ нѣтъ ни одного, настолько значительнаго лица, чтобы стать главою партіи* [2]. Это свидѣтельство, которое вполнѣ согласуется съ приведенными выше показаніями Лефорта и Мардефельда, обходится молчаніемъ тѣми писателями, которые во что бы то ни стало хотятъ увѣрить насъ, что престолу Екатерины грозила опасность со стороны политическихъ стремленій боярской партіи. Въ письмѣ отъ 3 марта мы находимъ еще болѣе опредѣленное и характерное показаніе. „Власть императрицы утверждается все болѣе и болѣе; все идетъ согласно съ ея желаніями, и если происходятъ

[1] Стр. 255.
[2] Стр. 8.

кое-какія ссоры и движенія между министрами, то *единственно изъ-за вліянія и монаршихъ милостей, которыя каждый хлопочетъ пріобрѣсть въ свою пользу.* Изумительныя дарованія государыни развиваются съ каждымъ днемъ. Всѣ тѣ, которые считали прежде возможнымъ успѣшно провести какую-нибудь интригу противъ нея, нынѣ вполнѣ согласны въ томъ, что царицу необходимо поддерживать на престолѣ и именно съ размѣрами власти, обусловленными въ принесенной ей присягѣ. Повѣрьте, я хорошо знаю здѣсь все, что дѣлается. У меня есть вѣрнѣйшій другъ, имѣющій вполнѣ свободный доступъ въ кабинетъ царицы и пользующійся довѣріемъ всѣхъ наиболѣе вліятельныхъ къ ней лицъ. Поэтому, когда я вамъ говорю, что къ здѣшнему правительству слѣдуетъ относиться болѣе осмотрительно даже, чѣмъ къ правительству королевы Елизаветы англійской, потому что власть царицы безъ всякаго сравненія болѣе неограничена, чѣмъ была власть помянутой королевы, то это истина, которая не замедлитъ обнаружиться. Насколько вообще возможно человѣческое предвидѣніе, настолько кажется совершенно невѣроятной какая-либо перемѣна здѣсь къ невыгодѣ новой монархини, потому что она принимаетъ всѣ необходимыя и весьма разумныя мѣры, чтобы предупредить всякаго рода неудовольствія, улучшить положеніе духовенства и заставить свой народъ дѣлать добровольно и изъ благодарности—допустивъ, что онъ способенъ къ ней,—то, что въ предыдущее царствованіе дѣлалось имъ лишь по приказанію.“ [1] Въ письмѣ отъ 10 марта Кампредонъ снова подтверждаетъ что *интриги и распри министровъ исключительно клонятся къ пріобрѣтенію наибольшаго вліянія въ ущербъ другъ другу, а отнюдь не къ ограниченію власти государыни* [2]. Кампредонъ не перестаетъ и въ послѣдующихъ письмахъ настаиваетъ на томъ-же утвержденіи, чтобы не оставить никакого сомнѣнія въ дѣйствительномъ положеніи вещей и устранить всякіе ложные толки о возможныхъ посягательствахъ на „неприкосновенность самодержавной власти Императрицы. „Изъ моихъ писемъ отъ 10-го февраля и послѣдующихъ пишетъ онъ 7 апрѣля, ваше сіятельство узнали, что правленіе царицы установилось въ тѣхъ же размѣрахъ и съ тою-же неограниченной властью, какой обладалъ покойный царь-супругъ ея. Принимаются тѣ-же мѣры,

[1] Стр. 33.
[2] Стр. 53.

какъ и при немъ и будутъ слѣдовать во всемъ тѣмъ-же правиламъ.“ [1] Въ письмѣ отъ 14-го апрѣля—тѣ же увѣренія: „Здѣсь дѣло укрѣпленія самодержавной власти царицы идетъ все лучше и лучше. Еслибъ кто-либо изъ недовольныхъ, а таковые всегда бываютъ, это уже неизбѣжно при перемѣнѣ правительства, — и вздумалъ поставить какую-нибудь преграду сказанному дѣлу, то единственнымъ плодомъ такой попытки была-бы собственная гибель пытавшагося.“ [2] Того-же числа Кампредонъ пишетъ маркизу де-Фенелону: „Ваше сіятельство знаете уже изъ газетъ все что произошло при вступленіи царицы на русскій престолъ. Она заняла его противъ желанія многихъ, какъ внутри, такъ и внѣ государства, особенно тѣхъ, которые, завидуя могуществу покойнаго царя, надѣялись, что онъ унесъ въ могилу и дѣятельную силу этого могущества и средства поддержать репутацію, пріобрѣтенную его короной, благодаря его неусыпнымъ трудамъ и неизмѣнному мужеству. Но эта надежда оказалась неосновательною, новая государыня располагаетъ такою-же властью, какая была при прежнемъ царствованіи; можно даже сказать, что она пользуется большею любовью своихъ подданныхъ и всѣми мѣрами старается поддержать въ нихъ это чувство. Незамѣтно никакого движенія, кромѣ развѣ изъявленія радости.“ [3] Странное дѣло, иностранные свидѣтели воцаренія Екатерины слышатъ только изъявленія радости по адресу государыни, а русскіе историки въ ихъ отчетахъ вычитываютъ свѣдѣнія о политическихъ притязаніяхъ боярской партіи, обнаружившихся немедленно послѣ смерти Петра и направленныхъ противъ императрицы!

Но неужели въ донесеніяхъ иностранныхъ агентовъ, на которыя такъ усердно ссылаются наши изслѣдователи, нѣтъ никакихъ указаній на существованіе этихъ притязаній? Такихъ указаній нѣтъ, а встрѣчаются слѣдующія свидѣтельства о настроеніи высшаго боярства.

Въ письмѣ отъ 24-го февраля Кампредонъ передаетъ свой разговоръ съ герцегомъ Голштинскимъ: „Повѣрьте, сказалъ герцогъ, что царствованіе нынѣшней государыни будетъ прочнѣе, славнѣе и полезнѣе для ея друзей, чѣмъ предыдущее... Царица—неограниченная повелительница военныхъ силъ, сухопутныхъ и

---

[1] Стр. 92, 93.
[2] Стр. 116.
[3] Стр. 129, 130.

морскихъ; не осталось болѣе ни одного вождя враждебной партіи, способнаго пальцемъ шевельнуть. Единственный, который могъ-бы предпринять что-нибудь, князь Голицынъ, находится во власти правительства, прочіе-же робки и слишкомъ дорожатъ своимъ добромъ, чтобы осмѣлиться шевельнуться. Къ тому же приняты такія хорошія мѣры, что внутри государства безусловно не произойдетъ никакого движенія и если за границей иначе думаютъ о здѣшнихъ дѣлахъ, то это ничто иное, какъ добровольный самообманъ. И дѣйствительно, продолжаетъ Кампредонъ, дѣла именно кажутся такими, какими рисуетъ мнѣ герцогъ Голштинскій. Въ Москву уже дошло извѣстіе о кончинѣ царя, а вѣсть о восшествіи царицы была принята тамъ также спокойно и при такихъ-же кликахъ восторга, какъ и въ Петербургѣ. Правда, Голицыны, Трубецкіе, Долгорукіе и Апраксины часто видятся и совѣщаются между собою. Но царица и герцогъ Голштинскій пристально слѣдятъ за ними и все, что удалось до сихъ поръ открыть на счетъ этихъ совѣщаній — это то, что старые бояре стараются добиться большаго вліянія, чѣмъ это было доселѣ и чтобы императрица не могла ничего рѣшать иначе, какъ по совѣщанію съ сенатомъ. По словамъ герцога Голштинскаго, она на это никогда не согласится, потому что это не только ограничило бы ея самодержавную власть, но и сдѣлало-бы невозможнымъ сохраненіе тайнъ въ наиболѣе важныхъ дѣлахъ.“ [1] Притязанія боярства, о которыхъ здѣсь говоритъ Кампредонъ, очень скромны, они сводятся къ тому, чтобы имѣть совѣщательный голосъ въ сенатѣ. *Но и эти притязанія, какъ о томъ спѣшитъ сообщить намъ Кампредонъ въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ (отъ 7-го апрѣля) оказались плодомъ досужей фантазіи голштинскаго министра Бассевича.* „Ихъ пытались, пишетъ онъ, обвинить въ тайныхъ сборищахъ, на которыхъ они будто-бы замышляютъ и изыскиваютъ средства измѣнить форму правленія. *Но оказалось, что никакого, кромѣ фантазіи Бассевича, основанія къ этимъ подозрѣніямъ нѣтъ.* [2]

Чтобы лучше уяснить себѣ настроеніе боярской партіи въ эту эпоху, не безполезно привести свѣдѣнія, которыя сообщаетъ Кампредонъ объ ея главнѣйшихъ представителяхъ. Этими представителями были, какъ извѣстно, фельдмаршалъ князь Ани-

[1] Стр. 17, 18.
[2] Стр. 102.

кина Ивановичъ Репнинъ, князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, князья Дмитрій и Михаилъ Михайловичи Голицыны. Мы знаемъ уже изъ донесенія Лефорта отъ 17 марта, что Меньшиковъ ненавидѣлъ Репнина и старался лишить его вліянія. И Кампредонъ въ письмѣ отъ 7 марта подтверждаетъ это извѣстіе и разсказываетъ, что Репнинъ уѣхалъ въ Ригу, куда онъ назначенъ губернаторомъ, уѣхалъ недовольный, потому что назначенъ туда единственно для того, чтобы снова поставить Меньшикова во главѣ военной коллегіи, президентомъ коей былъ Репнинъ. [1] Такимъ образомъ Репнинъ удаленъ, за нимъ сходитъ со сцены Долгоруковъ, который, какъ сообщаетъ Кампердонъ въ своемъ письмѣ отъ 14 іюля, получилъ назначеніе въ Польшу, куда онъ въ іюлѣ и отправился. [2] На это назначеніе Долгоруковъ, говоритъ Кампредонъ, смотритъ, какъ на почетное изгнаніе, хотя царица и подарила ему нѣсколько имѣній, будто въ вознагражденіе за расходы по посольству. [3] Долгоруковъ увѣрялъ, что подозрѣнія относительно его образа мыслей лишены основанія. „На дняхъ“, разсказываетъ Кампредонъ, „Бассевичъ... завелъ съ Долгоруковымъ длинную бесѣду о современномъ положеніи дѣлъ и при этомъ князь высказалъ, что главная причина его холодности въ томъ, что имъ, по его мнѣнію, пренебрегаютъ, скрываютъ отъ него намѣренія царицы и даже, какъ онъ убѣжденъ, назначаютъ его въ Польшу лишь ради почетнаго изгнанія. Бассевичъ возразилъ ему, что онъ ошибается, что царица уважаетъ его, какъ искуснаго министра, способнаго оказать ей большія услуги, и если бы она могла только положиться на его вѣрность и преданность, онъ скоро самъ на дѣлѣ убѣдился бы въ ея довѣріи. Долгоруковъ объяснилъ, что она вполнѣ можетъ положиться на то и на другое, что онъ и въ помышленіи не держитъ, да и не въ его интересахъ служить ей не такъ, какъ слѣдуетъ ревностному вѣрноподданному“. [4]

Если Репнинъ и Долгоруковъ удалены одинъ въ Ригу, а другой въ Варшаву, несмотря на ихъ увѣренія въ вѣрноподданническихъ чувствахъ, то князя Д. М. Голицына считаютъ безвреднымъ и спокойно оставляютъ въ Петербургѣ. Онъ держитъ сторону

---

[1] Стр. 105.
[2] Стр. 425.
[3] Стр. 103, 104.
[4] Стр. 135.

Меньшикова и въ совѣщаніи, на которомъ обсуждался союзъ Франціи съ Россіей и на которомъ произошла горячая схватка между свѣтлѣйшимъ княземъ и Ягужинскимъ, Голицынъ стоялъ на сторонѣ перваго и вмѣстѣ съ адмираломъ Апраксинымъ, Толстымъ и Остерманомъ противъ Головкина, Долгорукова и Репнина. Можетъ быть въ виду этого расположенія къ французскому союзу Кампредонъ охотно выдаетъ ему въ письмѣ отъ 3 мая хорошую аттестацію. Въ этомъ письмѣ онъ даетъ обстоятельную характеристику тѣхъ лицъ, въ расположеніи которыхъ французскій дворъ долженъ заискивать; онъ подробно говоритъ здѣсь о Меньшиковѣ, Толстомъ и Остерманѣ и очень кратко объ Апраксинѣ и объ Голицынѣ. Адмиралъ Апраксинъ, говоритъ онъ, принадлежитъ къ одному изъ самыхъ знатныхъ родовъ Россіи и благодаря этому, а равно и должности, имъ занимаемой, будетъ всегда имѣть вліяніе. Это, впрочемъ добрѣйшій вельможа, пріятель Толстаго, вполнѣ раздѣляющій всѣ его чувства, къ тому же на него всегда можно повліять чрезъ графа Саву, короткаго друга его и Толстаго... Князь Голицынъ тоже изъ знатнаго рода, человѣкъ весьма разумный, его голосъ всегда будетъ имѣть и значеніе и вліяніе, какъ это обнаружилось на совѣщаніи, гдѣ почти всѣ присутствующіе не безъ сомнѣнія обсуждали вопросъ, надо ли или нѣтъ заключать союзъ съ Франціей и Англіей.[1] Голицыну, какъ и другимъ, была обѣщана тайная награда за содѣйствіе этому совѣту. Но если Меньшикову, Толстому, Апраксину и Остерману было назначено по шести тысячъ дукатовъ, то князь Голицынъ долженъ былъ удовлетвориться сообразно его значенію и вліянію болѣе скромною суммой, а именно четырьмя тысячами дукатовъ, еще меньше было назначено Долгорукову, которому было ассигновано всего три тысячи.[2]

Мы уже видѣли, что Мардефельдъ засвидѣтельствовалъ всю безосновательность опасеній тѣхъ, которые думали, что украинская армія подъ предводительствомъ М. М. Голицына можетъ угрожать Екатеринѣ. Кампредонъ вполнѣ подтверждаетъ это свидѣтельство; въ письмѣ отъ 14 апрѣля онъ пишетъ, что „всѣ войска съ величайшею готовностью принесли царицѣ присягу вѣрности, не исключая и украинской арміи; главнокомандующій

---

[1] Стр. 254, 255

[2] Стр. 285.

послѣдней, князь Голицынъ, котораго многіе подозрѣвали въ злыхъ умыслахъ, отличался особеннымъ выраженіемъ покорности и радости." [1]

Эти злые умыслы во всякомъ случаѣ не заключались въ стремленіяхъ къ политической самостоятельности. Въ эту эпоху у насъ, какъ мы показали выше, не существовало, да и не могло существовать политической партіи, которая стремилась бы произвести государственный переворотъ съ цѣлью установить у насъ „правительственную форму" на подобіе англійской или шведской. Опасность, грозившая Екатеринѣ и дававшая поводъ говорить объ злыхъ умыслахъ Голицына, была совершенно иного рода; она заключалась въ томъ, что Екатерина, занявъ русскій престолъ, вытѣснила прямаго наслѣдника, единственнаго мужскаго представителя дома Романовыхъ, и въ этомъ крылась причина недовольства, о которомъ говорятъ приведенныя свидѣтельства. Это было недовольство не той или другой партіи, а народнаго большинства. Но это было недовольство глухое, ничѣмъ рѣзко не выражавшееся. Въ письмѣ отъ 24 марта Кампредонъ упоминаетъ о начавшемся было движеніи въ Москвѣ, скоро однако прекратившемся. „Внутренно", продолжаетъ онъ, „многіе навѣрно втайнѣ благопріятствуютъ великому князю, внуку царя, иначе и не можетъ быть при обстоятельствахъ, подобныхъ нынѣшнимъ. Многіе были даже недовольны, что на церемоніи погребенія герцогъ Голштинскій шелъ впереди него. И дѣйствительно, онъ болѣе близкій родственникъ и принцъ крови, такъ что нельзя не признать такого обращенія съ нимъ не совсѣмъ ловкимъ. Но все же сомнительно, чтобы оно повело къ какимъ-либо послѣдствіямъ, развѣ только сами Голштинцы подадутъ къ тому поводъ своимъ чрезмѣрнымъ высокомѣріемъ. Впрочемъ, великій князь очень дурно воспитанъ и въ немъ замѣтны признаки темперамента желчнаго и жестокаго. Такимъ образомъ люди, желающіе посадить его на престолъ въ ущербъ царицѣ, не только много бы потеряли въ ея лицѣ, но и ничего не выиграли бы въ отношеніи суровости, которую столь часто проявлялъ дѣдъ великаго князя. Все это, впрочемъ, одни разсужденія, потому что доселѣ въ Россіи царствуетъ полнѣйшее спокойствіе." [2] Въ письмѣ отъ 14 іюля мы читаемъ: „Императри-

---

[1] Стр. 130.

[2] Стр. 66, 67.

ца старается мѣрами кротости пріобрѣсти любовь народа и упрочить свое правленіе, но безуспѣшно. Недовольство вельможъ, дворянства и духовенства усиливается съ каждымъ днемъ. Впрочемъ я видѣлъ пріятеля, о которомъ говорилъ выше, полученное имъ достовѣрное извѣщенія на счетъ одного хода, замышленнаго царицей съ цѣлью подкупить расположеніе народа, чтобы потомъ выиграть у него самую большую ставку. Она знаетъ, что у царевича есть друзья и очень вліятельные сторонники, которые не успокоятся, пока не увидятъ его на принадлежащемъ ему по праву престолѣ, хотя бы имъ пришлось своею кровью заплатить за это. Царица всячески постарается избѣжать этой крайности, но въ случаѣ надобности она, чтобы сохранить за собою положеніе правительницы, торжественно объявитъ юнаго князя своимъ наслѣдникомъ. Она думаетъ успокоить этимъ своихъ враговъ, а тѣмъ временемъ найти средства отдѣлаться отъ находящагося въ ея рукахъ наслѣдника и передать престолъ младшей принцессѣ, дочери своей, выдавъ ее замужъ за когонибудь изъ самыхъ знатныхъ русскихъ вельможъ“ [1]. Если и позволительно сомнѣваться въ достовѣрности этого плана, приписываемаго Екатеринѣ, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что недовольство народа, духовенства, дворянства и вельможъ, о коромъ говоритъ здѣсь Кампредонъ, заставляли императрицу остерегаться сторонниковъ царевича, которые могли въ своихъ личныхъ видахъ воспользоваться этимъ недовольствомъ и побуждали ее внимательно слѣдить за ихъ интригами. „Я изъ достовѣрныхъ источниковъ слышалъ, писалъ Кампредонъ еще отъ 13 февраля, что государыня намѣрена держать Шафирова въ такомъ мѣстѣ, откуда онъ могъ бы наблюдать за дѣйствіями, движеніями и интригами партіи Голицына, и тайно, безъ вѣдома кого-бы то ни было доносить ей объ этомъ. Помогалъ ей въ этомъ отношеніи и герцогъ Голштинскій, который, по словамъ Кампредона, старается привлечь *князей Голицыныхъ, Апраксиныхъ, Репниныхъ и князя Долгорукова, коихъ онъ считаетъ не особенно расположенными къ правительству, потому что они оказывали чуть замѣтную искру доброжелательства къ великому князю, когда послѣ смерти царя, зашла рѣчь о престолонаслѣдіи*“ [2]. Кампредонъ считаетъ, однако, всѣ эти мѣры предосто-

[1] Стр. 423, 424.
[2] Стр. 102.

рожности излишними. Онъ думаетъ, что власть императрицы безспорна, и что ей, опиравшейся на преданность обожавшаго ее войска, нечего бояться интригъ сторонниковъ Царевича, не имѣющихъ вождя и преслѣдующихъ исключительно личныя цѣли, сводящіяся къ тому, чтобы захватить теплое мѣстечко поближе къ солнцу и погрѣться на немъ. „Если великій князь, пишетъ онъ въ своемъ письмѣ отъ 3 мая, останется живъ, а государыня между тѣмъ лишитъ его всякой надежды наслѣдовать ей со временемъ на престолѣ, то многіе изъ старыхъ боярскихъ родовъ станутъ втайнѣ роптать. Царицѣ это извѣстно, ибо она знаетъ бояръ. Но она такъ хорошо располагаетъ свои мѣры, что даже въ случаѣ общаго возстанія русскаго народа она, обезпеченная преданностью войскъ своихъ и шведскихъ, всегда сохранитъ за собою обладаніе вновь завоеванными здѣсь землями... Она вся безусловно проникнута однимъ желаніемъ—царствовать съ блескомъ. И глядя на бросающееся въ глаза равнодушіе, съ которымъ она относится къ своему внуку, не слѣдуя даже поданному ею совѣту удѣлить этому юному принцу хотя бы одинъ лучъ благопріятной надежды, надо думать, что она отыметъ у него всякую возможность какимъ-либо способомъ воспротивиться исполненіямъ ея плановъ; *не видно также никакого главы партіи, способнаго на это, такъ какъ недовольство главнѣйшихъ вельможъ все исчерпывается стремленіемъ занять первое мѣсто въ довѣріи и кабинетѣ Царицы* [1].

Мы привели много свидѣтельствъ, относящихся къ интересующему насъ вопросу, и читатель могъ убѣдиться, что они плохо вяжутся съ господствующимъ воззрѣніемъ на происхожденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Но мы оставили пока въ сторонѣ тѣ именно свидѣтельства, на которыя всего усерднѣе ссылаются наши ученые и которыя приводятся и Милюковымъ, и Филипповымъ, и Щегловымъ. Къ ихъ разбору мы теперь и обратимся. Но мы должны прежде всего оговориться, что эти свидѣтельства, относясь къ 1726 г., никоимъ образомъ не могутъ служить подтвержденіемъ того воззрѣнія г. Милюкова, по которому наше боярство *непосредственно послѣ смерти Петра*, то-есть, въ началѣ 1725 года обнаружило стремленія къ политической самостоятельности. Это воззрѣніе во всякомъ случаѣ не можетъ быть обосновано свидѣтельствами, относящимися къ болѣе позднему времени.

[1] Стр. 242, 243.

Всѣ эти свидѣтельства взяты у Кампредона и относятся къ началу 1726 г. Это—письма Кампредона отъ 3 и 15 января и отъ 23 февраля 1726 года.

Выдержки изъ этихъ писемъ приводятся нашими авторами внѣ всякой связи съ другими свидѣтельствами Кампредона, относящимися къ той же эпохѣ. А между тѣмъ только эта связь и даетъ ключъ къ пониманію смысла тѣхъ цитатъ, на которыя они опираютъ свои утвержденія. Мы поэтому считаемъ необходимымъ познакомить читателя поближе съ содержаніемъ и тономъ писемъ Кампредона, относящихся къ этому позднѣйшему времени.

Въ первые мѣсяцы царствованія Екатерины (весной и лѣтомъ 1725 г.). Кампредонъ съ большимъ усердіемъ и съ горячимъ рвеніемъ ведетъ переговоры съ русскими министрами о заключеніи союза Франціи съ Россіей. Эти переговоры идутъ успѣшно и обѣщаютъ скорое заключеніе союза. Кампредонъ видитъ себя уже близкимъ къ цѣли своей миссіи и очень доволенъ ходомъ дѣла, которое онъ, убѣжденный сторонникъ этого союза, принимаетъ очень близко къ сердцу. Выдержки изъ его писемъ, относящихся къ этому времени, мы приводили выше. Въ этихъ письмахъ Кампредонъ увѣряетъ, что всѣ слухи о непрочности престола Екатерины лишены основанія и что ей не грозитъ никакой опасности ни извнѣ, ни извнутри. Но вотъ, осенью 1725 г. въ переговорахъ между Россіей и Франціей происходитъ крутая перемѣна. Въ сентябрѣ въ Петербургѣ узнаютъ, что Франція заключила договоръ съ Англіей и Пруссіей противъ Австріи и Испаніи. Россіи не могло быть выгодно ссориться съ Австріей, для которой Турція была такой же опасный сосѣдъ, какъ и для насъ; отношенія къ Австріи, кромѣ того, требовали особенной осторожности и потому, что великій князь Петръ Алексѣевичъ былъ близкимъ родственникомъ австрійскаго императора, готоваго поддерживать его притязанія на русскій престолъ. Какъ бы то ни было, въ это время въ отношеніяхъ между Франціей и Россіей наступаютъ охлажденіе, а между петербургскимъ и вѣнскимъ дворами завязываются переговоры о союзѣ, которые, какъ извѣстно, въ 1727 г. и увѣнчались успѣхомъ. Вмѣстѣ съ этимъ переворотомъ въ отношеніяхъ Россіи къ Франціи измѣняется и тонъ писемъ Кампердона. Склонность его изображать все происходящее въ Россіи въ благопріятномъ свѣтѣ уступаетъ теперь мѣсто другой крайности. Если прежде слухи о замыслахъ бояръ по провѣркѣ оказывались измышленіемъ досужей фан-

тазіи Бассевича, то теперь Кампредонъ видитъ вездѣ ядъ и кинжалы, ему не перестаетъ мерещиться страшныя картины будущихъ бѣдствій, угрожающихъ Россіи и всѣ эти бѣдствія накличутъ на Россію, по увѣренію Кампредона, злосчастные переговоры съ Австріей. Между Вѣной и княземъ Голицынымъ въ Украйнѣ идутъ уже переговоры; Кампредонъ знаетъ это изъ достовѣрнаго источника, изъ Украйны же, по словамъ Кампредона, послѣдуетъ и первый ударъ; [1] революціонное броженіе уже началась, дорога между Петербургомъ и Москвой занята разбойниками, а разбойникамъ всегда помогаютъ, по увѣреніямъ Кампредона, бояре; этимъ, по его словамъ, всегда начинаются революціи въ Москвѣ, [2] бояре уничтожатъ невыносимую власть князя Меньшикова, они установятъ форму правленія, подобную существующей въ Швеціи или, по крайней мѣрѣ, въ Англіи и ограничатъ деспотическую власть своей Государыни [3].

Кампредонъ не сомнѣвается, что подъ тяжестью такихъ ударовъ Россія должна погибнуть. Въ стремленіи бояръ ограничить деспотическую власть Государыни онъ видитъ предвѣстникъ гибели русскаго государства, ибо, замѣчаетъ онъ глубокомысленно, у народовъ свирѣпыхъ и привыкшихъ къ рабству — это самый ясный признакъ грядущаго паденія. Кампредонъ не будетъ жалѣть объ этомъ паденіи: Россія заслужила свою судьбу, отвернувшись отъ союза съ Франціей и пустивъ волка въ овчарню. Кампредонъ, который въ іюнѣ 1725 года увѣрялъ, что радъ душой вспоспѣшествовать славѣ правленія царицы, въ январѣ 1726 года думаетъ, что наступило время поработать надъ

[1] Тамъ же т. LXIV стр. 199, 200.

[2] Стр. 210, 211.

[3] Стр. 187, 200. Кампредонъ вездѣ видитъ явные признаки скораго наступленія революціонной эры. „За кулисами, говоритъ онъ, множество людей тайно вздыхаютъ и жадно ждутъ минуты, когда можно будетъ обнаружить свое недовольство и непреодолимое расположеніе свое къ Великому Князю, происходятъ небольшія тайныя сборища, гдѣ пьютъ за здоровье Царевича, каждый день тайкомъ вѣшаютъ людей, которымъ случится проболтаться, но этимъ, разумѣется, нельзя засыпать бездонную пропасть. Царица поступила какъ нельзя хуже для себя, послѣдовавъ недоброму совѣту и пустивъ волка въ овчарню, то-есть принявъ императорскаго министра къ своему двору. (Стр. 105). Этотъ министръ дѣйствуетъ въ союзѣ съ сторонниками Великаго Князя, а эти сторонники предвѣщаютъ императрицѣ, что если она только не послѣдуетъ ихъ совѣту, турки не только вытѣснятъ ее съ Каспійскаго моря, но и изъ Астрахани, а пожалуй, двинутъ даже Татаръ за самую Москву. (Стр. 44.).

униженіемъ этого государства, и даетъ въ этомъ смыслѣ совѣты своему правительству. Онъ предлагаетъ тайное запрещеніе англійскимъ негоціантамъ, хотя бы въ теченіе одного года вести торговлю съ Россіей; это, по его мнѣнію, нанесетъ намъ значительный ущербъ, ибо мы безъ этой торговли обойтись не можемъ. Если же, паче чаянія, это средство не достигнетъ цѣли, то у него наготовѣ другой планъ: онъ посовѣтовалъ бы тогда соединить союзомъ Данію со Швеціей, снабдить ихъ субсидіей и натравить на Россію. Какъ бы то ни было, державы, сдѣлавшія хотя и тщетно все отъ нихъ зависящее для обезпеченія себя союзомъ съ Россіей, имѣютъ теперь, по его мнѣнію, „полное основаніе потрудиться надъ униженіемъ этого государства, которое едва ли могло бы когда-либо оправиться, если бы подверглось сильному, равняющемуся раззоренію, удару, какъ, напримѣръ, нашествію татаръ на Украйну, а оттуда на Москву.“ [1]

Вотъ изъ этихъ-то писемъ Кампредона, дышащихъ такою ненавистью къ Россіи и написанныхъ, очевидно, подъ впечатлѣніемъ дипломатическихъ неудачъ, разбираемые нами авторы, извлекаютъ свои цитаты, причемъ, минуя все остальное содержаніе, не исключая и злобныхъ выходокъ противъ Россіи, выписываютъ только тѣ фразы, въ которыхъ упоминается о стремленіяхъ вельможъ вернуть прежнюю свободу, установить новую форму правленія и ограничить деспотическую власть государыни.

Мы приведемъ эти письма цѣликомъ, упуская лишь тѣ мѣста, на которыя мы ссылались выше.

3-го января Кампредонъ пишетъ: „Не подлежитъ сомнѣнію, какъ я уже разъ имѣлъ честь докладывать, что если Царица разъ предастся австрійскому двору, она станетъ беззавѣтно помогать ему во всемъ. Государыню увлекаютъ на этотъ путь сторонники великаго князя. Весьма многіе русскіе вельможи, втайнѣ враждебные герцогу Голштинскому и оскорбленные тѣмъ, что ему удалось своимъ вліяніемъ привести ко всѣмъ этимъ рѣшеніямъ, понимаютъ и знаютъ всю ихъ опасность, но они хранятъ мертвое молчаніе, въ надеждѣ, что послѣдуетъ какое-нибудь пораженіе, которое позволитъ имъ выступить впередъ съ полной увѣренностью въ успѣхѣ. Тогда *они уничтожатъ невыносимую власть князя Меньшикова, возвратятъ себѣ прежнюю свободу и установятъ форму правленія, подобную существующей*

[1] Стр. 188.

въ Швеціи, или, по крайней мѣрѣ, въ Англіи. Таковы, Государь, желанія и стремленія большой части бояръ. Весьма вѣроятно, что они, воспользовались бы первыми же внутренними смутами, могущими возникнуть въ обширныхъ русскихъ земляхъ, для выполненія этого плана, къ чему Голицыны сами не разъ подали бы поводъ, если бы имъ предоставили дѣйствовать по всей ихъ волѣ. Но, надо полагать, императоръ, какъ скоро ему удастся овладѣть довѣріемъ здѣшняго двора и помѣстить при немъ вліятельнаго министра, позаботится о томъ, чтобы сохранить во всемъ ихъ объемѣ права самодержавной власти, дабы передать ее въ цѣлости своему племяннику и сдѣлать ее орудіемъ своихъ обширныхъ плановъ."[1] Наши авторы въ подтвержденіе своего тезиса о политическихъ стремленіяхъ родовитаго боярства приводятъ только тѣ строки изъ этой выдержки, которыя подчеркнуты нами. Все остальное, очевидно, не представляетъ для нихъ интереса. Въ самомъ дѣлѣ, приведенное мѣсто, взятое въ цѣломъ, не только не подтверждаетъ ихъ взгляда, а напротивъ, опровергаетъ его, вкладывая въ подчеркнутыя слова вовсе не тотъ смыслъ, который они хотятъ вложить въ него. Кампредонъ говоритъ здѣсь, съ одной стороны, о приверженцахъ великаго князя, которые поддерживаютъ союзъ съ императоромъ, близкомъ родственникамъ великаго князя, съ другой — о вельможахъ, которые противодѣйствуютъ этому союзу. Эти послѣдніе, а не родовитые вельможи, сторонники великаго князя, мечтаютъ о перемѣнѣ формы правленія. Приведенное мѣсто отнюдь поэтому не можетъ служить подтвержденіемъ воззрѣній гг. Милюкова и Филиппова, противупоставляющихъ худородныхъ вельможъ съ Меньшиковымъ во главѣ, родовитымъ боярамъ съ Голицынымъ во главѣ и утверждающихъ, что эти послѣдніе непосредственно по смерти Петра стали мечтать о политической самостоятельности..

Кампредонъ въ этомъ письмѣ продолжаетъ думать, что императоръ не намѣренъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, а хочетъ сохранить въ цѣлости не только русскія земли, но и русское самодержавіе, чтобы передать ихъ неприкосновенными своему племяннику. Но не далѣе, какъ черезъ 12 дней, а именно 15 января, онъ уже другаго мнѣнія и видитъ австрійскаго императора въ союзѣ съ княземъ Голицынымъ, который во главѣ украинской арміи наноситъ первый ударъ Россіи. „Я уже имѣлъ

[1] Стр. 187—88.

честь докладывать вамъ, пишетъ Кампредонъ, что большинство *именитѣйшихъ русскихъ людей думаютъ о томъ, какъ-бы ограничить деспотическую власть своей Государыни*, а это у народовъ свирѣпыхъ и привыкшихъ къ рабству самый ясный признакъ грядущаго паденія. Если они будутъ ждать, пока Царевичъ возмужаетъ и, взойдя на престолъ, самъ въ состояніи будетъ управлять страной, то пытаться имъ достичь успѣха станетъ уже поздно. *Поэтому есть основаніе опасаться, что тѣ, которые разсчитываютъ забрать впослѣдствіи въ руки значительную долю власти, постараются учредить правленіе на подобіе англійскаго*, и что они, главнымъ образомъ, поэтому не противятся ни исполненію голштинскихъ затѣй, ни союзу съ Вѣной, въ который голштинцы же вовлекаютъ царицу. Бояре надѣятся, что послѣдствіемъ этихъ событій явятся такія обстоятельства, которыя позволятъ имъ добиться своей цѣли. *Я даже слышалъ изъ вѣрнаго источника, что уже составленъ проэктъ новой формы правленія и посланъ къ главнокомандующему князю Голицину въ Украйну, откуда, вѣроятно, и послѣдуетъ первый ударъ;* князь же этотъ имѣетъ сношенія съ Вѣной черезъ генерала Вейсбаха, нѣмца, преданнаго императору. Оба они ревностные сторонники царевича и весьма возможно, что если вѣнскій дворъ одобритъ виды друзей императорскаго племянника, то царевичъ вступитъ на престолъ при первомъ же движеніи, къ которому подадутъ поводъ.“ [1] Въ этомъ письмѣ прежде всего неясно, о какихъ именитыхъ людяхъ идетъ рѣчь. Эти именитѣйшіе люди и не одобряютъ союза съ австрійскимъ императоромъ, стремящимся обезпечить престолъ великому князю и вмѣстѣ съ тѣмъ они и союзники этого императора и при его содѣйствіи и при помощи украинской арміи замышляютъ государственный переворотъ, имѣющій цѣлью посадить царевича на русскій престолъ. Наши историки и не приводятъ выписанное свидѣтельство цѣликомъ, а цитируютъ только подчеркнутыя строки. Но они не только урѣзываютъ свидѣтельства Кампредона, но и прибавляютъ къ нему то, о чемъ въ немъ нѣтъ и помину. Всѣ подчеркнутые нами строки изъ писемъ Кампредона приводятся ими въ связь съ исторіей возникновенія Верховнаго Тайнаго Совѣта и цитируются въ подтвержденіе своего основнаго тезиса, что Верховный Тайный Совѣтъ—былъ первый шагъ къ консти-

[1] Стр. 200.

гуціонному проекту 1730 г. Между тѣмъ, какъ видитъ читатель, въ приведенныхъ письмахъ Кампредона отъ 3 и 15 января, какъ и во всѣхъ его донесеніяхъ, говорящихъ о политическомъ броженіи, наступившемъ въ Россіи послѣ отклоненія русско-французскаго союза, нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ на Верховный Тайный Совѣтъ. Всѣ эти свидѣтельства французскаго посланника стоятъ въ связи съ тѣми коварными замыслами, которые онъ приписываетъ австрійскому императору, союзъ Россіи съ которымъ помѣшалъ союзу съ Франціей. И вотъ, чтобы установить эту несуществующую въ дѣйствительности связь приведенныхъ свидѣтельствъ съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, проф. Филипповъ прибѣгаетъ къ совершенно необычайному въ научномъ изслѣдованіи пріему. Приведя извѣстія Лефорта отъ 1 мая и Кампредона отъ 3 мая о предположеніи учредить Верховный Тайный Совѣтъ г. Филипповъ продолжаетъ: „Въ донесеніи отъ 15 января 1726 г. Кампредонъ опять повторяетъ слухъ о новомъ учрежденіи, хотя и нѣсколько въ другой формѣ: инициатива учрежденія, по его новому разсказу, исходитъ уже не отъ Государыни, а отъ именитѣйшихъ русскихъ людей, которые думаютъ о томъ, какъ бы ограничить деспотическую власть своей государыни..." [1] Читатель имѣетъ передъ глазами письмо отъ 15 января; въ немъ ни слова не говорится о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; утвержденіе г. Филиппова поэтому является совершенно произвольнымъ истолкованіемъ приведенной имъ цитаты...

Въ письмѣ отъ 23 февраля Кампредонъ доноситъ своему правительству объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта. „*Имѣю честь*, пишетъ онъ, *дать сегодня отчетъ о событіи, тѣмъ болѣе важномъ, что подъ внѣшнимъ видомъ желанія укрѣпить власть и правительство царицы, оно, кажется, кладетъ первый камень того зданія, которое русскіе вельможи замыслили воздвигнуть незамѣтно, то-есть, усиленіе ихъ власти и ихъ настоящаго и будущаго широкаго участія въ управленіи дѣлами съ здѣшней стороны*". Затѣмъ слѣдуетъ показанія Кампредона, которыя мы привели выше и въ которыхъ говорится, что планъ Верховнаго Тайнаго Совѣта исходитъ отъ герцога Голштинскаго и его министра, что онъ направленъ противъ неумѣренной власти князя Меньшикова и что Толстой велъ переговоры объ его учрежденіи съ Меньшиковымъ, Голицынымъ и Апраксинымъ. Сообщивъ далѣе

[1] Филипповъ—Исторія Сената, стр. 24.

объ личномъ составѣ новаго Совѣта, объ его отношеніяхъ къ другимъ учрежденіямъ и въ особенности къ Сенату, разсказавъ о томъ, что Меньшиковъ выговорилъ себѣ исключительное положеніе въ военной коллегіи и что Ягужинскій, не попавшій въ Совѣтъ, въ отчаяніи, — Кампредонъ продолжаетъ: „Интересно посмотрѣть, какъ разовьется учрежденіе, нынѣ чрезвычайно пріятное для честолюбія и власти Царицы. Она сказала, что покажетъ всему свѣту, что умѣетъ заставить повиноваться себѣ и поддержать добрую славу своего правленія. Верховному Совѣту легче всѣхъ судить, насколько основательно это притязаніе. Вообще, пока члены новоучрежденнаго Совѣта согласны между собою и находятъ въ этомъ свою выгоду, до тѣхъ поръ Совѣтъ этотъ будетъ, надо полагать, служить опорой для Царицы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нетрудно видѣть, что по существу своему онъ представляетъ *первый шагъ къ перемѣнѣ формы правленія*. Русскіе стремятся сдѣлать его менѣе деспотичнымъ, и многихъ удержало въ этомъ стремленіи только малолѣтство Великаго Князя и то, что у нихъ не было вождя, способнаго вести и поддержать ихъ. Теперь, когда наступитъ благопріятный случай, они этому риску не подвергнутся болѣе, такъ какъ постараются, безъ сомнѣнія, утвердить свое вліяніе и незамѣтно ограничить самодержавную власть, *заставляя ее жаловать такія привилегіи, которыя создадутъ возможность учредить и поддержать правленіе, подобно англійскому. Весьма вѣроятно, что учрежденіе Верховнаго Совѣта именно въ этихъ то видахъ и послѣдовало.* По крайней мѣрѣ, такихъ послѣдствій ожидаютъ отъ него наиболѣе разумные люди, и это мнѣніе вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что самому мнѣ извѣстно изъ стремленій русскихъ вельможъ“ [1].

Для вѣрной оцѣнки приведеннаго письма, изъ котораго наши авторы цитируютъ по обыкновенію только нѣкоторыя строки, нами подчеркнутыя, нужно умѣть отличать въ немъ, съ одной стороны, сообщеніе фактовъ, которымъ Кампредонъ былъ самъ свидѣтелемъ, отъ его предположеній, касающихся будущихъ судебъ новаго учрежденія. Тѣ его показанія, которыя говорятъ о возникновеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта и свидѣтельствуютъ объ участіи въ его устройствѣ герцога Голштинскаго, графа Толстого и князя Меньшикова, относятся къ пер-

[1] С. Р. И. О. Т. LXIV. Стр. 253, 256.

вой категоріи: и мы могли ими воспользоваться, такъ какъ они вполнѣ согласуются съ показаніями другихъ свидѣтелей, съ характеромъ дѣйствующихъ лицъ и съ общимъ ходомъ историческихъ событій. Нельзя сказать того же о второй категоріи свидѣтельствъ; они не находятъ никакого подтвержденія ни въ показаніяхъ Лефорта и Мардефельда, ни въ письмахъ самого Кампредона, относящихся къ тому времени, когда его дипломатическая миссія еще обѣщала успѣхъ. Ихъ трудно также согласовать и съ тѣмъ, что говорилъ Кампредонъ въ предшествующихъ, выше нами цитированныхъ, письмахъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто были эти вельможи, которые стремились ограничить самодержавную власть учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта? Всего больше хлопотали объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ свидѣтельствуетъ самъ Кампредонъ, герцогъ Голштинскій и графъ Толстой. Утверждать же, что зять Императрицы и ея ближайшій совѣтникъ желали ввести у насъ парламентарную форму правленія, значитъ прямо утверждать абсурдъ. И съ такимъ мнѣніемъ, конечно,не согласятся ни г. Филипповъ, ни г. Милюковъ, которые не имъ, а родовитымъ боярамъ приписываютъ стремленіе къ политической самостоятельности. Но если ни герцогъ Голштинскій, ни Толстой не преслѣдовали политическихъ цѣлей при учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, то остается только предположить, что эту цѣль имѣлъ въ виду князь Голицынъ, ибо никто же не станетъ подозрѣвать въ политическихъ замыслахъ остальныхъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, ни боязливаго и осторожнаго Остермана, ни худороднаго Меньшикова, стремившагося только къ усиленію своей личной власти, ни старцовъ Головкина и Апраксина, притязанія которыхъ не шли далѣе желанія спокойно и мирно прожить остатокъ дней своихъ. Но именно Голицыну, Кампредонъ, если онъ только не хотѣлъ отречься отъ своихъ прежнихъ показаній, и не могъ приписывать намѣренія учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта ограничить власть Императрицы: Въ письмѣ отъ 15 января онъ „изъ достовѣрнаго источника“ сообщаетъ намъ, что не мирнымъ путемъ, не путемъ реорганизаціи нашихъ учрежденій и никакъ не въ союзѣ съ Голштинцами, а во главѣ украинской арміи и при содѣйствіи австрійскаго императора Голицыны намѣревались свергнуть съ престола Екатерину и сразу учредить правленіе „на подобіе англійскаго“.

Но довольно... Слишкомъ ясны тѣ противорѣчія, въ которыхъ запутался Кампредонъ, чтобы стоило дольше на нихъ настаивать: мы уже и безъ того утомили читателя пространнымъ разборомъ свидѣтельствъ Кампредона и основанныхъ на немъ утвержденій нашихъ ученыхъ. Но мы не будемъ жалѣть о потраченномъ трудѣ, если этими скучными страницами намъ удалось доказать, что учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта не стоитъ ни въ какой связи съ какими-бы то ни было политическими притязаніями русскаго боярства, и что пора выбросить за бортъ нашей исторической литературы старую легенду объ олигархическомъ происхожденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта.

ГЛАВА II.

Степень власти и кругъ дѣятельности В. Т. Совѣта.

1. В. Т. Совѣтъ — Учрежденіе Совѣщательное.

Наши ученые, утверждающіе, что В. Т. Совѣтъ возникъ подъ давленіемъ боярской партіи, стремившейся къ политической самостоятельности и домогавшейся ограниченія деспотической власти государыни, должны, чтобы оставаться послѣдовательными, доказывать, что эти стремленія обнаружились и въ дѣятельности В. Т. Совѣта, и что съ возникновеніемъ этого учрежденія Самодержавная власть Императрицы была подорвана. И они не только утверждаютъ это, но идутъ еще дальше: рисуя въ самыхъ мрачныхъ краскахъ нашъ, расшатанный въ эту эпоху, государственный строй, они пытаются увѣрить насъ, что съ учрежденіемъ В. Т. Совѣта вся дѣйствительная власть перешла къ этому учрежденію, у императрицы же остались одни только внѣшніе символы суверенитета.

Градовскій говоритъ о стремленіи В. Т. Совѣта сдѣлаться „верховнымъ трибуналомъ въ государствѣ на ряду съ властью государя“ [1]. По мнѣнію проф. Щеглова В. Т. Совѣтъ—аристократическое учрежденіе, „обладавшее всѣми функціями власти въ государствѣ“ [2]. Проф. Филипповъ выражается еще рѣзче; по его словамъ, „Совѣтъ въ качествѣ учрежденія политическа-

---

[1] Градовскій. Высшая администрація, стр. 141.

[2] Щегловъ. Государственный совѣтъ. стр. 515, 546.

го, твердо и неуклонно проводилъ лишь одну идею, идею собственнаго верховенства“ [1]. Для всѣхъ этихъ писателей не подлежитъ сомнѣнію, что въ царствованіе Екатерины В. Т. Совѣтъ былъ дѣйствительнымъ правителемъ государства, которому императрица уступила политическое руководство страною.

Но разсужденія этихъ писателей, при всей опредѣленности ихъ воззрѣній на политическую роль Верховнаго Тайнаго Совѣта, не даютъ однако яснаго отвѣта на вопросъ, была-ли эта „огромная власть“ Верховнаго Тайнаго Совѣта узурпаціей, произвольнымъ захватомъ, или же она вытекала изъ предоставленныхъ ему закономъ полномочій, другими словами, былъ-ли Верный Тайный Совѣтъ учрежденіемъ, только фактически ограничивавшимъ самодержавную власть или же онъ былъ органомъ, которому законами страны было предоставлено участіе въ верховной власти? Этотъ вопросъ никѣмъ изъ упомянутыхъ авторовъ не ставится, а между тѣмъ онъ для научнаго анализа юридической природы этого учрежденія имѣетъ первостепенную важность. Градовскій какъ-будто склоняется къ мнѣнію, что широкая власть Верховнаго Тайнаго Совѣта была только властью фактической: по крайней мѣрѣ, нигдѣ онъ не говорилъ о правахъ В. Т. Совѣта, а только объ его „узурпаціяхъ“, объ его „захватахъ“ и „присвоеніяхъ“. Нѣсколько яснѣе высказывается проф. Щегловъ. Изъ нѣкоторыхъ его выраженій, довольно, впрочемъ неопредѣленныхъ, можно вывести заключеніе, что Верховный Тайный Совѣтъ былъ установленъ учрежденіемъ совѣщательнымъ и лишь фактически сдѣлался полновластнымъ господиномъ страны. „Екатерина, — говоритъ онъ, — повидимому желала, чтобы Верховный Тайный Совѣтъ былъ опорою Престола и обладалъ только совѣщательными функціями... Но Екатерина рѣдко посѣщала засѣданія Совѣта, который не замедлилъ воспользоваться этимъ для увеличенія своей и безъ того огромной власти въ управленіи, гдѣ онъ считалъ одного себя господиномъ“ [2]. Всего противорѣчивѣе тѣ положенія, которыя мы находимъ у проф. Филиппова. Хотя выраженія de jure и de facto—его любимыя выраженія, и они то и дѣло мелькаютъ на страницахъ его труда, такъ что въ концѣ-концовъ даже утомляютъ читателя, тѣмъ не менѣе крайне трудно опредѣлить, что, по мнѣнію г. Филиппова, принадлежало Верховному Тай-

[1] Филипповъ. Исторія сената, стр. 481, 482.
[2] Щегловъ, 539, 540.

ному Совѣту по праву, и что только фактически. Съ одной стороны онъ утверждаетъ, что существовалъ указъ, который категорически запрещалъ издавать Верховному Тайному Совѣту указы безъ аппробаціи императрицы, съ другой стороны онъ приводитъ указы, которые будто-бы состоялись безъ доклада императрицѣ, и увѣряетъ, что на изданіе такихъ указовъ Совѣтъ и de jure имѣлъ, *конечно*, право“ [1].

Несмотря такимъ образомъ на то, что объ „огромной власти“ Верховнаго Тайнаго Совѣта было написано очень много и всего болѣе нашими учеными правовѣдами, тѣмъ не менѣе вопросъ о степени власти, предоставленной Верховному Тайному Совѣту закономъ, остается еще и по сіе время вопросомъ открытымъ. Мы считаемъ поэтому нужнымъ на послѣдующихъ страницахъ заняться его разрѣшеніемъ и спросить себя, былъ-ли Верховный Тайный Совѣтъ совѣщательнымъ учрежденіемъ, мнѣнія котораго получали обязательную силу лишь по утвержденіи императрицы, или же это былъ самостоятельный органъ, который своими постановленіями непосредственно связывалъ волю подданныхъ?

Въ указѣ 8 февраля 1726 г., которымъ учреждается Верховный Тайный Совѣтъ, Императрица повелѣваетъ: „при Дворѣ нашемъ какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ дѣлъ учредить Верховный Тайный Совѣтъ, при которомъ мы сами будемъ присутствовать“. По смыслу этого указа Верховный Тайный Совѣтъ не долженъ былъ быть особой коллегіей, облеченной самостоятельной властью и стоящій рядомъ съ государыней, а не чѣмъ инымъ, какъ мѣстомъ, въ которомъ императрица совѣщается съ своими министрами о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Если это опредѣленіе указа 8 февраля, по своей лаконичности и могло дать нашимъ изслѣдователямъ поводъ къ ложнымъ истолкованіямъ, то указъ 1 января 1727 г. уже ничего не оставляетъ желать по своей ясности и опредѣленности. Совѣщательный характеръ учрежденія подчеркнутъ тутъ рѣзкими и яркими чертами. Въ этомъ указѣ говорится, что „Совѣтъ учрежденъ не для чего иного, только дабы оный въ семъ тяжкомъ бремени правительства во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ *вѣрными своими совѣтами и безстрастнымъ объявленіемъ мнѣній своихъ* намъ вспоможеніе и облегченіе учинилъ и такъ всѣ дѣла по довольно зрѣломъ и совѣстномъ уваженіи и раз-

[1] Филипповъ, 58, 80, 81.

сужденіи *отъ насъ рѣшены* и потому отправлены быть могли. Того ради и наше всемилостивѣйшее соизволеніе есть, чтобы не токмо о дѣлахъ, по учиненному отъ насъ регламенту въ сей Верховный Тайный Совѣтъ вносимыхъ, но и обо всѣхъ другихъ, до нашей и Государства нашего пользы касающихся, въ оном напередъ зрѣлое разсужденіе и вѣрные, совѣстные и безстрастные *совѣты* отправлены, *общія мнѣнія* записаны и съ оными потомъ намъ для полученія нашего всемилостивѣйшаго *рѣшенія* предложены были".

Итакъ, по точному смыслу законовъ, опредѣлившихъ отношеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта къ верховной власти, онъ является исключительно совѣщательнымъ учрежденіемъ, которое подаетъ только мнѣнія и предлагаетъ только совѣты по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ. Императрица же, по выслушаніи этихъ мнѣній и совѣтовъ, постановляетъ свои рѣшенія. *Указовъ, которые исходили бы отъ Совѣта безъ аппробаціи императрицы нѣтъ, есть только именные указы, объявленные изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Верховный Тайный Совѣтъ въ области верховнаго управленія не имѣлъ распорядительной власти, онъ былъ органомъ несамостоятельнымъ, постановленія котораго по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ безъ утвержденія верховной власти силы не имѣли...*

Эти начала, такъ ясно выраженныя въ законодательныхъ актахъ изучаемой нами эпохи, вполнѣ отчетливо сознавались членами Верховнаго Тайнаго Совѣта. Они ихъ и выражаютъ въ своихъ мнѣніяхъ самымъ не двусмысленнымъ образомъ. Въ третьемъ пунктѣ „мнѣнія не въ указъ" представленнаго императрицѣ, сказано прямо: „Никакимъ указомъ прежде не выходить, пока оные въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ совершенно не состоялись, протоколы не закрѣплены и *Ея Величеству для всемилостивѣйшей аппробаціи* прочтены не будутъ, и потомъ могутъ оные, по учиненному здѣсь опредѣленію отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Степанова закрѣплены и отправлены быть"[1]. Императрица, одобривъ „мнѣніе не въ указъ" утвердила и выраженный въ этомъ пунктѣ принципъ, предложивъ только, чтобы протоколы подписывались членами Верховнаго Тайнаго Совѣта не до, а послѣ аппробаціи ихъ верховной властью[2], а въ журналѣ 18 февраля 1726 г. мы читаемъ: „Говорено при

[1] С. Р. И. О. Т. LV стр. 94.

[2] Тамъ же. Т. LV стр. 96, 97.

томъ, чтобы впредь во всѣхъ указахъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, куда они о какихъ дѣлахъ отправляться будутъ, писать, что Ея Императорское Величество указала, *понеже всѣ резолюціи въ ономъ ко аппробаціи Ея Императорскаго Величества слѣдовать имѣютъ*“ [1]. И далѣе въ томъ же протоколѣ читаемъ: „При томъ разсуждено было, писать-ли въ указахъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта генералу фельдмаршалу Голицыну и къ другимъ подобнымъ ему персонамъ „господинъ“ и опредѣлено, чтобы въ тѣхъ указахъ „господина“ никому не придавать, понеже въ ономъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ Ея Императорское Величество Сама присутствовать изволитъ [2] и *всѣ указы по аппробаціи Ея Императорскаго Величества отправляться имѣютъ*“ [3].

Не подлежитъ, такимъ образомъ, сомнѣнію, что Верховный Тайный Совѣтъ былъ учрежденіемъ только совѣщательнымъ, мнѣнія котораго получали обязательную силу лишь съ утвержденія императрицы. Иначе смотрятъ на отношеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта къ монарху историки этого учрежденія. Мы остановимся на разсужденіяхъ г. Филиппова, который подробно говоритъ объ отношеніяхъ императрицы къ Верховному Тайному Совѣту и разсужденія котораго представляютъ и тотъ интересъ, что они воспроизводятъ аргументы и другихъ писателей, касавшихся этого вопроса.

---

[1] Тамъ же т. LV стр. 50. Это мѣсто журнала 18 февраля извѣстно г Филиппову, но онъ на стр. 58 возводитъ подчеркнутыя строки его на степень указа 18 февраля, *который никогда изданъ не былъ*.

[2] Г Филипповъ на стр. 32 приводитъ это мѣсто изъ протокола 18 февраля въ доказательство того положенія, что „стремясь на первыхъ же порахъ оставить за собою политическое руководительство страною, Верховный Тайный Совѣтъ... пытается слиться воедино съ личностью императрицы Въ примѣчаніи (16) онъ прибавляетъ въ выноскѣ: „это стремленіе выражается даже въ мелочахъ: 18 февраля Совѣтъ между прочимъ разсуждаетъ“ и затѣмъ приводятся выписанныя нами выше строки изъ протокола. А профессору Щеглову эти строки служатъ подтвержденіемъ того, что „Екатерина рѣдко посѣщала засѣданія Совѣта, который не замедлилъ воспользоваться этимъ для увеличенія своей и безъ того огромной власти въ управленіи, гдѣ онъ считалъ одного себя „господиномъ“. Кажется трудно идти дальше въ искусствѣ приноравливать для своихъ цѣлей цитаты, доказывающія прямо противоположное тому, что хотятъ доказать приводящіе ихъ авторы.

[3] Тамъ же т. LV стр. 51.

2. Воззрѣніе г. Филиппова на отношеніе Императрицы къ Верховному Тайному Совѣту.

Разсмотрѣвъ внѣшнее отношеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта къ императрицѣ г. Филипповъ приходитъ къ выводу, что эти отношенія были очень близки. „Если судить только по этимъ внѣшнимъ формамъ сношеній съ императорской властью, говоритъ г. Филипповъ, Верховный Тайный Совѣтъ былъ, конечно, Совѣтъ при особѣ государя или при дворѣ его. Дѣйствительно Императрица близко стояла къ Совѣту, то участвуя въ его засѣданіяхъ, то принимая членовъ Совѣта лично, то наконецъ сообщая ему къ исполненію свои именные указы [1]. Хотя это было „дѣйствительно“ такъ, но „въ дѣйствительности“, продолжаетъ г. Филипповъ, роль Верховнаго Тайнаго Совѣта шла гораздо дальше: мы вообще можемъ указать мало случаевъ, когда императрица дѣйствовала самостоятельно по отношенію къ Совѣту, когда бы она давала не только одну свою подпись подъ указы, составленные въ Совѣтѣ, но и внимательно вникала въ его рѣшенія“... [2]. „императрица обычно лишь утверждала постановленія Совѣта. Именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ, то-есть, указовъ, состоявшихся по крайней мѣрѣ формально лишь по волѣ Самой Императрицы, безъ упоминанія о томъ, что указъ данъ въ нашемъ Совѣтѣ, во-первыхъ,—весьма немного, во-вторыхъ, они большею частью касаются довольно узкой сферы личной дѣятельности самой императрицы и, въ-третьихъ, то подсказываются ей отчасти тѣми же членами Совѣта, напримѣръ, Меньшиковымъ и другими лицами, то наконецъ, въ дѣйствительности, также, какъ и другіе указы проходятъ чрезъ обсужденіе Совѣта, хотя въ нихъ объ этомъ и не упоминается“ [3]. Изъ всѣхъ этихъ соображеній г. Филипповъ дѣлаетъ выводъ, что Совѣтъ „ни въ личной дѣятельности императрицы, ни въ подчиненныхъ ей учрежденіяхъ (кромѣ отчасти военной коллегіи), не встрѣчалъ никакихъ серіозныхъ препятствій къ ограниченію своего властвованія“ [4].

Первый доводъ, который приводитъ г. Филипповъ въ пользу защищаемаго имъ воззрѣнія сводится, какъ мы видимъ, къ тому,

---

[1] Филипповъ. Стр. 45—50, 55.
[2] Тамъ же стр. 56.
[3] Тамъ же стр. 59, 60.
[4] Тамъ же 62.

что Совѣтъ дѣлаетъ тѣ или другія постановленія, получающія силу закона, въ формѣ именныхъ указовъ, составлявшихся въ Совѣтѣ, хотя въ дѣйствительности императрица и не знаетъ объ нихъ. Это утвержденіе, переведенное на языкъ юриста, можетъ имѣть лишь тотъ смыслъ, что указы, объявляемые изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ большинствѣ случаевъ издавались безъ утвержденія императрицы, то-есть, съ явнымъ нарушеніемъ основныхъ законовъ. Г. Филипповъ, другими словами, утверждаетъ, что большинство законовъ, напечатанныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ за періодъ времени отъ 8-го февраля 1726 по 6-е мая 1727 г. никакой юридической силы не имѣютъ, а являются не чѣмъ инымъ, какъ голыми фактами, лишь по недоразумѣнію попавшими въ нашъ сборникъ законовъ. На чемъ же основываетъ г. Филипповъ этотъ тезисъ, чреватый столь серіозными въ глазахъ юриста послѣдствіями? Ни болѣе, ни менѣе, какъ на всѣхъ „почти“ журналахъ Совѣта. Онъ, правда, приводитъ только два примѣра, но ограничивается онъ только ими потому, что считаетъ лишнимъ приводить другіе, „такъ какъ ихъ можно, увѣряетъ онъ, найти въ любомъ журналѣ Совѣта.“ [1] Мы, однако, не могли найти *ни одного* такого примѣра. Намъ поэтому ничего другаго не остается, какъ разсмотрѣть только тѣ примѣры, которые приводитъ самъ г. Филипповъ. Первый примѣръ—это протоколъ 28-го марта 1726 года объ увольненіи нѣкоего майора и экзекутора Лукина изъ службы. Это увольненіе, увѣряетъ г. Филипповъ, состоялось въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ безъ доклада императрицѣ. Чтобы провѣрить это утвержденіе г. Филиппова, мы разсмотримъ относящіеся сюда документы: 28-го марта Лукинъ подаетъ свое прошеніе объ увольненіи изъ службы въ Верховный Тайный Совѣтъ; въ тотъ же день Верховный Тайный Совѣтъ разсматриваетъ его и свою резолюцію заноситъ въ протоколъ. [2] Протоколъ этотъ былъ подписанъ лишь 20-го апрѣля. Между составленіемъ резолюціи и облеченіемъ ея въ юридическую форму прошло, такимъ образомъ, достаточно времени для того, чтобы донести императрицѣ о состоявшемся мнѣніи Верховнаго Тайнаго Совѣта и испросить утвержденіе его верховной властью. Если объ этомъ докладѣ и объ этомъ утвержденіи ничего не говорится въ журналахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, то по той

[1] Тамъ же, стр. 58, 59.
[2] С. Р. И. О. LXIII, 426

простой причинѣ, что въ эти журналы вносилось только то, что происходило на засѣданіяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Доклады же Императрицѣ и утвержденіе ею мнѣній Верховнаго Тайнаго Совѣта были актами, происходившими за стѣнами Верховнаго Тайнаго Совѣта и въ журналы не вносились и въ протоколахъ не отмѣчались. Если же объ нихъ иногда упоминаютъ журналы, то только въ случаяхъ исключительныхъ, когда по какому-либо особому поводу возникала необходимость довести о нихъ до свѣдѣнія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Врядъ-ли такимъ исключительнымъ случаемъ могло быть увольненіе экзекутора Лукина отъ службы. Неудивительно поэтому, что аппробація императрицей этого увольненія не оставила слѣдовъ въ журналахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Второй примѣръ, приводимый г. Филипповымъ, столь же неудаченъ. Этимъ примѣромъ является именной указъ, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Сенату: о доставленіи изо всѣхъ мѣстъ въ коммиссію о коммерціи требуемыхъ ею свѣдѣній. [1] Этотъ указъ, по увѣренію г. Филиппова, состоялся также безъ доклада императрицѣ. Мы не знаемъ, на какомъ основаніи г. Филипповъ строитъ это свое увѣреніе. Если на томъ же основаніи, на какомъ онъ утверждаетъ, что увольненіе Лукина состоялось безъ утвержденія императрицы, то-есть, на томъ основаніи, что это утвержденіе не внесено въ журналъ, то это — произвольное предположеніе, которое мы уже по достоинству оцѣнили. Вся разница между указомъ 10-го апрѣля 1727 года и протоколомъ 28-го марта объ увольненіи Лукина сводится къ тому, что въ первомъ случаѣ мнѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта утверждается лишь черезъ три недѣли, а во второмъ случаѣ мнѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта получаетъ Высочайшую санкцію въ тотъ же день. [2] Эта же разница находитъ себѣ очень простое объясненіе въ томъ, что экзекуторъ Лукинъ былъ маленькій человѣкъ, и докладъ объ его дѣлѣ не скоро дождался очереди, а предсѣдатель коммиссіи о коммерціи Остерманъ былъ крупный человѣкъ, который въ тотъ же день могъ доложить императрицѣ о состоявшемся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ мнѣніи и получить ея утвержденіе.

Г. Филипповъ не только думаетъ, что большинство именныхъ указовъ, объявленныхъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, изда-

---

[1] П. С. З № 5 057.

[2] С. Р. И. О. т. LXIII, стр. 442.

волись безъ вѣдома императрицы, онъ даже увѣряетъ, что когда дѣла, дѣйствительно, и шли къ докладу императрицѣ, ея роль сводилась къ тому, что она лишь утверждала постановленія Совѣта. Примѣровъ, могущихъ подтвердить это положеніе, г. Филипповъ, однако, не приводитъ, а ссылается только на рядъ страницъ изъ сборника Дубровина [1]. Мы въ примѣчаніи приводимъ выписки изъ этихъ страницъ: онѣ покажутъ читателю, что императрица одни мнѣнія Верховнаго Тайнаго совѣта утверждала, другія отклоняла, третьи дополняла, о четвертыхъ обѣщала помыслить. Эти страницы, такимъ образомъ, никакъ не подтверждаютъ взглядовъ г. Филиппова, а служатъ только лишнимъ показателемъ того, что Верховный Тайный Совѣтъ былъ совѣщательнымъ учрежденіемъ, мнѣнія котораго получали обязательную силу лишь съ аппробаціи императрицы.

Г. Филипповъ утверждаетъ далѣе, что именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ за это время мало, и выводитъ отсюда заключеніе, что властвованіе Верховнаго Тайнаго Совѣта не встрѣчало серіозныхъ препятствій въ личной дѣятельности Императрицы. Если и допустить (что врядъ-ли допустимо), что количество

---

[1] Раскроемъ же указанныя г. Филипповымъ страницы. T. LV, стр. 3 Императрица указала одному изъ членовъ въ Верхогномъ Тайномъ Совѣтѣ присутствовать при пріемѣ сенаторовъ и „опредѣлили съ общаго согласія, чтобъ притомъ быть д. т. с. Дмитрію Голицыну“. T. LV, стр. 76. Совѣтъ предложилъ мнѣніе о томъ, чтобы французскому посланнику Кампредону своей зѣло продолжительной рѣчи предъ Е. И. В. не отправлять. Объ этомъ былъ составленъ протоколъ, съ которымъ отправился къ императрицѣ Макаровъ, который возвратясь, объявилъ объ аппробаціи императрицы. T. LV, стр. 92. Секретарь Макаровъ, прибывъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, объявилъ 1) что онъ докладывалъ императрицѣ о учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта (очевидно, „мнѣніе не въ указъ“), что императрица „слушала и аппробовать соизволила, *кромѣ нѣкоторыхъ пунктовъ*, которымъ притомъ отдалъ записку“. 2) что изъ представленныхъ отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ сенаторы кандидатовъ *изволила указать быть* мануфактуръ-коллегіи президенту Новосильцеву, а въ той коллегіи вице-президентомъ Алексѣю Бибикову, однакожъ ему, Новосильцеву, и въ коллегіи той надсматривать, въ Сенатъ же Ивана Плещеева на разсужденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. 3) Что Е. В. изволила отдать одну челобитную, которую указала въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, выслушать и учинить рѣшеніе“ Верховный Тайный Совѣтъ, исполняя указъ Императрицы, постановляетъ рѣшеніе, которое называетъ мнѣніемъ. „*И то мнѣніе отдано паки ему, господину Макарову, чтобы донесъ Е. В. для аппробаціи.* T. LV, стр. 162. Во-первыхъ, *по имѣющимъ совѣтамъ* и разсужденіямъ о персидскихъ дѣлахъ Ея Императорскому Величеству представляютъ свое *всеподданнѣйшее мнѣніе*, а именно .. И Ея Величество все *аппробовать* соизволила...

именныхъ указовъ служитъ показателемъ личной дѣятельности монарха, то и тогда количество именныхъ указовъ, изданныхъ Екатериной I отъ 8-го февраля 1726 г. по 6-е мая 1727 г. не можетъ служить доводомъ въ пользу мнѣнія г. Филиппова. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ доводъ былъ бы убѣдителенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы императрица послѣ учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта стала издавать меньше именныхъ указовъ, чѣмъ она ихъ издавала до учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Но мы не только этого не видимъ, а напротивъ, должны констатировать совершенно обратное явленіе: *до учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта Императрица рѣже издавала именные указы, чѣмъ послѣ учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта.* Въ самомъ дѣлѣ, въ періодъ времени отъ 28-го января 1725 г. по 8-е февраля 1726 г. было издано всего 10 именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ (т. е. такихъ, которые не объявлены изъ Сената), послѣ же учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта т. е. въ періодъ времени отъ 8-го февраля 1726 г. по 6-е мая 1727 г. было издано 39 именныхъ указовъ въ соб-

---

Когда же донесено, что возможно-ли обѣщать и о уступленіи Гиляни .. то Е И. В. и на то соизволила, *однакожъ съ такимъ опредѣленіемъ, что ежели* и т. д. Стр. 290. Е В. донесено... что Верховный Тайный Совѣтъ... заблагоразсудилъ... Генералъ-адмиралу ѣхать немедленно во флотъ къ Кронштадту, а въ Ревель послать генералъ-маіора Юсупова .. И Е В. то аппробовать соизволила, *только вмѣсто Юсупова ѣхать бы генералъ-лейтенанту Михаилу Волкову.* Т. LVI, стр. 107. Присланъ отъ тайнаго кабинетъ-секретаря отданный ему въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ для докладу Е И. В. протоколъ по синодскимъ доношеніямъ, состоящій въ 4-хъ пунктахъ. А посланный объявилъ, что *Е. В. подписать не изволила*, того ради къ нему, тайному кабинетъ-секретарю, для увѣдомленія посланъ канцеляристъ Гравцовъ, что тотъ протоколъ Е. В. слушать и аппробовать изволила-ль, чтобъ потому уже указы отправить; на что онъ, кабинетъ-секретарь, объявилъ, что оный *Е. В. слушать и аппробовать изволила.* Т. LVI, стр. 352. Ея Величеству донесено, что по требованію вице-адмирала Сиверса... опредѣлено... отправить 20,000 рублевъ и *Е. В всемилостивѣйше аппробовать соизволила*... Донесено Е. В., что... представляютъ въ Москву въ контору сенатора князя Алексѣя Долгорукова, и съ нимъ другаго, кого Е. В. соизволитъ. *И хотя Е. В. изволила о томъ мыслить, однакожъ тогда на то резолюціи своей объявить не изволила* Т. LXIII, стр. 240. Полковника Нефеда Кудрявцева согласно разсудили, чтобы ему быть въ Казани вице-губернаторомъ, а въ Новгородъ написать кандидатовъ; въ губернаторы Алексѣя Бибикова, князя Василія Гагарина, котораго *Е. В. соизволитъ повелѣть опредѣлить*... И о томъ учинить докладъ. *А ежели соизволенія Е. И. В. о Бибиковѣ* не будетъ, то надлежитъ его отпустить.

ственномъ смыслѣ (т. е. такихъ, которые не объявлены изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта). Второй періодъ продолжительнѣе перваго всего, приблизительно, на три мѣсяца, между тѣмъ въ этотъ второй періодъ издано сравнительно съ первымъ именныхъ указовъ въ четыре раза больше.

Г. Филипповъ утверждаетъ далѣе, что именные указы императрицы за эту эпоху большею частью касаются довольно узкой сферы личной дѣятельности самой императрицы. Между тѣмъ этими указами императрица изъяла изъ вѣдѣнія Верховнаго Тайнаго Совѣта важнѣйшія военныя дѣла [1], опредѣлила должность Сената, его организацію, компетенцію и отношеніе къ другимъ учрежденіямъ [2], раздѣлила Синодъ на два департамента [3], опредѣлила дачу жалованья синодскимъ членамъ [4], запретила отпускать изъ штатсъ-конторы на какіе-либо расходы деньги, товары и вещи безъ именнаго повелѣнія [5], подчинила канцелярію дворцовыхъ вотчинъ Кабинету [6], предписала Синоду подавать ей ежемѣсячныя доношенія о дѣлахъ наиболѣе важныхъ и представить на Высочайшее усмотрѣніе о лицахъ, посвящаемыхъ изъ архимандритовъ въ архіерейское званіе [7], опредѣлила смертную казнь авторамъ подметныхъ писемъ [8], позволила просить на дачу одни только отписныя и вымороченыя имѣнія [9], назначила Ромодановскаго завѣдующимъ Тайной канцеляріи [10]; такими же именными указами императрица регулируетъ торговыя отношенія [11], издаетъ распоряженія по военному вѣдомству [12], по монетному дѣлу [13], по государственному благоустройству [14]. Неужели всѣ эти распоряженія, касающіяся столь разнообразныхъ и столь существенныхъ сторонъ государственной жизни, можно, какъ это дѣлаетъ г. Филипповъ, отно-

---

[1] II. С. 33. № 4835
[2] № 4847.
[3] № 4919.
[4] № 5011
[5] № 4930.
[6] № 4966.
[7] № 4987.
[8] № 4838.
[9] № 4938.
[10] № 4892.
[11] №№ 4910, 4992, 5060.
[12] №№ 4874, 4876, 4893, 4896, 4981, 4997, 5044
[13] №№ 4890, 5003, 5009, 5013, 5019, 5040.
[14] №№ 4888, 4939, 4943, 4944, 4982, 4979.

сить къ довольно „узкой сферѣ личной дѣятельности самой императрицы“.

Увѣреніе г. Филиппова, что именные указы подсказываются императрицѣ членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, мы проходимъ молчаніемъ, ибо авторъ не приводитъ и, конечно, не можетъ привести никакихъ данныхъ, которыя подтвердили бы это болѣе чѣмъ странное и совершенно произвольное утвержденіе [1].

Разборъ изложенія г. Филиппова, посвященнаго вопросу объ отношеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта къ императрицѣ, приводитъ насъ такимъ образомъ къ выводу, что всѣ аргументы нашего автора при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются очень мало убѣдительными: они лишь болѣе яркими штрихами под-

[1] Черезъ все изложеніе г. Филиппова, посвященное вопросу объ отношеніи императрицы къ Верховному Тайному Совѣту, очень ясно проглядываетъ воззрѣніе, по которому Екатерина была слабою правительницей, безропотно переносившей самовластительство „Россійскихъ олигарховъ“. Мы не беремся высказывать здѣсь своего взгляда на личныя качества императрицы. Приведемъ только нѣсколько примѣровъ, почерпнутыхъ изъ имѣвшихся и у г. Филиппова подъ руками свидѣтельствъ и характеризующихъ личныя отношенія императрицы къ членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Примѣры эти не вполнѣ вяжутся съ представленіемъ нашего автора о правѣ и характерѣ императрицы Кампредонъ разсказываетъ, напримѣръ, слѣдующій случай: Остерманъ, обидѣвшійся на то, что не былъ удостоенъ званія сенатора, сталъ говорить о томъ, что откажется отъ красной ленты, если она ему будетъ пожалована и вообще подастъ въ отставку. Когда императрицѣ донесли эти рѣчи, она выразила удивленіе, что такой человѣкъ, какъ Остерманъ, смѣетъ ей указывать, что ей дѣлать. Она вовсе не собиралась жаловать ему красной ленты, но если-бъ дала, а онъ имѣлъ-бы дерзость отказаться, то она при всѣхъ закатила бы ему пощечину (С. Р. И. О. Т. LVIII стр. 365). Императрица не стѣснялась и на засѣданіяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта высказывать свое неодобреніе поведенію того или другаго члена (Тамъ же. Т LVI, стр 27), мало того, она дѣлаетъ выговоры и замѣчанія всему собранію, гнѣвается на него, и Верховному Тайному Совѣту приходится въ свои протоколы заносить объ этомъ гнѣвѣ. Въ журналѣ 1-го февраля 1727 года записано: и того же числа вечеру оный господинъ тайный совѣтникъ призвалъ секретаря Топильскаго и докладу спросилъ вышеупоминаемаго и говорилъ, что Ея Императорское Величество изволитъ не токмо онаго докладу спрашивать, но и гнѣвается за несмотрѣніе, для чего нынѣ никакою монетою не дѣлаютъ денегъ (Т. LXIII, стр. 86). Въ журналѣ 14-го февраля мы читаемъ: тайный совѣтникъ г. Макаровъ объявилъ оберъ-секретарю Маслову, что де Ея Императорское Величество изволила увѣдомиться о указѣ о дѣлѣ монетъ, что оный въ берг-коллегію еще не посланъ, и изволитъ на то Ея Императорское Величество гнѣваться (Т LXIII, стр. 118, 119).

черкиваютъ выставленное нами выше положеніе, которое сводится къ тому, что *Верховный Тайный Совѣтъ никакой самостоятельною властью не обладалъ и ни въ какомъ смыслѣ и ни въ какомъ отношеніи не ограничивалъ и юридически самодержавной власти императрицы.*

3. Компетенція Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта впервые яснѣе проводится у насъ грань между управленіемъ верховнымъ и управленіемъ подчиненнымъ. Функціи государственной власти, относящіяся къ этимъ двумъ принципіально различнымъ областямъ, не могутъ быть сосредоточены въ одномъ и томъ-же органѣ безъ существеннаго ущерба правильному теченію государственной жизни. Если суверенный органъ своей властной волей, источникомъ закона, будетъ вмѣшиваться въ область подзаконнаго управленія, то эта область перестанетъ быть подчиненной общимъ устойчивымъ правиламъ, и въ нее будутъ силою вещей врываться частныя, измѣнчивыя, а поэтому нерѣдко случайныя и произвольныя распоряженія. И, съ другой стороны, если органы подчиненнаго управленія будутъ дѣйствовать не только въ области, урегулированной закономъ, но и раздѣлять съ суверенным органомъ сферу его свободной и творческой дѣятельности, то они не только будутъ обременены дѣлами, отвлекающими ихъ отъ ихъ ближайшихъ задачъ, но и будутъ вращаться въ области, которая привьетъ имъ склонность мнить себя стоящими выше закона.

Между тѣмъ смѣшеніемъ этихъ двухъ принципіально различныхъ функцій въ одномъ и томъ-же органѣ страдалъ именно административный строй, созданный Петромъ. Во главѣ этого строя стоялъ Сенатъ, который не только управлялъ на основаніи законовъ, но и раздѣлялъ съ Государемъ сферу его непосредственной дѣятельности. Въ немъ засѣдали и тѣ первые министры, съ которыми Петръ совѣщался о важныхъ дѣлахъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Этотъ недостатокъ должно было устранить учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ на это прямо указывается въ учредительномъ актѣ 8 февраля. „А понеже усмотрѣли мы“, сказано въ этомъ актѣ, „что Тайнымъ Дѣйствительнымъ Совѣтникамъ и кромѣ сенатскаго правленія есть не малый трудъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: 1) что они часто имѣютъ по должности своей, яко первые министры, тайные совѣты о политическихъ и другихъ важныхъ государствен-

ныхъ дѣлахъ; 2) изъ нихъ-же засѣдаютъ нѣкоторые президентами въ первыхъ коллегіяхъ, а именно: въ двухъ военныхъ, въ сухопутной, да въ морской и третьей политической, отъ чего въ первомъ и весьма нужномъ дѣлѣ въ Тайномъ Совѣтѣ немалое имъ чинится помѣшательство, да и въ Сенатѣ въ дѣлахъ остановка и продолженіе отъ того, что они за многодѣльствомъ не могутъ вскорѣ чинить резолюціи на государственныя внутреннія дѣла, того для за благо мы разсудили и повелѣли съ нынѣшняго времени при дворѣ нашемъ, какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ дѣлъ учредить Верховный Тайный Совѣтъ, при которомъ мы будемъ сами присутствовать [1].

Этимъ законодательнымъ актомъ область верховнаго управленія отдѣляется отъ области подчиненнаго управленія: первая входитъ въ компетенцію суверенаго органа, дѣйствующаго отнынѣ въ этой области при содѣйствіи совѣщательнаго учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта, вторая отводится Сенату съ подчиненными ему учрежденіями.

Въ компетенцію Верховнаго Тайнаго Совѣта входятъ, поэтому, всѣ дѣла, которыя не могутъ быть разрѣшены силою дѣйствующихъ законовъ. Къ этой области относятся прежде всего дѣла, не могущія по самой природѣ своей быть урегулированными закономъ, то-есть область внѣшней политики, [2] во-вторыхъ всѣ тѣ дѣла, которыя не предусмотрѣны закономъ. Въ должности Сената отъ 9 марта очень ясно выраженъ принципъ, по которому Сенатъ долженъ вѣдать дѣла только подзаконнаго управленія, дѣла же, на которыя нѣтъ ясныхъ указовъ, вноситъ черезъ Верховный Тайный Совѣтъ на разсмотрѣніе императрицы. „Надлежитъ Сенату“, сказано въ указѣ 9 марта, „для исправленія дѣлъ съѣзжаться... и отправлять оныя со всякимъ прилежаніемъ и ревностью по указамъ, уложенію и государственнымъ правамъ; *развъ такое дѣло случится, на которое нѣтъ ясныхъ указовъ или какое новое и весьма важное, которое собственному нашему рѣшенію подлежитъ, о такомъ доносить намъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, представляя свое мнѣніе и требовать резолюціи*“. [3] Въ „мнѣніи не въ указъ“ выраженъ тотъ же самый принципъ. Во второй половинѣ пункта 10 читаемъ: „*Въ дѣлахъ вящей важности и о чемъ уставу и опредѣленія не имѣется,*

---

[1] П. С. 33. № 4830.

[2] С Р. И. О. Т. LV стр. 94, 95.

[3] П. С. 33 № 4847 п 2.

или которыя собственному Ея Императорскаго Величества рѣшенію подлежатъ, и о которыхъ въ томъ же указѣ изображено, то имѣетъ Сенатъ изображеннымъ въ четвертомъ пунктѣ образомъ написавъ на имя Ея Императорскаго Величества со мнѣніемъ своимъ *въ Тайный Совѣтъ подавать*". [1] Верховный Тайный Совѣтъ, памятуя предѣлы своей дѣятельности, не принималъ поэтому доношеній изъ Сената, которыя входили въ сферу подчиненнаго управленія. Въ журналъ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ 6 іюля 1726 года занесено: „Ея Императорское Величество изволила приказывать, чтобъ на сенатскія доношенія, какъ скоро возможно, чинить резолюціи. На что Ея Величеству донесено, что многія доношенія состоятъ въ нѣкоторыхъ важностяхъ, которыхъ безъ всего собранія и рѣшить не можно, а которыя не такъ важныя, на тѣ резолюціи даются безъ всякаго продолженія, *между тѣмъ же доношеніями есть такія, на что имѣются точные указы, которые разсмотря отдаются имъ назадъ.* [2] А въ журналѣ 8 іюля мы читаемъ: И по разсужденіи приказали, *чтобы такихъ доношеній, на что имѣются точные указы, впредь не принимать.* [3]

Къ области непосредственной дѣятельности императрицы, а слѣдовательно, и къ вѣдѣнію Верховнаго Тайнаго Совѣта относятся далѣе: Во-первыхъ, *дѣла верховнаго финансоваго управленія*, (установленіе новыхъ податей и налоговъ, чрезвычайные расходы, неокладныя дачи и т. д.). Въ мнѣніи герцога Голштинскаго, одобреннаго Императрицей, мы читаемъ: Новыя подати или иныя какія-либо учрежденія имѣютъ быть опредѣлены въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. [4] Указъ 15 іюля 1726 г. постановляетъ: „Какъ денегъ, такъ товаровъ и другихъ вещей безъ нашего указу за собственноручнымъ нашимъ или всего Верховнаго Тайнаго Совѣта подписаніемъ, кромѣ опредѣленныхъ окладныхъ дачъ ни въ какіе чрезвычайные расходы отнюдь не отпускать. [5] Во-вторыхъ, *назначеніе высшихъ должностныхъ лицъ* (сенаторовъ, президентовъ и совѣтниковъ коллегій, губернаторовъ, вице-губернаторовъ, оберъ-комендантовъ и комендантовъ) [6]

---

[1] С. Р. И. О Т. LV стр. 95.
[2] С. Р. И. О. Т. LV 407, 408.
[3] Тамъ же. Т. LV стр. 425 ср. также т. LVI стр. 50.
[4] Тамъ же, т. LV стр. 95.
[5] П. С. ЗЗ. № 4930. Ср. также № 4945.
[6] П. С ЗЗ. № 4847. п. 5 и 6.

Въ-третьихъ *всѣ судебныя дѣла, восходившія на Высочайшее усмотрѣніе.* [1]

Какъ наши современныя совѣщательныя учрежденія, раздѣляющія сферу непосредственной дѣятельности Государя, имѣютъ право издавать въ извѣстной области распоряженія, такъ этимъ правомъ обладалъ и Верховный Тайный Совѣтъ. Отъ него исходятъ приказы, вызываемые необходимостью сношеній съ другими учрежденіями: получить или передать то или другое свѣдѣніе, тотъ или другой документъ, навести справку, сдѣлать запросъ и т. д. Кромѣ того Верховный Тайный Совѣтъ издавалъ по маловажнымъ дѣламъ распоряженія, въ которыхъ не проявляется государственнаго властвованія. Но, дѣлая такое распоряженіе, Верховный Тайный Совѣтъ считалъ нужнымъ оговариваться въ протоколѣ, что оно, въ виду его маловажности, состоялось безъ аппробаціи императрицы. Въ журналѣ 11 марта 1726 г. мы читаемъ: „Свѣтлѣйшій князь предлагалъ о письмѣ къ нему тайнаго совѣтника графа Мусина-Пушкина, что требуетъ указу, по прибытіи въ Москву грузинской царицы, встрѣчу чинить ли и какую, и караулъ, и прочее содержать ли, и притомъ представляетъ, какимъ образомъ то чинено, по прибытіи царевѣ въ Москву. Повелѣно послать къ нему указъ, чтобъ чинилъ по тому прежнему примѣру, и о томъ записать въ протоколъ, который тогда же написанъ и отъ всѣхъ закрѣпленъ, *а для аппробаціи Ея Императорскому Величеству разсуждали, что о такомъ маломъ дѣлѣ докладывать не для чего.* [2]

ГЛАВА III.

Формы указной дѣятельности въ царствованіе Екатерины I.

Учредительные акты, вызвавшіе къ жизни Верховный Тайный Совѣтъ, очертивъ компетенцію этого учрежденія, не только опредѣлили точнѣе предѣлы непосредственной дѣятельности государыни, какъ суверенаго органа, но и установили закономъ предусмотрѣнныя формы этой дѣятельности.

---

[1] II. 12 мнѣнія герцога Голштинскаго аппробованъ императрицей: подавали аппелляціи на Сенатъ или первѣйшихъ коллегій „разсужденія проходятъ къ императрицѣ черезъ Верховный Тайный Совѣтъ къ вящему разсмотрѣнію и разсужденію“ (LV 95). По указу 8 октября 1726. „Которые колодники осуждены будутъ къ смертной казни о тѣхъ, не чиня экзекуціи, подавать о винахъ для доклада намъ въ Нашъ Верховный Тайный Совѣтъ краткіе экстракты“ (№ 4964).

[2] С. Р. И. О. Т. LV, стр. 85.

До учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта императрица издавала указы по совѣщаніи съ тою или другою сильною персоной, смотря по тому, кто въ данное время стоялъ къ ней ближе и пользовался особеннымъ ея довѣріемъ. Съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта эти порядки въ области верховнаго управленія должны были прекратиться: повелѣнія, объявляемыя тою или другою сильною персоной, должны были уступить мѣсто повелѣніямъ суверепнаго органа, выражавшаго свою волю по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ не иначе, какъ по выслушаніи мнѣнія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Этотъ важный принципъ, по которому публичный путь долженъ былъ разъ навсегда пресѣчь путь партикулярный, какъ нельзя яснѣе выраженъ въ указѣ 1 января 1727 года. „Повелѣваемъ", читаемъ мы въ этомъ указѣ, „чтобъ никто никакія дѣла до нашего рѣшенія и до разсужденія сего нашего Верховнаго Совѣта принадлежащія собою и партикулярно отнюдь не отправлялъ, но обо всемъ напередъ въ ономъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ предлагалъ, дабы съ зрѣлаго разсужденія и общаго совѣта обо всемъ опредѣленіе учинено быть могло, развѣ отъ насъ кому партикулярно и особливо что учинить повелѣно будетъ... И понеже наше всемилостивѣйшее соизволеніе есть, дабы обо всѣхъ дѣлахъ, до нашихъ и государства нашего интересовъ касающихся, напередъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ для общаго зрѣлаго разсужденія предложено было, того ради и мы впредь никакихъ такихъ партикулярныхъ доношеній о дѣлахъ, о которыхъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ предложено и общее мнѣніе записано не было, ни отъ кого принимать не будемъ, развѣ кто имѣетъ доносить о такихъ дѣлахъ, которыя никому иному, кромѣ намъ самимъ, повѣрены быть не могутъ" [1]. Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта указы, объявляемые отдѣльными персонами, упраздняются и допускаются по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ только два вида указовъ: 1) указы именные, въ собственномъ смыслѣ; 2) указы, объявляемые изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Единственнымъ формальнымъ условіемъ для первыхъ была собственноручная подпись императрицы. Что же касается до формы, установленной для вторыхъ, то она была болѣе сложная, и мы должны привести здѣсь узаконенія, точнѣе опрдѣлившія ее.

4 пунктъ указа 8 февраля требуетъ, чтобы указы, состоявшіеся

[1] Исторія Россіи Соловьева Т. XVIII, изд. 1875 г., стр. 294—296

на основаніи протоколовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, *отправлялись за подписью Д. С. С. Степанова* [1]. То же постановленіе мы встрѣчаемъ и въ мнѣніи не въ указъ, которое опредѣляетъ также, чтобы *указы крѣпились Д. С. С. Степановымъ* [2]. Указъ 28 марта 1726 года постановляетъ: „И которые не будутъ за собственною нашею рукою и въ тѣхъ по датумѣ будетъ писано: по нашему указу. А къ тѣмъ указамъ подписывать по прежнему опредѣленію Д. С. С. Степанову [3]. Подпись Степанова удостовѣряла, что данный указъ изданъ съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, требуемыхъ закономъ для указовъ, объявляемыхъ изъ Верховнаго Таинаго Совѣта, другими словами, она удостовѣряла, что данный указъ составленъ съ протокола, подписаннаго членами Верховнаго Тайнаго совѣта и апробованнаго императрицей.

Несмотря, однако, на эти важныя и ясныя постановленія, отдѣльныя сильныя персоны продолжали объявлять словесныя повелѣнія государыни лишь за своею подписью. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, донесеніе Сената императрицѣ отъ 29-го апрѣля 1726 г. Въ этомъ донесеніи мы читаемъ: „А марта 28 дня сего 1726 г. въ указѣ Вашего Величества объявлено: которые указы изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта не будутъ за подписаніемъ собственной Вашего Величества, руки, въ тѣхъ по датумѣ будетъ писано Вашего Величества по указу. А до того и по состояніи того указу въ Сенатѣ объявляются Вашего Императорскаго Величества именные *многіе указы отъ разныхъ персонъ, по которымъ исполненіе чинится, утверждаясь подписью руки того, отъ кого тѣ указы объявляются*. Впредь по такимъ объявленнымъ отъ разныхъ персонъ указамъ въ Сенатѣ исполнять-ли? или исполнять только по тѣмъ указамъ, которые присланы будутъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ о томъ въ указѣ Вашего Императорскаго Величества марта 28 дня изображено“ [4]. Кто же были эти персоны, объявлявшія Высочайшія повелѣнія помимо Верховнаго Тайнаго Совѣта? На этотъ вопросъ намъ отвѣчаетъ Лефортъ, который лѣтомъ 1726 года, пишетъ: *Князь* (Меньшиковъ) *то и дѣло отъ имени царицы разсылаетъ указъ за указомъ, о которыхъ она и не знаетъ* [5]. То же самое

[1] П. С. 33. № 8430.
[2] С. Р. И. О., т. LV, стр. 94, 97.
[3] П. С. 33. № 4862.
[4] С. Р. И. О., т. LVI, стр. 15.
[5] Тамъ-же, т. III, стр. 448.

подтверждаетъ и Мардефельдъ. „Достовѣрно“, пишетъ онъ, „что князь поддался своему высокомѣрію и злоупотребляетъ милостію, которою онъ пользуется до такой степени, что онъ завелъ такіе порядки въ гражданскомъ и военномъ вѣдомствахъ и началъ уже приводить ихъ въ исполненіе, которые сдѣлали бы его дѣйствительнымъ правителемъ, а царицѣ оставили одно имя Это дошло, наконецъ, до того, что онъ овладѣлъ всѣми дѣлами, касающимися Высочайшихъ помилованій, и отправлялъ по денежнымъ и другимъ важнымъ дѣламъ въ коллегіи *приказы, мимо имъ самимъ подписанные* [1]. И вотъ, когда Меньшиковъ лѣтомъ 1726 года уѣзжаетъ въ Курляндію, Верховный Тайный Совѣтъ пользуется его отсутствіемъ, чтобы предложить императрицѣ указъ, который бы положилъ конецъ злоупотребленіямъ ея именемъ со стороны князя Меньшикова, а, можетъ быть, и другихъ сильныхъ персонъ. Въ августѣ этого года Верховный Тайный Совѣтъ вспоминаетъ о донесеніи Сената, поданномъ еще въ апрѣлѣ и представляетъ императрицѣ: „Не соизволитъ-ли Ея Величество впредь, ежели о какихъ дѣлахъ повелѣніе Ея Величества кому будетъ, а касаться то будетъ до Сената или до коллегіи, чтобы о томъ тѣ люди прежде объявляли въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, откуду о томъ указы посыланы будутъ, а мимо Верховнаго Тайнаго Совѣта въ Сенатѣ и въ коллегіяхъ словесныхъ Ея Величества указовъ не объявляли-бы“ [2]? Императрица соглашается съ этимъ представленіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и издаетъ указъ 4-го августа, который въ виду его важности, мы приводимъ здѣсь цѣликомъ: „Понеже вѣдомо намъ учинилось, что какъ въ Сенатѣ, такъ и въ коллегіяхъ и въ канцеляріяхъ объявляютъ нѣкоторые какъ письменно, такъ и словесно нашими именными указами о важныхъ дѣлахъ, напримѣръ, о выдачѣ денегъ и проч. тому подобныхъ, того для нынѣ повелѣваемъ: ежели кто будетъ писать или словесно объявлять нашимъ именнымъ указомъ о выдачѣ сверху штату денегъ и прочее тому подобное, что регламентамъ и правамъ противно, и что вновь постановить и опредѣлить или чрезъ регламентъ и указы чинами перемѣнять и такимъ объявленіямъ словеснымъ или письменнымъ безъ подписанія нашея собственныя руки или всего нашего Верховнаго Тайнаго Совѣта отнюдь не вѣрить. А какіе именные указы и чрезъ кого въ Сенатѣ или

[1] Тамъ же т. XV стр. 321, 329

[2] Тамъ-же, т. LVI, стр. 16

въ которой коллегіи или канцеляріи прежде были объявлены, о тѣхъ прислать въ нашъ Верховный Тайный Совѣтъ и кабинетъ рапорты безъ всякаго замедленія“ [1].

Этотъ указъ ничего не говоритъ о формѣ указовъ, объявляемыхъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Эта форма, очевидно, оставалась прежняя, то-есть, эти указы, изготовляемые по протоколамъ, подписанными членами Верховнаго Тайнаго Совѣта и апробованными Императрицей, контрасигновались д. с. с. Степановымъ. Указъ этотъ былъ направленъ никакъ не противъ формы указовъ, объявляемыхъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ думаетъ г. Филипповъ, а по настоянію Верховнаго Тайнаго Совѣта былъ изданъ для предупрежденія словесныхъ повелѣній, объявляемыхъ отдѣльными персонами за ихъ подписью. Онъ запрещалъ этимъ персонамъ издавать подобныя повелѣнія именемъ государыни и подтверждалъ только болѣе точно и опредѣленно постановленіе указа 28 марта, въ силу котораго допускались именные указы только въ письменной формѣ или въ формѣ непосредственнаго повелѣнія государыни, ею собственноручно подписаннаго, или въ формѣ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Верховнаго Тайнаго Совѣта, закрѣпленнаго подписью д. с. с. Степанова.

Въ это же время, въ отсутствіе Меньшикова былъ изданъ и другой указъ, также направленный противъ повелѣній, объявляемыхъ отдѣльными персонами. Это указъ 15 іюля, въ которомъ говорится: „Отъ сего времени какъ денегъ, такъ и товара и другихъ вещей безъ нашего указа за собственноручнымъ нашимъ или всего Верховнаго Тайнаго Совѣта подписаніемъ кромѣ опредѣленныхъ окладныхъ дачъ, ни на какіе чрезвычайные расходы отнюдь не отпускать“ [2].

Современники смотрятъ на эти два указа (4 августа и 15 іюля), какъ на мѣры, прямо направленыя противъ Меньшикова. Въ письмѣ отъ 3 августа Кампредонъ пишетъ: „Въ отсутствіе князя Меньшикова здѣсь изданъ указъ, дѣлающій президента финансъ-коллегіи и казначеевъ, завѣдующихъ казенными кассами, отвѣтственными за суммы, выданныя безъ приказа за подписью членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта“ [3]. А 14 сентября онъ подтверждаетъ это извѣстіе, говоря: „Едва послѣдній

---

[1] П. С. 33. № 4945.
[2] П. С. 33. № 4930.
[3] С. Р. И. О. т. LXIV стр. 388.

(то-есть, Меньшиковъ) выѣхалъ изъ Петербурга, какъ Верховный Тайный Совѣтъ издалъ тотъ указъ на счетъ финансовъ, о которомъ я уже говорилъ вамъ, вслѣдъ затѣмъ другой, отмѣняющій недавнее распоряженіе Меньшикова по военному вѣдомству, коимъ онъ присвоилъ одному себѣ право назначенія и производства офицеровъ“ [1]. „Недѣлю тому назадъ“, пишетъ Лефортъ 5 ноября, „Верховный Тайный Совѣтъ снова послалъ приказаніе въ Сенатъ и въ коллегіи возвратить имъ обратно всѣ приказы, посланные отъ имени царицы и вмѣстѣ съ тѣмъ строго запретилъ принимать отъ кого-бы то ни было приказы, вышедшіе какъ-будто отъ царицы не иначе, какъ съ подписью ея самой или Совѣта. Утверждаютъ, что Меньшиковъ будетъ принужденъ отдать отчетъ во многихъ вещахъ, имъ присвоенныхъ“ [2]. А Мардефельдъ отъ 7 сентября сообщаетъ: „Князь (Меньшиковъ) приложилъ большія старанія, чтобы помѣшать Высочайшему повелѣнію, о которомъ я всеподданнѣйше доносилъ В. В. Не смотря на это, опубликовали его на дняхъ и обрѣзали, слѣдовательно, его авторитетъ въ коллегіи. Это разрушаетъ весь его планъ, отъ того онъ пришелъ въ ярость, и слѣдуетъ опасаться, чтобы онъ въ первомъ гнѣвѣ не рѣшился на поступокъ, о которомъ послѣ станетъ жалѣть [3].

ГЛАВА IV.

Дѣлопроизводство Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Какъ воззрѣніе на возникновеніе В. Т. Совѣта, сложившагося будто-бы подъ давленіемъ политическихъ стремленій боярства, опредѣлило взглядъ нашихъ изслѣдователей на отношеніе этого учрежденія къ верховной власти, такъ это воззрѣніе повліяло и на тѣ страницы ихъ изслѣдованій, на которыхъ они говорятъ объ организаціи этого учрежденія и о внѣшнихъ формахъ его дѣятельности.

Это особенно ярко выступаетъ въ книгѣ г. Филиппова, который прямо говоритъ, что В. Т. совѣтъ, будучи учрежденіемъ политическимъ, мало нуждался въ строгой внѣшней организаціи [4]. А въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще рѣзче, утверждая, что

---

[1] Тамъ же т. LXIV стр. 410.
[2] Тамъ же т. III стр. 453.
[3] Тамъ же т. XV стр 323, 324
[4] Стр. 34.

Совѣтъ, какъ учрежденіе не юридическаго характера, въ своемъ стремленіи къ самовластію склоненъ былъ придавать мало значенія подобнымъ ограниченіямъ своихъ дѣйствій и легко нарушалъ ихъ [1]. Къ сожалѣнію, однако, г. Филипповъ недостаточно ознакомился съ этими формальными ограниченіями [2]. Повѣряя его изображеніе дѣлопроизводства В. Т. Совѣта по изданнымъ документамъ, мы приходимъ къ выводу, что обвиненіе В. Т. Совѣта въ нарушеніи тѣхъ или другихъ правилъ въ большинствѣ случаевъ объясняется недостаточнымъ знакомствомъ съ формами дѣятельности В. Т. Совѣта, какъ онѣ засвидѣтельствованы его протоколами и журналами [3].

---

[1] Стр. 187, 188.

[2] Наиболѣе существенныя неточности г. Филиппова по этому вопросу можно свести къ одному главному недосмотру: онъ не умѣетъ отличить протокола отъ указа, а между тѣмъ на этомъ различеніи построено все дѣлопроизводство Верховнаго Тайнаго Совѣта, такъ какъ въ этихъ формахъ, строго различавшихся, проявлялась, какъ покажетъ послѣдующее изложеніе, вся дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта. Смѣшеніе г. Филипповымъ протокола съ указомъ вытекаетъ изъ слѣдующихъ его ссылокъ: 1) въ подтвержденіе того, что протоколы иногда посылались для подписи членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта на домъ, г. Филипповъ ссылается на 25 стр. LV т., на которой говорится однако не о протоколѣ, а объ указѣ. (И вышеупомянутый *указъ* въ Сенатъ противъ того слово въ слово написанъ, которыя всѣ опредѣленныя въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ особы подписали и которыя не присутствовали, тѣ на дворахъ подписали) 2) Въ доказательство того, что протоколы подписывались иногда въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій г. Филипповъ ссылается, между прочимъ, на 267 стр. т. LVI, на которой говорится опять не объ протоколѣ, а объ указѣ (свѣтлѣйшему князю объявленъ написанный указъ, о которомъ разсужденно въ прошедшее собраніе... который *указъ* его свѣтлость выслушавъ закрѣпили, а къ прочимъ для закрѣпы послано въ домы, секретарь Иванъ Топильскій). Въ подтвержденіе того, что члены отказывались иногда подписывать протоколы, состоявшіяся на засѣданіи, на которомъ они не присутствовали, г. Филипповъ ссылается на стр. 268 т. LVI, на которой опять говорится не о протоколѣ, а объ указѣ (секретарь Топильскій объявилъ, что онъ для закрѣпы того указа былъ у его Королевскаго Высочества, да у дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Толстаго, которые того указа закрѣпить не изволили, а объявили его Королевское Высочество, что когда о томъ указѣ разсуждено было, тогда де въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ въ присутствіи не было). 3) Что г. Филипповъ отождествляетъ протоколы съ указами и какъ-будто даже и не подозрѣваетъ, что между ними можетъ существовать какое-нибудь различіе, всего ярче выступаютъ въ томъ мѣстѣ его изслѣдованія (стр. 43, 44), гдѣ онъ констатируетъ грубое, будто-бы, нарушеніе Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ установленныхъ законами правилъ, состоявшее, по его словамъ, въ томъ, что указы, которые должны были подписываться всѣми членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, подписываются лишь присутствующими; и въ подтвержденіе этого своего утвержденія приводитъ цѣлый рядъ страницъ изъ Сборника Дубровина (Т. LVI, 82, 92, 126, 131 и др. LXIII стр. 33, 56, 99 и иног. друг.). Раскрывая же эти страницы мы не находимъ на *нихъ ни одного указа*. Очевидно, что для почтеннаго профессора протоколъ или указъ—одно и то же, и что тамъ, гдѣ передъ нимъ протоколъ, онъ считаетъ возможнымъ говорить объ указѣ, и наоборотъ.

[3] Г. Филипповъ обвиняетъ Верховный Тайный Совѣтъ не только въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ, но хочетъ изобличить его и въ безнравствен-

Разсмотрѣніе г. Филипповымъ порядка вступленія, обсужденія и рѣшенія дѣлъ въ В. Т. Совѣтѣ приводитъ его къ выводу, что члены этого учрежденія дѣйствовали не какъ въ особомъ коллегіумѣ, а довольно раздѣльно. Дѣла въ Совѣтѣ, по его утвержденію, распредѣлялись по вѣдомствамъ отдѣльныхъ министровъ, съ предоставленіемъ каждому изъ нихъ рѣшающаго голоса по дѣламъ ихъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Въ такомъ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ въ В. Т. Совѣтѣ г. Филипповъ усматриваетъ тенденцію къ личному управленію.

Если каждый членъ В. Т. Совѣта завѣдывалъ своею частью, то вполнѣ естественно, что авторъ разсматриваетъ, прежде всего, дѣятельность каждаго члена въ отдѣльности и пытается установить степень его участія въ дѣлахъ Совѣта. Меньшиковъ, по словамъ г. Филиппова, занималъ особое мѣсто среди членовъ Совѣта. Онъ не удовлетворялся своимъ аппартаментомъ, а дѣйствовалъ прямо на Екатерину I, почему и довольно рѣдко присутствовалъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Головкинъ и Остерманъ завѣдывали внѣшними дѣлами: поэтому и въ засѣданіяхъ Верховнаго Тайнаго

ныхъ поступкахъ. Примѣромъ такихъ безнравственныхъ поступковъ долженъ служить случай, разсказанный г. Филипповымъ на стр. 186 его изслѣдованія; случай этотъ заключается будто-бы въ томъ, что Верховный Тайный Совѣтъ намѣренно въ интересахъ своего политическаго верховенства исказилъ именной указъ императрицы 4 августа, собственноручно ею подписанный, другими словами—совершилъ подлогъ. Въ этомъ указѣ было сказано, что не должно вѣрить объявленіямъ словеснымъ или письменнымъ „безъ подписанія нашея собственныя руки или *всего* Верховнаго Тайнаго Совѣта". Это слово „всего" не понравилось, будто-бы, членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. „Совѣтъ, находя для себя болѣе удобнымъ, чтобы его указы подписывались лишь присутствующими, а не всѣми членами", разослалъ указъ 4 августа безъ слова „всего" и только, когда объ этомъ дошло до свѣдѣнія императрицы (можетъ быть, вслѣдствіе указаннаго возраженія Сената) указъ возстановлялся въ его первоначальномъ видѣ—случай, рѣзко характеризующій самовластіе Совѣта." Это обвиненіе г. Филипповымъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ неблаговидномъ поступкѣ построено прежде всего на невѣрномъ пониманіи смысла указа 4-го августа. Указъ этотъ, какъ мы показали выше, изданный въ отсутствіе Меньшикова, вовсе не былъ направленъ противъ формы указовъ, объявляемыхъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а противъ словесныхъ повелѣній, объявляемыхъ отдѣльными сильными персонами и главнымъ образомъ противъ повелѣній, объявляемыхъ отъ имени императрицы Меньшиковымъ. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, поспѣшившіе воспользоваться отсутствіемъ Меньшикова, чтобы провести этотъ направленный противъ него указъ, не только не имѣли никакого интереса пропускать слово „всего", а напротивъ, могли только сочувствовать редакціи указа, въ которой это слово заключалось: это слово „всего" подчеркивало ту тенденцію указа, которой всего болѣе дорожили оставшіеся въ Петербургѣ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта и которая своимъ остріемъ была направлена противъ Меньшикова. Обвиненіе г. Филипповымъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ искаженіи текста указа 4 августа противорѣчитъ и ходу событій, засвидѣтельствованному журналами и протоколами. Указъ 4 августа, кото-

Совѣта по иностраннымъ дѣламъ обычно участвовали либо оба они, либо одинъ изъ нихъ. Дѣла морскаго вѣдомства находились въ управленіи адмирала Апраксина, почему онъ почти всегда присутствовалъ, а нерѣдко дѣлалъ и доклады по адмиралтейской коллегіи; надо, впрочемъ, замѣтить, продолжаетъ г. Филипповъ, что Апраксинъ былъ вообще однимъ изъ самыхъ усердныхъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, участвуя наравнѣ съ Головкинымъ и княземъ Голицынымъ почти постоянно въ засѣданіяхъ его.

Эти утвержденія г. Филиппова страдаютъ неточностью. Невѣрно, будто Меньшиковъ довольно рѣдко присутствовалъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ: онъ посѣщалъ его засѣданія чаще Остермана, герцога Голштинскаго и Апраксина. Невѣрно далѣе, что послѣдній почти постоянно присутствовалъ на засѣданіяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта: совершенно наоборотъ, онъ въ царствованіе Екатерины пропустилъ болѣе засѣданій, чѣмъ кто-либо изъ другихъ членовъ Совѣта. Изъ 157 засѣданій, состоявшихся въ царствованіе Екатерины, Головкинъ посѣтилъ 138 засѣданій, Толстой—122, князь Голицынъ—111, Меньшиковъ—104, Остерманъ—79, герцогъ Голштинскій—76, Апраксинъ же

рый является не указомъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а указомъ Верховному Тайному Совѣту, былъ полученъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ 5 августа съ предписаніемъ послать въ него указы въ Сенатъ, въ Синодъ и въ первыя три коллегіи (см. протоколъ 5 августа, стр. 17 т. LVI). Но послѣ того, какъ императрица сдѣлала это распоряженіе, она почему-то приказываетъ взять его обратно изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и вернуть его ей въ Петергофъ. (Представленъ имъ Ея Императ. Велич. указъ, выданный въ 4 день августа за собственною Ея Императорскаго Величества рукою, *который бранъ былъ въ Петергофѣ*, стр. 85 т. LVI). Въ виду этого 13 августа Верховный Тайный Совѣтъ, который успѣлъ уже послать указъ въ Сенатъ, дѣлаетъ распоряженіе, чтобы остановить публикацію указа, взятаго императрицей обратно. (т. LVI, стр. 36, 37). Только черезъ мѣсяцъ, а именно 16 сентября императрица взятый ею обратно указъ возвращаетъ черезъ своего кабинетъ-секретаря Макарова въ Верховный Тайный Совѣтъ въ исправленномъ видѣ („и показано, что въ ономъ учинена только добавка всего Верховнаго Тайнаго Совѣта, а въ посланныхъ тогда указахъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта того слова „всего“ не было писано“); Верховный Тайный Совѣтъ, усмотрѣвъ эту добавку, сдѣланную императрицей, рѣшаетъ взять тѣ указы, которые были разосланы имъ до 13 августа обратно и „слово прибавочное приправить и паки отдать“ (LVI стр. 85). Очевидно, такимъ образомъ, что указъ 4 августа Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ никогда не искажался, что въ первоначальномъ текстѣ слова „всего“ не было и что это слово было вставлено императрицей въ Петергофѣ. Нельзя поэтому не пожалѣть о той поспѣшности, съ которою г. Филипповъ дѣлаетъ свои выводы и о той опрометчивости, къ которою онъ группируетъ отрывочныя выписки изъ документовъ и, не беря на себя труда серіозно вдуматься въ нихъ, пользуется ими, чтобы обвинить цѣлое учрежденіе въ безнравственныхъ поступкахъ и очернить его въ глазахъ потомства.

всего 64. Невѣрно также, будто дѣла морскаго вѣдомства находились въ исключительномъ вѣдѣніи Апраксина и не обсуждались безъ него. На засѣданіяхъ 8 іюня, 6 іюля, 9 сентября, 16 сентября, 23 сентября, 5 октября, 21 октября, 31 октября обсуждались дѣла морскаго вѣдомства, а между тѣмъ на этихъ засѣданіяхъ Апраксинъ не присутствовалъ. Но если бы журналы Верховнаго Тайнаго Совѣта и засвидѣтельствовали, что Апраксинъ присутствовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ, на которыхъ обсуждались дѣла морскаго вѣдомства, а Головкинъ и Остерманъ на всѣхъ засѣданіяхъ, на которыхъ обсуждались иностранныя дѣла, то этимъ вовсе не было бы доказано, что хочетъ доказать г. Филипповъ, а именно, что члены Верховнаго Тайнаго Совѣта въ предѣлахъ своего управленія дѣйствовали не какъ въ особомъ коллегіумѣ, а раздѣльно. Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ не было засѣданій, посвященныхъ тому или другому роду дѣлъ, а на каждомъ засѣданіи обсуждались всѣ дѣла, стоявшія на очереди, къ какому-бы вѣдомству они не относились, и на всѣхъ засѣданіяхъ должны были присутствовать всѣ. Если, поэтому, одинъ министръ не присутствовалъ на одномъ засѣданіи, а на другомъ присутствовалъ, то вовсе не потому, что на первомъ не должны были обсуждаться дѣла его вѣдомства, а на другомъ они стояли на-очереди, а по другимъ причинамъ, не имѣвшимъ никакого отношенія къ предстоявшимъ на этихъ засѣданіяхъ совѣщаніямъ. Г. Филипповъ подтверждаетъ свое мнѣніе далѣе тѣмъ, что въ дѣлахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта мы постоянно находимъ донесенія отдѣльныхъ членовъ по тѣмъ вопросамъ, которые находились въ ихъ завѣдываніи. На самомъ же дѣлѣ мы не только не встрѣчаемъ ихъ постоянно, но они, наоборотъ, представляютъ исключеніе, какъ и покажетъ наше послѣдующее изложеніе, въ которомъ мы разсмотримъ порядокъ вступленія и обсужденія дѣлъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.

I. Дѣла вступали въ Верховный Тайный Совѣтъ, во-первыхъ, по непосредственному повелѣнію императрицы.

Она или предписывала Верховному Тайному Совѣту отъ Ея имени сдѣлать то или другое распоряженіе, другими словами, изготовить указъ въ формѣ именнаго, объявленнаго изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, [1] или же она предписывала разсмо-

[1] Въ такомъ случаѣ не происходило никакого обсужденія въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, который только принималъ распоряженія императрицы къ свѣдѣнію и исполненію. Эти предписанія могли касаться самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Приведемъ примѣры. „Опъ же (Макаровъ)

трѣть то или другое дѣло и сама, не предрѣшая его, повелѣвала имѣть о немъ разсужденіе и учинить резолюцію, [1] или же

объявилъ, что Ея Императорское Величество вчерашняго числа соизволила пожаловать кн. Александра Петровича сына Долгорукого, который отправляется въ Швецію при чрезвычайномъ и полномочномъ послѣ князѣ Василіѣ Долгоруковѣ въ гоф-юнкеры и *чтобъ о томъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ въ протоколъ записать*“ (LVI, 62). Съ нимъ же, Жеребцовымъ, его свѣтлость прислалъ челобитную Василья Павлова, объ отставкѣ его отъ службы и отъ дѣлъ и объ отпускѣ въ деревни его, по которой де челобитной его свѣтлость докладывалъ Е. И. В. и Е. В. его Павлова, *отпустить указала*. Вслѣдствіе этого указа былъ тутъ же составленъ соотвѣтствующій протоколъ (LVI, 98), „1726 г. въ 10 день господинъ канцлеръ графъ Головкинъ призывалъ къ себѣ д. с. с. В. Степанова и объявилъ, что былъ онъ вчерашняго числа у Е. И. В. въ домѣ и *Е. И. В. указала* митрополита грузинскаго по его прошенію въ Москву отпустить и дать ему подводы. *И изволила* повелѣть, чтобы о всѣхъ духовныхъ грузинцахъ о содержаніи ихъ какое опредѣленіе учинить, дабы они были довольны“ (LVI, 265). Во время того въ собраніи приходилъ т. с. г. Макаровъ и объявилъ, что *Е. И. В. указала* его свѣтлости герцога Мекленбургскаго тайному регирунсъ-рату Ивану Остерману давать на годовое его содержаніе по десяти рублевъ на день и приказано о семъ записать особливый протоколъ въ коллегіи (LXIII, 298). Онъ же, т. с. г. Макаровъ *объявилъ Е. И. В. указъ о бытіи* въ первой коммиссіи, которая имѣетъ разсматривать о арміи и флотѣ членами такихъ-то (LXIII, 300). Во время того же собранія былъ тайный кабинетъ-секретарь Алексѣй Макаровъ и объявилъ, что *Е. И. В. указала* съ д. т. с. кн. В. Долгорукимъ отпустить въ Швецію камеръ-пажа Григорья Петрова Соловова и дать ему для сей посылки противъ другихъ *пять сотъ руб. О чемъ въ то же собраніе записанъ протоколъ* (LVI, 55, 56). На засѣданіи 18 апрѣля свѣтлѣйшій князь объявилъ, что Е. И. В. указала лифляндскіе всѣ доходы... вѣдать въ дворцовой канцеляріи (LV, 212). а 18 апрѣля былъ изданъ именной объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Сенату о вѣдомствѣ Лифляндскихъ, таможенныхъ сборовъ и доходовъ дворцовыхъ въ дворцовой канцеляріи (П. С. 33, 4869). Ср. также указъ Верховному Тайному Совѣту, т. LXIII, стр. 120, 121.

[1] И въ началѣ приходилъ... тайный кабинетъ-секретарь Алексѣй Макаровъ и объявилъ указомъ Е. И. В., что Е. И. В. изволила слушать полученныя нынѣ изъ Астрахани.. доношенія, въ которыхъ писано, что турки въ Персіи гораздо усиляются и оные тамо приближаются весьма къ провинціямъ россійскимъ и для того Е. И. В. *повелѣла о томъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсужденіе имѣть* (LV, 221). И помянутый тайный кабинетъ-секретарь при отданіи онаго письма объявилъ, что Е. И. В. на отпускъ вышеозначенныхъ персіянъ къ Царю Вахтангу изволитъ имѣть склонность, однакожъ *повелѣла о томъ имѣть разсужденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и потомъ о мнѣніи онаго Е. И. В.* донести (LV, 341). О Семеновомъ на Синодъ доношеніе... Е. И. В. указала, то доношеніе въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ выслушать (LV, 214). Пришелъ Макаровъ и объявилъ челобитную, поданную Е. И. В. архіереемъ Казанскимъ Сильвестромъ, которую Е. В. *указала въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ объявить и резолюцію по оной учинить* (LXIII, 195) Е. И. В. указать о дѣлѣ противъ тѣхъ пробъ новыхъ монетъ *имѣть Верховному Тайному Совѣту разсужденіе*, по которому Е. И. В. указу присутствующія Верховнаго Тайнаго Совѣта особы о томъ разсуждали и положили... однако жъ для точнаго указу доложить о томъ Е. И. В. (LV, 297). И при томъ собраніи свѣтлѣйшій князь объявилъ, что Е. И. В. изволила повелѣть о учиненіи Верховнаго Тайнаго Совѣта мнѣніи, что разсуждено о свободѣ у города Архангельскаго по прежнему торгу и о тарифѣ, какимъ бы образомъ учинить противъ нынѣшняго облегченіе и, сочиня то мнѣніе, подать въ кабинетъ Е. И. В. (LVI, 311).

она вносила въ Верховный Тайный Совѣтъ готовый законодательный проектъ и предписывала Верховному Тайному Совѣту его обсудить и высказать о немъ свое мнѣніе [1].

II. *Дѣла, во-вторыхъ, вступали въ Верховный Тайный Совѣтъ вслѣдствіе доношеній различныхъ учрежденій*, а именно: Сунода [2], Сената, Коллегіи иностранныхъ дѣлъ [3], Военной Коллегіи [4], Адмиралтействъ-Коллегіи [5], Бергъ-Коллегіи [6], Камеръ-Коллегіи [7], Вотчинной Коллегіи [8], Штатсъ-Конторы [9], Медицинской Канцеляріи [10], Коммиссіи о Коммерціи [11], Малороссійской Коллегіи [12].

Рѣдкое засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, посвященное текущимъ административнымъ дѣламъ, обходилось безъ слушанія сенатскихъ доношеній [13]. Они вносились обыкновенно самими

---

[1] Такъ проектъ знаменитаго всемилостивѣйшаго указа о всенародномъ облегченіи, представляющій самый выдающійся законодательный актъ въ царствованіе Екатерины, былъ внесенъ Ею въ Верховный Тайный Совѣтъ 11 января 1727 г. Въ журналѣ засѣданія этого дня мы читаемъ: Въ началѣ пришедъ въ Верховный Тайный Совѣтъ тайный совѣтникъ Макаровъ объявилъ Е. И. В. указъ за подписаніемъ собственныя Е. В. высокія руки учиненной въ 12 пунктахъ... Оной же тайный совѣтникъ Макаровъ указомъ Е И. В. Верховному Тайному Совѣту, тогда присутствующимъ особамъ объявилъ, что Е. В. указала для исполненія по вышереченному указу, который сего числа слушанъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, имѣть присутствіе дней хотя десять, пока по тому указу дѣйствительное исправленіе начнется (LXIII, 22—24).

[2] Т. LVI, 33, 101—103, 274, 283 - 285, 414—415.

[3] Т. LV, стр. 392, LVI, 170, 245, 523, LXIII, 90, 257, 386.

[4] Подлинныя доношенія военной коллегіи помѣщены въ Сборникѣ Дубровина, между прочимъ въ т. LV на стр. 244—245, 349, 380, 486—487, въ т. LVI, на стр. 94—96, 121—123, 286—288, 293—295, 330—331, 386—387, 453—455, 458—459, 468—470, 540 въ т. LXIII на стр. 168, 169, 369—370, 408. Подаются эти доношенія въ Верховный Тайный Совѣтъ лично членами военной коллегіи (LVI, 432, 528, 452, т. LXIII, 7).

[5] Дѣла морскаго вѣдомства обсуждались въ большинствѣ случаевъ по доношеніямъ адмиралтейской коллегіи. Подлинныя доношенія помѣщены въ Сборникѣ Дубровина между прочимъ LV, 263, LVI, 176—178, 315—316, 358 — 359, 385, 460 — 461, 549—550, 552—554, 571—572, 596 - 597. LXIII, 19—21, 46—47, 199—202, 204, 404—405, 410—411, 420 - 421, 421). Они обыкновенно вносились лично членами адмиралтейской коллегіи князем Голицынымъ (LV, 404), Шереметевымъ (LVI, 81), Змаевичемъ (LVI, 350, 452, 528), Козловымъ (LVI, 99). Синявинымъ (LVI, 350),

[6] Т. LVI, стр. 431, 528, 532—533, LXIII стр. 6, 222—224

[7] Т. LVI, стр 404—408, 427, 442—445, 572—575.

[8] Т. LXIII, стр. 304—356.

[9] Т. LVI, стр 36.

[10] Т. LXIII, стр. 390.

[11] Т. LXIII, стр. 442.

[12] Т. LVI, стр. 110, Т. LXIII, стр. 484.

[13] Въ Сборникѣ Дубровина ихъ напечатано большое количество (т. LV на стр. 281—283, 286, 287—288, 323—324, 325—3 9, 330, 335—337, 381—383, 396, 413—414, 419—421, 431, 432 433—435, 436—437, 438—439, 440, 442—746, 449—451, 452—45-, 454—456, въ т. LVI на стр. 5 - 6, 15, 90—91, 109, 123—124, 125—126, 127, 128, 129—130, 131—133, 134, 135—145,

сенаторами [1]. При подачѣ сенаторами доношеній долженъ былъ состоять оберъ-секретарь Сената, который и передавалъ доношенія оберъ-секретарю Верховнаго Тайнаго Совѣта. Послѣдній былъ обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ Верховный Тайный Совѣтъ вносились только такія дѣла, которыя входили въ его компетенцію, другими словами, такія, которыя не могли быть разрѣшены силой дѣйствующихъ законовъ или же относились къ вѣдомству другихъ учрежденій. Каждое донесеніе должно было включать, кромѣ изложенія дѣла, еще мнѣніе Сената съ проектомъ резолюціи по данному дѣлу [2].

146—150, 162—163, 165—166, 250, 257, 262—263, 278—282, 328—329, 339, 341, 343—344, 545—549, 554, 593—596, 599—600, 602—603, 604—605, въ т. LXIII на стр. 16—17, 32—33, 56—58, 78—7 , 88—89, 99, 179, 191—192, 210—212, 213—217, 217—218, 233—234, 255—256, 272, 285—291, 361—362, 363—364, 365—368, 379—380, 394—397, 417—418, 429, 444), въ журналахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта мы то и дѣло встрѣчаемся съ такой записью. Слушаны доклады или доношенія сенатскіе (LV, 179, 267, 429, LVI, 105, 118, 325, 335, LXIII, 84, 186—187, 209, 240).

[1] Князь Черкасскій Верховному Тайному Совѣту подавалъ два доношенія (LV, 86, LXIII, 44, 50). Потомъ выпущенъ былъ сенаторъ Юрій Нелединскій-Мелецкій съ доношеніемъ (LV, 378, LVI, 32, 327, 43 , LXIII, 197). Допущенъ былъ сенаторъ Федоръ Наумовъ съ доношеніемъ (LV, 4 8, LXIII, 74, 130, 468). Допущенъ былъ съ сенатскими доношеніями генералъ-маіоръ и оберъ-прокуроръ Бибиковъ (LVI, 77). Допущенъ былъ сенаторъ Василій Новосильцевъ и подалъ доношеніе (LXIII, 39). Передъ собраніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта допущены Сенаторы Мамоновъ, Салтыковъ, Девіеръ, Новосильцевъ, Нелединскій, Наумовъ и подали доношенія (LXIII, 230).

[2] Въ журналъ 8 іюля 1726 г. занесено: „Разсужденіе имѣли, что изъ Сената многіе подаютъ доношенія, какихъ не надлежитъ, ибо точные о тѣхъ дѣлахъ имѣютъ указы... И по разсужденіи *приказали, чтобъ такихъ доношеній, на что имѣютъ точные указы впредь не принимать*... И для того разсуждали, чтобы впредь, когда сенаторы съ доношеніями приходить будутъ, чтобы при нихъ былъ ихъ оберъ-секретарь или секретарь, а въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, принявъ у нихъ, разсматривать оберъ-секретарю Маслову и которыхъ доношеній зачѣмъ принять не надлежитъ, тѣ, записывая, отдавать сенатскому оберъ-секретарю или секретарю съ росписками, а которыя доношенія подаваны, имѣя точные указы, изъ тѣхъ учинить экстрактъ со изъясненіемъ и какъ о тѣхъ, которые поданы прежде, такъ и о тѣхъ, которые подаваться ненадлежащіе будутъ впредь по случаю рапортовать Ея Величеству (т. LV, 425). Потомъ допущенъ былъ Федоръ Наумовъ съ доношеніями по реестру о разныхъ дѣлахъ, которыя повелѣно принять и разсмотрѣть и которыя къ докладу подлежатъ, по тѣмъ доложить, а которыя *доношенія безъ Сенатскаю мнѣнія или на что имѣютъ точные указы, тѣ возвратить* (LVI, 50). Доношеніе Сенатское объ отдачѣ полковнику Венедіеру въ Дифляндіи маетности отдать въ Сенатъ по прежнему, *понеже то состоитъ въ особливой Е. И. В. милости и доношенія о томъ въ Верховный Тайный Совѣтъ подавать было не надлежало* (LV, 477). Возвращены доношенія по прежнему въ Сенатъ. По челобитью вдовы княгини Дарьи Волконской о пожалованіи ей недвижимаго сына ея всего имѣнія въ вѣчное владѣніе, чтобы то доношеніе *подали со мнѣніемъ*. О счетахъ лейбъ-гвардіи, объ вычетахъ за отпуски въ дома; чтобы оное подали *со изъясненіемъ* (LVI, 57). А третье доношеніе о требованіи въ адмиралтейство провіанта отдано назадъ, велѣно переправить и переправя паки взнесть въ Верховный Тайный Совѣтъ (LVI, 78). Доно-

III. *Дѣла въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ обсуждались и по представленіямъ и донесеніямъ отдѣльныхъ членовъ.* Всего чаще такія представленія исходятъ отъ Меньшикова [1], рѣже отъ Остермана [2], представленіе же, исходящее отъ Апраксина [3], Головкина [4], Толстого [5], герцога Голштинскаго [6], составляютъ исклю-

---

ненія, не удовлетворявшія этимъ условіямъ, возвращались въ Сенатъ, принятые же вносились въ регистръ и слушались на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій. Потомъ слушанъ регистръ о дѣлахъ по доношеніямъ сенатскимъ, по которымъ тѣхъ дѣлъ слушать не изволили и отложено до другаго собранія (LV, 349). Потомъ Е. И. В. изволила приказывать, чтобы на сенатскія доношенія какъ скоро возможно чинить резолюціи, на что Ея Величеству донесено, что многія донесенія состоятъ въ нѣкоторыхъ важностяхъ, которыхъ безъ всего собранія и рѣшить не можно, а которыя не такъ важныя, на тѣ резолюціи даются безо всякаго продолженія (LV, 407, 408).

[1] T. LV, 68, 73, 148, 175, 352. 361, 362, 372, LVI, 570, LXIII, 64, 400.
[2] LV, 177, LXIII, 62, 189, 190, 72, 77, 403, 424.
[3] LV, 82, 83, LVI, 537.
[4] LV, 98.
[5] LVI, 380, LXIII, 67.
[6] LV, 57.

Чтобы дать читателю болѣе наглядное представленіе о томъ, какъ обсуждались дѣла въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, мы разсмотримъ движеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, отмѣтивъ главнѣйшіе моменты этого движенія.

5 августа 1726 г. было подано въ Верховный Тайный Совѣтъ доношеніе изъ Синода. (T. LVI стр. 20). Въ немъ объяснялось, что по указу 16 іюля члены, засѣдающіе въ Синодѣ, не должны управлять своими епархіями, въ которыя будутъ назначены особые викаріи; между тѣмъ, пишетъ Синодъ, викаріи по сіе время не назначены; Синодъ и спрашиваетъ, какъ въ виду этого ему поступать, править ли синодальнымъ членамъ своею епархіей по прежнему до назначенія викаріевъ или же нѣтъ? (T. LVI стр. 103). 12 августа эти доношенія докладывались въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ и засимъ были переданы тайному кабинетъ-секретарю Макарову для доклада Императрицѣ. (T. LVI стр. 33). Прошло около мѣсяца, пока Императрица вернула ихъ обратно въ Верховный Тайный Совѣтъ. 7 сентября обсужденіе ихъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ стояло на очереди, но въ виду неполнаго собранія не состоялось. (T. LVI стр. 71). 21 сентября эти донесенія обсуждаются въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, но члены его, принимая во вниманіе важность вопроса, не ограничиваются однимъ засѣданіемъ и рѣшаютъ продолжать обсужденіе въ слѣдующемъ собраніи. (T. LVI стр 88). Въ журналѣ этого слѣдующаго засѣданія (23 сентября) записано: „Разсужденіе имѣли о Синодскомъ новомъ опредѣленіи и для лучшаго разсужденія учиненную выписку о всѣхъ указахъ принадлежащихъ къ Синоду и опредѣленныхъ Е. И. В., которые еще не исполнены были, взяли къ себѣ на дворы, а именно канцлеръ графъ Головкинъ, дѣйствительные тайные совѣтники, графъ Толстой, князь Голицынъ, баронъ Остерманъ. И разсуждали, что то дѣло состоитъ великой важности и вскорѣ опредѣлить не можно, а между тѣмъ, покамѣстъ точное опредѣленіе учинится, чтобы въ правленіи синодскихъ дѣлъ остановки не было, разсудили написать мнѣніе, чтобы синодальные члены правленія имѣли до предбудущаго указу по прежнему, а свѣтскимъ членамъ поступать такъ, какъ прежде бывало при патріархахъ и поступали ихъ бояре и для того съѣхаться въ будущее воскресенье въ иностранную коллегію и поставя на мѣрѣ доложить о томъ Ея Императорскому Величеству. (T. LVI стр. 98). На этомъ засѣданіи вопросъ, такимъ образомъ, былъ рѣшенъ въ принципѣ и оставалось только облечь эту резолюцію въ окончательную форму и доложить о ней Императрицѣ, что и было сдѣ-

ченія. Представленій, которыя исходили бы отъ князя Голицына, мы въ журналахъ найти не могли.

На этихъ донесеніяхъ и представленіяхъ и основывались разсужденія въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; они служили отправными точками и матеріаломъ для обсужденія дѣлъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. По болѣе важнымъ дѣламъ члены подавали свои мнѣнія на письмѣ [1]. Но это случалось довольно рѣдко,

---

лано въ воскресенье 25 сентября. (Т. LVI стр. 101, 102, II. С. 33 № 4959) Съ протокола, утвержденнаго Императрицей и на слѣдующій день подписаннаго членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, и былъ изготовленъ въ тотъ же день именной объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта указъ. Другіе болѣе сложные законодательные вопросы вызывали и болѣе сложную и болѣе продолжительную процедуру обсужденія: примѣромъ можетъ служить Всемилостивѣйшій указъ о всенародномъ облегченіи. Проектъ этого указа былъ внесенъ въ Верховный Тайный Совѣтъ Императрицей черезъ кабинетъ-секретаря Макарова 11 января 1727 г. При этомъ Императрица повелѣла членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта поусердиѣе надъ нимъ поработать и посвятить ему хотя бы десять засѣданій, но только поскорѣе закончить его обсужденіе. (Т. LXIII, 22—24). На слѣдующій же день 12 января призывается въ Верховный Тайный Совѣтъ оберъ-секретарь Козьминъ и ему поручается доставить изъ Сената различныя справки по прежнимъ указамъ, которыя могли бы послужить Верховному Тайному Совѣту матеріаломъ для обсужденія внесеннаго Императрицей законодательнаго проекта. (Т. LXIII стр. 24). На засѣданіи 13 января Верховный Тайный Совѣтъ приступаетъ къ обсужденію 1 пункта проекта, но такъ какъ собраніе было неполное (были только Апраксинъ, Головкинъ и Толстой), то отложили обсужденіе до слѣдующаго засѣданія. (Т. LXIII стр. 26). На этомъ слѣдующемъ засѣданіи (16 января) нѣкоторые пункты и обсуждались, а по другимъ было рѣшено навести новыя справки. (Т. LXIII, 37—39). 18 января Верховный Тайный Совѣтъ опять занимается проектомъ. (Т. LXIII стр. 59—61). 20 января читается и обсуждается составленное княземъ Голицынымъ по тому указу мнѣніе, а 23 января разсматриваются мнѣнія Меньшикова и Остермана. (Т. LXIII стр. 59—61). 24 и 30 января эти мнѣнія снова обсуждаются. (Т. LXIII стр. 61—65). 1 февраля читаются вновь внесенныя мнѣнія Апраксина, Головкина, Толстаго и герцога Голштинскаго. (Т. LXIII стр. 81—83). Изъ этихъ мнѣній составляется сводное мнѣніе 9 февраля. (Т. LXIII, 113—117). На засѣданіи 20 февраля читается форма указа. При этомъ чтеніи Остерманъ внесъ поправку, которая, однако, была отвергнута. (Т. LXIII, 123). 22 февраля эта форма указа была слушана и подписана всѣми. (Т. LXIII, 127) не исключая и Остермана, а 24 февраля былъ уже объявленъ Именной изданный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта указъ Сенату. (П. С. 33. № 5017). Верховный Тайный Совѣтъ такимъ образомъ исполнилъ въ точности предписаніе Императрицы и, посвятивъ обсужденію проекта 10 засѣданій, закончилъ его въ сравнительно короткое время.

[1] Еще до формальнаго учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта 25 января 1726 г. были поданы мнѣнія о персидскихъ, турецкихъ и голштинскихъ дѣлахъ не только канцлеромъ, но и Апраксинымъ, Толстымъ и Ягужинскимъ, и по нимъ составлено сводное мнѣніе, которое и послужило основаніемъ опредѣленія „учиненнаго въ бытность Е. И. В. въ Тайномъ Совѣтѣ“ 10 февраля. О турецкихъ и персидскихъ дѣлахъ были предетавлены мнѣнія герцога Голштинскаго и Остермана, которыя и слушались на засѣданіи 18 марта. Герцогъ Голштинскій и Меньшиковъ подали мнѣнія о сенатскихъ доношеніяхъ 16 марта. (Т. LV 189—190). 1 іюля въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ читается поданное Остерманомъ мнѣніе объ отвѣтѣ датскому посланнику Вестфалю (389 - 390). Мнѣнія Остермана по

обыкновенно же члены Верховнаго Тайнаго Совѣта при обсужденіи различныхъ вопросовъ излагаютъ свои мнѣнія словесно [1].

Засѣданія въ Верховномъ Тайномъ совѣтѣ, по опредѣленію 1-го пункта мнѣнія не въ указъ, должны были происходить два раза въ недѣлю, въ среду „для домашнихъ и внутреннихъ дѣлъ“, а въ пятницу „для чужестранныхъ дѣлъ“, но „когда много дѣла есть или нужное дѣло приключится, то оному чрезвычайно повѣстить“. Но на этомъ же засѣданіи, на которомъ обсуждалось это мнѣніе не въ указъ, было постановлено „для съѣзду прибавить третій день“, а именно понедѣльникъ, ради сенатскихъ, чтобы въ тотъ же день только тѣ дѣла слушать (т. EV, стр. 100). Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, если и не собирались всегда три раза въ недѣлю, то во всякомъ случаѣ съѣзжались довольно часто, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Въ февралѣ	1726	г.	Верховный	Тайный	Совѣтъ	имѣлъ	12	засѣданій.
„ мартѣ	„	„	„	„	„	„	13	„
„ апрѣлѣ	„	„	„	„	„	„	6	„
„ маѣ	„	„	„	„	„	„	12	„
„ іюнѣ	„	„	„	„	„	„	11	„
„ іюлѣ	„	„	„	„	„	„	11	„
„ августѣ	„	„	„	„	„	„	14	„
„ сентябрѣ	„	„	„	„	„	„	13	„
„ октябрѣ	„	„	„	„	„	„	10	„
„ ноябрѣ	„	„	„	„	„	„	6	„
„ декабрѣ	„	„	„	„	„	„	10	„
„ январѣ	1727	„	„	„	„	„	11	„
„ февралѣ	„	„	„	„	„	„	9	„
„ мартѣ	„	„	„	„	„	„	12	„
„ апрѣлѣ	„	„	„	„	„	„	7	„

Засѣданія, на которыхъ присутствовали бы всѣ 7 членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта очень рѣдки, обыкновенно присутствовало четыре или пять членовъ:

другимъ вопросамъ читались и на засѣданіи 8 іюля (LV 424) и 9 сентября (LVI, 76—77), 5 марта. (LV, 76), 7 марта (82), 21 марта (147), 3 іюня (332), 6 февраля 1727 г. (LXIII, 92), 3 марта (т. LXIII, 193).

[1] Такія мнѣнія оставляютъ слѣды только въ Журналахъ засѣданій, а не въ особыхъ къ нимъ приложеніяхъ. Меньшиковъ подаетъ голосъ не только по военнымъ дѣламъ, (LV, 73, 74. LVI, 301, LXIII, 400), а и по другимъ частямъ управленія (LV, 145, 310, 333, LVI, 301 LXIII 14) Головкинъ высказывается не только по вопросамъ иностранной политики но и по другимъ предметамъ. (LVI, 374, LXIII, 14, 15, 45, 123). Остерманъ высказываетъ свою точку зрѣнія не только по дипломатическимъ вопросамъ (LV, 62, 359), но и по другимъ дѣламъ. То онъ хочетъ привлечь своего соотечественника Регинстейна къ исправленію русскихъ законовъ (LVI, 570), то онъ стоитъ за свободу торговли съ иностранными державами (LV, 368), то онъ горячо отстаиваетъ интересы Евреевъ противъ мнѣнія Императрицы и членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Графъ Толстой также часто возвышаетъ свой голосъ (LV, 73, 99, 273, 299, LVI, 363, 374, 380, 431, LXIII, 67). Графъ Апраксинъ (LV, 83) и князь Голицынъ (LVI, 374, 351, 431 LXIII, 123), также подаютъ свои мнѣнія, хотя и рѣдко.

Изъ 157 засѣданій, состоявшихся въ царствованіе Екатерины было:

5	засѣданій	въ	присутствіи	7	членовъ.
19	„	„	„	6	„
45	„	„	„	5	„
51	„	„	„	4	„
28	„	„	„	3	„
9	„	„	„	2	„

При неполныхъ собраніяхъ важныя дѣла не обсуждались, а откладывались до „общаго собранія“. Откладываніе дѣлъ по этой причинѣ вообще нерѣдко [1], но откладывались дѣла и по другимъ причинамъ. Случалось, что члены Верховнаго Тайнаго Совѣта воздерживались отъ окончательнаго мнѣнія по данному дѣлу, если представленное по немъ донесеніе страдало неясностью или неполнотою свѣдѣній [2].

Рѣшенія по большинству голосовъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ не допускались. Резолюціи постановлялись съ общаго согласія. Если же такого единогласнаго мнѣнія не могло состояться, то отдѣльные члены Верховнаго Тайнаго Совѣта должны были представлять свои особыя мнѣнія императрицѣ. 5-ый пунктъ указа 1 января 1727 г. гласитъ: „Ежели случится, что въ нашихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ между членами всего Верховнаго Тайнаго Совѣта разныя мнѣнія будутъ и по общемъ совѣстномъ и безстрастномъ уваженіи всѣхъ тѣхъ мнѣній однако-жь, между тѣми членами объ одномъ мнѣніи соглашено быть

[1] Въ журналѣ 2 мая (на засѣданіи было 4 члена) читаемъ: При томъ собраніи предложены были къ слушанію внутреннія дѣла, которымъ регистръ читалъ тайный дѣйствительный совѣтникъ Остерманъ и по слушаніи того регистра, разсудили тѣ дѣла предложить къ слушанію при полномъ собраніи (LV, 257). На засѣданіи 1 іюля 1726 г., на которомъ было только 3 члена, разсудили отложить разсмотрѣніе сенатскихъ доношеній, „до общаго собранія“ (LV, 390). 1 сентября, когда явились на засѣданіе только Головкинъ, Толстой и Остерманъ обсужденіе нѣкоторыхъ дѣлъ было „отложено до общаго собранія“. (LVI, 61). Хотя 7 сентября было на засѣданіи большинство членовъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя дѣйствительно важныя дѣла были „отложены до общаго всѣхъ собранія“ (LVI, 71) 11 ноября на засѣданіи, на которомъ явились всѣ, кромѣ герцога, и графа Толстаго, важный вопросъ „о раздѣленіи отъ Синода дѣлъ въ Правленіе экономіи рѣшено доложить всему присутствію“, „когда будетъ полное собраніе“. (LVI, 365). Ср. также LVI, 333, 319.

[2] Такъ напр. 4 января 1727 г. чтено было „табель гвардіи капитаномъ Степановымъ, сколько въ Новогородской епархіи съ 1721 по 1726 г. въ приходѣ и расходѣ денегъ. Имѣли разсужденіе, что тѣ всѣ вѣдомости надлежитъ отослать въ коллегію экономическую для разсмотрѣнія понеже о многихъ въ тѣхъ вѣдомостяхъ расходѣхъ зѣло темно изъяснено и тако пересѣклося и болѣе не разсуждали о томъ дѣлѣ и крайняго опредѣленія не учинено. (LXIII, 5).

не можетъ, то въ такомъ случаѣ тѣ дѣла отнюдь въ дѣйствіе не произвесть, несмотря на то, хотя-бъ съ которой стороны и больше голосовъ было, но должны тогда каждый свое мнѣніе съ обстоятельнымъ изображеніемъ всѣхъ резоновъ на письмѣ въ ономъ Совѣтѣ подать и потомъ намъ для рѣшенія объ оныхъ доложить". Согласно съ этимъ постановленіемъ никакого голосованія въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ не происходило: дѣла рѣшались съ общаго согласія. Отсюда мы постоянно встрѣчаемся съ такими записями: „И по довольномъ о томъ разсужденіи всѣ присутствующіе въ Тайномъ Совѣтѣ согласились [1]. Имѣли совѣтъ... и всѣ согласно разсуждали [2]. Чему присутствующія персоны всѣ согласились [3]. Разсудили согласно [4]. И оная форма чтена и всѣми Верховнаго Тайнаго Совѣта тогда присутствующими особами согласно за благо принята" [5].

Разногласія, о которыхъ бы свидѣтельствовали журналы, составляютъ исключеніе [6].

Отсутствовавшіе члены подписывали протоколы, которые включали резолюціи, состоявшіяся внѣ ихъ присутствія, на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, или имъ эти протоколы посылались на домъ, но ежели подписать та персона за какимъ-либо суминтельствомъ не соизволитъ, о томъ предложить, чтобы на другой день благоволилъ прислать письменное на тое резолюцію за своею рукою мнѣніе. Буде на другой день такого мнѣнія прислано не будетъ, и по той резолюціи, хотя одна или двѣ персоны не подписали токмо, отправлять указы, чтобы въ дѣлѣхъ Е. И. В. остановки ни малой не было [7].

Состоявшіяся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ мнѣнія облекались въ форму протоколовъ. Если журналы, въ которые отмѣчалось все происходившее на засѣданіяхъ, не подписывались членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, то протоколы, какъ включавшіе резолюціи Верховнаго Тайнаго Совѣта, подписывались его членами и секретаремъ Степановымъ. Пунктъ 6 мнѣнія не

---

[1] T. LV, 73, 74.
[2] LV, 124, LXIII, 15, 50, 51, 240.
[3] LV, 277.
[4] LVI 273.
[5] LXIII, 7.
[6] Разсужденіе имѣли, чтобы на прошедшую треть выдать по тому, а впредь опредѣлится по штату, однакожъ въ томъ не согласились. (LVI, 36). Того ради, кромѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника кн. Голицына. всѣ согласно разсуждали.. Однакожъ на мѣрѣ того не поставлено, а отложено къ разсужденію будущаго сего мѣсяца 11 дня (LV, 351). Ср. также т. LVI стр. 338, 339.
[7] T. LXIII стр. 152

въ указъ гласитъ: „Въ Тайномъ Совѣтѣ надобно два протокола держать, одинъ образомъ журнала, который подписывать не надлежитъ, другой же—о учиненныхъ въ Тайномъ Совѣтѣ резолюціяхъ и опредѣленіяхъ, которыя Тайному Совѣту закрѣплять".

Протоколъ рѣдко подписывался на томъ засѣданіи, на которомъ поставлено „на мѣрѣ". Мнѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта, состоявшееся на томъ или другомъ засѣданіи, должно было прежде быть редактировано, доложено нерѣдко тому или другому отсутствующему члену, затѣмъ представлено императрицѣ на утвержденіе. На все это уходило не мало времени, и вотъ почему между засѣданіемъ, на которомъ состоялось мнѣніе, и тѣмъ засѣданіемъ, на которомъ подписывался протоколъ, формулировавшій это мнѣніе, лежитъ обыкновенно довольно большой промежутокъ времени [1].

Составленный протоколъ нерѣдко подвергался измѣненію: [2] или его редакція оказывалась неудовлетворительною, или предлагалась поправка или дополненіе по существу. Случалось также,

---

[1] Возьмемъ для примѣра протоколы за апрѣль 1726 г.

Протоколъ	1	апрѣля	подписывается	22	апрѣля
„	7	„	„	27	„
„	18	„	„	22	„
„	22	„	„	25	„
„	25	апрѣля	подписывается	29	апрѣля
„	25	же „	„	6	мая
„	27	„	„	29	апрѣля
„	29	„	„	16	мая
„	29	же „	„	27	„
„	29	же „	„	6	„

Нѣтъ, такимъ образомъ, ни одного протокола въ апрѣлѣ, который былъ бы подписанъ въ день самаго засѣданія, на которомъ онъ состоялся, семь протоколовъ подписаны были на слѣдующемъ засѣданіи, остальные ждали подписей подолгу, по 20, по 29 дней.

[2] Въ журналахъ засѣданій мы поэтому то и дѣло встрѣчаемся съ такими записями: Протоколъ же сочиненный въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсужденія и мнѣнія въ собраніи 6 мая.... и отложено оный пока слушать при собрани всего Тайнаго Совѣта (LV, 273). Притомъ представленъ протоколъ, сочиненный по приказу въ прежнемъ собраніи.... *И по имѣвшемъ разсужденіи опредѣлено прежде справиться съ военной коллегіей....* и получа-бъ о томъ всемъ справки, сочинить обстоятельный протоколъ, въ какой силѣ имѣетъ быть объ ономъ отправленъ указъ къ генералу князю Долгорукову. (276). Слушанъ сочиненный протоколъ о посылкѣ указовъ князю Долгорукову... и приказано въ оный прибавить... (290) Слушаны же протоколы и впредь до справокъ отложены. (296). Протоколъ, который изготовленъ былъ къ закрѣпѣ... отложенъ. (395). Закрѣплены протоколы, а прежняго не перекрѣплять (401). Потомъ слушанъ протоколъ бытности Е. И. В. въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ сего іюля 6 числа, состоящій въ 10 пунктахъ, въ томъ числѣ десятый пунктъ повелѣно переправить, какъ значитъ въ томъ протоколѣ. Послѣ того прибыть изволилъ Е. К. В., и при присутствіи его тотъ переправленный пунктъ слушанъ писанный вчерне, и потомъ переписанъ и всѣми присутствующими закрѣпленъ и для донесенія и апробаціи Е. И. В, отосланъ

что по причинѣ неполнаго собранія съ одной стороны, и важности подлежавшаго закрѣпѣ протокола—съ другой, слушаніе протокола откладывалось до слѣдующаго засѣданія. Во всякомъ случаѣ, слушаніе протокола и подпись его не были одною формальностью, а служили нерѣдко поводомъ ко вторичному обсужденію вопроса по существу. Это было какъ-бы вторымъ чтеніемъ билля, дававшимъ полный просторъ поправкамъ и измѣненіямъ. Если поэтому нѣкоторые члены не присутствовали на обсужденіи вопроса, то они имѣли полную возможность подать свое мнѣніе при чтеніи протокола, и если они соглашались съ принятой въ ихъ отсутствіи резолюціей, то они подписывали протоколъ, если же они не соглашались, то предлагали ту или другую поправку. Эта поправка могла быть не существенною,—тогда протоколъ тутъ же переписывался и подписывался или же она была существенною,—тогда слушаніе измѣненнаго протокола происходило на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій.

Подписывали протоколы только члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, такъ или иначе принимавшіе участіе въ составленіи резолюціи, то-есть, или присутствовавшіе на засѣданіяхъ, на которыхъ обсуждался вопросъ, или на засѣданіяхъ на которыхъ слушался или закрѣплялся состоявшійся по данному дѣлу протоколъ. Мы имѣемъ много протоколовъ, подписанныхъ членами,

---

къ кабинетъ-секретарю Макарову. (425 - 426). Потомъ слушаны два протокола.... оные протоколы также апробовали; и какъ вышеписанный апробованный указъ, такъ и протоколы для подписанія Е. И. В. отданы тайному кабинетъ-секретарю Макарову... Потомъ закрѣпленъ *переправленый* протоколъ присутствія Е. И. В. въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ сего іюля 6-го дня... И оными протоколъ для подписанія Е. В. отданъ ему-жъ, тайному кабинетъ-секретарю Макарову (428). И слушали записку протоколу резолюціи Е. И. В., состоявшуюся въ бытность Ея В. въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ сего-жъ іюля 14 дня и по выслушаніи оной приказали *писать на было*. (475). Потомъ подписанъ протоколъ... Послѣ того слушанъ протоколъ... и что написано было въ ономъ протоколѣ о Бахтыгиреѣ... и то по *имѣвшему разсужденю выпущено*, а вмѣсто того приписано... а прочее въ томъ протоколѣ осталось такъ, какъ написано (LVI, 348). Протоколъ учиненный 5-го дня, слушанъ и апробованъ и быть ему тако (434). И во-первыхъ читанъ протоколъ.. и по аппробаціи оного д. т с. графъ Толстой свое мнѣніе предложилъ... И оное предложеніе Верховный Тайный Совѣтъ принялъ за благо и разсудили учинить... (512). Слушаны протоколы. *Прежній протоколъ переправленъ* для выключенія нижеписанной прибавки, а не подписанъ. Протоколъ, учиненный ноября 9-го и декабря 12 ч... и по выслушаніи того протокола *разсуждено прибавить*.... а *по переписки онаго протокола* и подписали. (535). Послѣ того слушаны и *переправлены* черные два протокола. (567). Протоколъ о репортованіи о деньгахъ *переправить*, прибавить и о расходахъ. (568) И по прочтеніи того протокола велѣно выключить хотя съ отмѣткой на полѣ (611, 612). Написанный протоколъ о мануфактурѣ коллегіи, что оной при Сенатѣ, или при Бергъ-коллегіи *переправлен*, а быть при Сенатѣ (LXIII, 400).

присутствовавшими какъ на засѣданіяхъ, на которыхъ было постановлено „на мѣрѣ“, такъ и на засѣданіяхъ, на которыхъ слушался и подписывался протоколъ, формулировавшій эти мѣры, но мы имѣемъ и много протоколовъ, подписанныхъ членами, не присутствовавшими на засѣданіяхъ, на которыхъ обсуждался данный вопросъ, а только на тѣхъ засѣданіяхъ, на которыхъ эти протоколы были подписаны. Члены же Верховнаго Тайнаго Совѣта, не присутствовавшіе ни на засѣданіи, на которомъ обсуждался вопросъ, ни на засѣданіи, на которомъ слушался протоколъ, этого протокола не подписывали [1]. Подписанный чле-

[1] 1726 г. октября въ 6 день оберъ-секретарь Масловъ ѣздилъ къ рейхсъ-маршалу и генералъ-фельдмаршалу Свѣтлѣйшему князю Меньшикову съ вышеозначенными протоколами, которые въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ крѣплены сего мѣсяца 5 числа въ неприсутствіи его, свѣтлѣйшаго князя за болѣзнью и о закрѣпѣ тѣхъ протоколовъ ему, свѣтлѣйшему князю доносилъ, на что его свѣтлость отвѣтствовалъ, что по *тѣмъ дѣламъ рѣшеніе учинено въ неприсутствіе его и для того тѣхъ протоколовъ крѣпить онъ не будетъ*, а ежели де прочіе всѣ тѣ протоколы закрѣпятъ, тобъ по нихъ указы отправлять и безъ его закрѣпы (LVI стр. 254, 255). 1726 г. октября въ 19 день въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ прежде собранія другихъ дѣйствительному тайному совѣтнику барону Остерману предложены были для подписанія протоколы, сего октября 5 дня, которые отъ другихъ особъ подписаны, на что онъ объявилъ, *что де онъ того числа въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ въ присутствіи не былъ и затѣмъ де протоколовъ тѣхъ и подписывать ему не надлежитъ* (т. LVI, 272, 273) Того жъ числа (то-есть, 2 февраля 1727 г.) съ тѣми же протоколами посланъ къ къ Д. Т. С. къ господамъ князю Голицыну, барону Остерману секретарь Иванъ Топильскій для закрѣпы оныхъ протоколовъ. И его сіятельство князь Голицынъ сказалъ, что де онъ за тяжкою своею болѣзнью нежели крѣпить, но и пера въ руки принять не можетъ и реэстра о протоколахъ слушать не соизволилъ, а когда де тѣ протоколы присутствующими Верховнаго Тайнаго Совѣта особами подписаны, чтобы по нихъ указы отправлять, его превосходительство господинъ баронъ Остерманъ сказалъ: *тѣ де протоколы сочинены въ неприсутствіе его въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ за болѣзнью, того ради и крѣпить ему ихъ невозможно*, а чтобы по нихъ надлежащее дѣйство исполнять, и реестру слушать не соизволилъ. (LXIII, 92). 22 февраля 1727 г. Ему же, барону, предложено о протоколѣхъ, подписанныхъ въ 9 числѣ сего мѣсяца... И оныхъ протоколовъ онъ, господинъ баронъ, не подписалъ, а сказалъ, что оные въ неприсутствіе его учинены (LXIII, 133). Февраля въ 24 день изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта секретарь Иванъ Топильскій посланъ къ дѣйствительному тайному совѣтнику князю Голицыну съ согласнымъ разсужденіемъ и съ прочими протоколами, которые въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ присутствующими особами подписаны... И его сіятельство сказалъ: протоколовъ де онъ за болѣзнію подписать не можетъ, того роди и слушать ихъ не будетъ. (LXIII, 150, 151). Князь Голицынъ не присутствуетъ на засѣданіяхъ, начиная съ 3 января и кончая 14 марта 1727 г. Онъ и не подписываетъ протоколы 30 декабря, хотя и присутствовалъ на этомъ засѣданіи, ибо протоколы, состоявшіеся 30 декабря, слушали и подписывали 11 января, когда онъ уже пересталъ посѣщать по болѣзни засѣданія Верховнаго Тайнаго Совѣта. По той же причинѣ онъ не подписываетъ протоколы 1, 4 и 9 января: всѣ они слушались и закрѣплялись на засѣданіяхъ (13 января), на которыхъ онъ отсутствовалъ. Всѣ послѣдующіе протоколы вплоть до протокола 24 февраля онъ не подписывалъ. Начиная же съ протокола 27 февраля мы встрѣчаемъ снова его подпись подъ протоколами,

нами Верховнаго Тайнаго Совѣта протоколъ, по апробаціи его императрицей словесно или письменно, влечетъ за собою неотразимое юридическое послѣдствіе—изданіе Высочайшаго повелѣнія, которое можетъ, но не должно быть непремѣнно обле-

---

ибо большинство этихъ протоколовъ подписывались уже на тѣхъ мартовскихъ засѣданіяхъ, на которыхъ Голицынъ присутствовалъ. Съ 23 мая по 21 октября Апраксинъ не посѣщаетъ засѣданій Верховнаго Тайнаго Совѣта. Протоколы съ 23 мая по 7 октября и не подписаны имъ. Подъ протоколомъ же 8 октября и двумя протоколами 19 октября мы встрѣчаемъ его подпись, ибо протоколы эти подписаны 26 октября, 4 и 7 ноября, когда онъ снова сталъ посѣщать засѣданія. Меньшиковъ также отсутствуетъ на засѣданіяхъ января 1727 г. Изъ 22 протоколовъ, состоявшихся въ январѣ этого года, Меньшиковъ подписываетъ только четыре: 1) о пожалованіи Соловьевыхъ въ бароны, 2) объ увольненіи полковника Козлова изъ городовой канцеляріи и о назначеніи его въ мундирную коллегію, 3) о сборѣ доходовъ съ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, 4) о выдачѣ на полки гвардіи хлѣбнаго жалованья. Одинъ изъ этихъ протоколовъ, а именно первый, вовсе не подлежалъ обсужденію въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ и дѣйствительно не обсуждался, слѣдующіе два касались военной коллегіи и не могли миновать ея президента, который кромѣ того не былъ настолько боленъ, чтобы не быть въ состояніи ознакомиться съ тѣми немногими резолюціями Верховнаго Тайнаго Совѣта, которыя входили въ его спеціальное вѣдомство. Наконецъ четвертый протоколъ былъ слишкомъ важенъ, чтобы могъ состояться безъ участія Меньшикова. По этому дѣлу сохранилась запись въ журналѣ 2 февраля, въ которой читаемъ: изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта посылались оберъ-секретарь Анисимъ Масловъ къ господину рейхсъ-маршалу князю Меньшикову по вышеписанному реестру съ протоколами, состоявшимися въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ отъ 16 января сего года, которыхъ его свѣтлость за неприсутствіемъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ ради болѣзни не крѣпилъ. И по предложенію онаго оберъ-секретаря его свѣтлость слушалъ вышеозначенный реестръ и изъ протоколовъ одинъ 30 дня генваря по дѣламъ синодскимъ за неимѣніемъ къ сочиненію штата изъ епархій и монастырей... его свѣтлость подписалъ, а о прочихъ протоколахъ сказалъ, что онъ ихъ за болѣзнію крѣпить не можетъ, а указы бы объ нихъ для дѣйствительнаго исполненія отправить и реестръ протоколовъ оставилъ свѣтлѣйшій князь у себя (LXIII, 91, 92). Неприсутствіе того или другаго члена на засѣданіи не всегда лишало его возможности знакомиться съ тѣми резолюціями, которыя состоялись въ его отсутствіи Если эти резолюціи касались важныхъ предметовъ, то онѣ приносились на домъ тѣмъ членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, которые не могли присутствовать на засѣдани. Кромѣ уже приведенныхъ мѣстъ изъ журналовъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что дѣла нерѣдко доносились отсутствующимъ членамъ на домъ, мы можемъ привести еще слѣдующіе примѣры: 17 іюня 1726 г. А попеже рейхсъ-маршалъ свѣтлѣйшій князь въ томъ числѣ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ не присутствовалъ, того ради повелѣно оберъ-секретарю Маслову таковую же роспись о опредѣленіи въ тѣ аппартаменты персонъ отвесть для об'явленія къ нему свѣтлѣйшему князю. И та роспись ему, свѣтлѣйшему князю, въ домъ его іюня 18 числа объявлена и т. д. (т. LV стр. 369) 3 марта 1727 г. И помянутое мнѣніе читано, и по имѣвшемъ совѣтѣ оное присутствующія особы за благо приняли и приказали оное сообщить прочимъ Верховнаго Тайнаго Совѣта особамъ, а именно рейхсъ-маршалу и генералу-фельдмаршалу свѣтлѣйшему князю Меньшикову и Графу Толстому и князю Голицыну и требовать ихъ о томъ мнѣніе и вручена та коммиссія о сообщеніи оныхъ д. с с. Степанову (т. LXIII стр. 193). 10 марта 1727 г Того жъ числа оберъ-секретарь Анисимъ Масловъ по приказу въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ присутствующихъ былъ у свѣтлѣйшаго князя и доносилъ о слѣдующихъ дѣлахъ, былъ и тайный

чено въ форму именнаго указа, объявленнаго изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Указъ не есть, поэтому, протоколъ, а лишь одно изъ его возможныхъ послѣдствій [1]. Указъ составляется съ протокола или, какъ выражается оффиціальный языкъ того времени, „противу протоколу“. Указъ посылался изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ то или другое учрежденіе; протоколъ же оставался въ канцеляріи Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Указъ не всегда является точнымъ воспроизведеніемъ протокола: онъ могъ быть составленъ и въ другой редакціи и въ другой формѣ для посылки его въ то или другое учрежденіе, и тогда эта форма могла сдѣлаться предметомъ особаго обсужденія, какъ показываетъ, напр., слѣдующая выписка изъ журнала 22 февраля 1727 г.: „Учиненная форма указа, каковъ посланъ имѣетъ быть въ Сенатъ, по силѣ ея Императорскаго Величества Милостиваго Указа о избавленіи народныхъ тягостей слушана и подписана, потомъ и указъ той формы подписанъ же. Форма же указа, по силѣ онаго Милостиваго указа, каковъ

совѣтникъ Макаровъ. (LXIII, 235). Апрѣля въ первый день посланъ былъ на дворъ къ тайному дѣйствительному совѣтнику и кавалеру князю Голицыну канцелярист Антонъ Гривцовъ съ протоколомъ для подписанія о опредѣленіи воеводъ въ приписные города къ провинціямъ и притомъ реестръ, кто въ который городъ опредѣленъ. И по возвращеніи помянутый канцелярист репортовалъ, что его свѣтлость означенный реестръ читалъ, а протоколу не подписалъ, а объявилъ, что де иныхъ, которые написаны воеводами, онъ не знаетъ, а которые знаетъ и изъ тѣхъ нѣкоторыхъ признаваетъ быть къ такимъ дѣламъ неспособныхъ. (T. LXIII, стр. 437). Марта въ 1 день вчерашняго числа бралъ у д. с. с. В. Степанова два протокола. И сего числа оберъ-секретарь Масловъ сказалъ, что онъ по тѣмъ дѣламъ докладывалъ свѣтлѣйшаго князя, на которое ему его свѣтлость объявилъ, чтобы по тѣмъ протоколамъ указы отправлять. (T. LXIII, 187). Ср. также т. LXIII, 177, 155, 152. 12 февраля того же числа съ тѣмъ протоколомъ и еще съ другимъ, подписаннымъ оными же особами... къ князю Меншикову и барону Остерману для подписанія секретарь Тобольскій посыланъ. (T. LXIII, 118). Такія донесенія на дому не составляли, конечно, правила; къ нимъ прибѣгали только какъ къ исключительной мѣрѣ и обыкновенно лишь тогда, когда болѣзнь или другая важная причина лишала того или другого члена Верховнаго Тайнаго Совѣта возможности высказаться въ самомъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ о принятой въ его отсутствіи важной резолюціи.

[1] Тотъ и другой всегда различались, и стоитъ только открыть любой томъ Сборника протоколовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ: слушанъ *приготовленный съ протоколу* состоявшагося въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ *указъ*. (T. LV стр. 46). Послѣ того донесено Верховному Тайному Совѣту о подписанномъ отъ Ея Императорскаго Величества протоколѣ... о чемъ приказано *по тому протоколу* надлежащіе указы отправлять. (T. LV, стр. 76). И тогда же *съ того протоколу указъ* въ адмиралтейскую коллегію отправленъ. (T. LV стр. 223). Ср. также т. LV стр. 26, 41, 223, т. LVI стр. 107, т. LXIII стр. 62, 236.

надлежитъ указъ послать въ военную коллегію и указъ той формы подписанъ же“ [1].

Когда императрица присутствовала лично на засѣданіяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, то она, выслушавъ мнѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта, соглашалась съ нимъ или постановляла свою собственную резолюцію. Такія резолюціи императрицы, состоявшіяся вопреки мнѣнію членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта или въ дополненіе къ нимъ, не рѣдки на засѣданіяхъ, на которыхъ она присутствовала [2].

Мнѣнія Верховнаго Тайнаго Совѣта, состоявшіяся въ отсутствіе императрицы, утверждались ею или письменно, или словесно [3]. Формой письменнаго утвержденія императрицей мнѣнія

---

[1] Т. XIII стр. 127. Ср. также т. LXIII стр. 14, 75, 87, 181, 236.

[2] Въ протоколѣ 5 мая 1726 г. мы читаемъ: 1) о полковникѣ Миргородскомъ, что разсужденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта есть, чтобы онаго отпустить на Украйну, а здѣсь оставить его сына, *и Ея Величество на то соизволила, однакожъ съ такимъ опредѣленіемъ*, дабы сына его оставить здѣсь и взять въ вѣрности его полковника Миргородскаго крѣпкую присягу. 2) О кораблѣ, который изготовленъ въ отпускъ во Францію, отпускать ли и притомъ разсуждали о прибыткѣ, есть ли изъ той посылки и *Ея Величество* оный *отпускать указала*, несмотря на то, хотя бы и убытки истого были, *разсуждая*, что потребно посылать во-первыхъ ради обученія въ навигаціи, во-вторыхъ, и для слуху народнаго, что корабли Россійскіе въ порты французскіе ходятъ (LV 263). Въ протоколѣ 6 іюля 1726 было занесено 16 постановленій по внутреннимъ дѣламъ Изъ нихъ 3 постановленія являются непосредственными распоряженіями Императрицы; другія являются послѣдствіями докладовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. причемъ Императрица со многими изъ предложенныхъ мнѣній не соглашается и постановляетъ свое рѣшеніе, которое и вносится въ протоколъ. Верховный Тайный Совѣтъ предлагалъ въ видахъ экономіи отпустить изъ службы коллежскихъ членовъ-иностранцевъ. Императрица однако отвергаетъ это мнѣніе и повелѣваетъ „быть имъ въ той службѣ по прежнему“, понеже приняты были въ службу при Его Императорскомъ Величествѣ. Мнѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта о сокращеніи членовъ коллегіи она принимаетъ однако „съ той прибавкой, чтобы велѣть ихъ въ домы отпускать, по примѣру офицеровъ тѣхъ, которые сами то хотятъ“ Предложеніе объ опредѣленіи въ города, которые приписаны къ провинціальнымъ городамъ, особыхъ управителей Императрица видоизмѣняетъ и повелѣваетъ „вмѣсто управителей опредѣлить воеводъ же, разсуждая первое, что чинъ воеводскій уѣзднымъ людемъ во отправленіи всякихъ дѣлъ можетъ быть страшнѣе; второе, что и по прежнему обыкновенію въ такихъ же городѣхъ, которые приписаны были къ большимъ городамъ въ тѣхъ бывали воеводы жъ“ (LV, 403—406),

[3] Когда Императрица не присутствовала на засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, то согласно 3 пункту мнѣнія не въ указъ, одинъ или двое изъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта или же кабинетъ-секретарь Макаровъ отправляется къ Императрицѣ для донесенія о состоявшихся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ мнѣніяхъ и для испрошенія Ея аппробаціи или для выслушанія особой по дѣлу резолюціи, которая могла послѣдовать письменно или словесно. Приведемъ примѣры: графъ Толстой ѣздилъ къ Ея Императорскому Величеству для доклада и аппробаціи о слѣдующихъ дѣлахъ. Генералъ-фельдмаршалъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ поѣхалъ изъ собранія къ Ея Императорскому Величеству съ сочиненнымъ Верховнаго Тайнаго Совѣта мнѣніемъ для полученія на то Ея Импера-

Верховнаго Тайнаго Совѣта была ея подпись на тѣхъ протоколахъ, куда вносились эти мнѣнія. На засѣданіи 2 марта 1726 г. члены Верховнаго Тайнаго Совѣта предложили протоколъ писать такъ, чтобы на одной половинѣ листа могли подписать члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, а на другой—императрица. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта должны были подписывать протоколъ только послѣ того, когда эти протоколы были утверждены императрицей или ея подписью, или словеснымъ объявленіемъ тому лицу, которое ей докладывало о состоявшемся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ протоколѣ. Слѣдующая выписка изъ за-

---

торскаго Величества резолюціи, и того же числа то мнѣніе онъ, свѣтлѣйшій князь, подписалъ, что Ея Императорское Величество апробовать изволила и закрѣпи своей рукой прислала. (Тамъ же стр. 46, 47). Послѣ того донесено Верховному Тайному Совѣту о подписанномъ отъ Ея Императорскаго Величества протоколѣ... о чемъ приказано по тому протоколу надлежащіе указы отправлять (т. LV стр. 76). И потомъ какое отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта о тѣхъ кандидатахъ разсужденіе записано, о томъ повелѣно отъ записки дать ему, кабинетъ-секретарю, копію *для доклаву и апробаціи Ея Императорскому Величеству*, которая и дана отъ оберъ-секретаря Юрьева (т LV, стр. 86). И то мнѣніе отдано паки ему, господину Макарову, чтобы *донесъ Ея Величеству для апробаціи* (т. LV. стр. 92) Читанъ черный протоколъ.., и положено его отправлять безъ умедленія требуя апробоціи Ея Величества (т. LV, стр. 98). Подписано мнѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта.. которое Ея Императорское Величество апробовать соизволила. (Т. LV, стр. 124). Тайный кабинетъ-секретарь Алексѣй Макаровъ.. объявилъ, что Ея Императорское Величество написанное въ томъ протоколѣ *опредѣленіе апробовать изволила* и того же времени тотъ протоколъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ подписанъ. (Т. LV, стр, 151) И онъ тайный кабинетъ секретарь... объявилъ, что Ея Императорское Величество то *апробовать и тотъ протоколъ подписать изволила* (Т. LV. 161). И того жъ числа оной кабинетъ-секретарь Верховному Тайному Совѣту донесъ, что первое и второе представленіе Ея Императорское Величество апробовать изволила. (Т. LV, 178, 179). Притомъ же донесено, что Ея Императорское Величество Верховнаго Тайнаго Совѣта два представленія апробовать изволила (т. LV, 195). Потомъ слушаны два протокола... и оные протоколы такожде апробовали и какъ вышеписанный апробованный указъ, такъ *и протоколы для подписанія* Ея Императорскоскому Величеству отданы тайному кабинету-секретарю Макарову (т. LV, 428). Послѣ того прибыть изволилъ его королевское высочество и при присутствіи его тотъ переправленный пунктъ слушанъ, писанный вчернѣ, и потомъ переписанъ и всѣми присутствующими закрѣпленъ *и для донесенія и апробаціи Ея Императорскаго Величества отосланъ* къ кабинетъ-секретарю Макарову. Королевскому Высочеству докладывано о протоколѣ, который записанъ и руками присутствующихъ Верховнаго Тайнаго Совѣта особь подписанъ, чтобы изволилъ оный подписать, и притомъ представлено, *что Ея Императорское Величество собственною своею рукою подписать изволили.* (Т LV, 426). И приказали о помянутыхъ трехъ пунктахъ къ докладу Ея Императорскаго Величества мнѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта отдать на письмѣ тайному кабинетъ-секретарю Макарову... И по выслушаніи то разсужденіе за благо приняли и положили о томъ донести Ея Императорскому Величеству (т. LV, 340). Потомъ онъ же. тайный кабинетъ-секретарь отдалъ *протоколъ*, который ему былъ данъ отъ королевскаго высочества для донесенія и *всемилостивѣйшей апробаціи* Ея Императорска Величества... (т. LV, 61). И сочиня о томъ мнѣніе, доложить Ея Императорскому Величеству... Присланъ отъ

сѣданій журнала 5 марта 1726 г. наглядно рисуетъ намъ порядокъ, который при этомъ соблюдался: „Сочиненъ особливый протоколъ, который того же времени посланъ къ Е. И. В. ради донесенія черезъ тайнаго кабинетъ-секретаря Макарова и Ея Императорское Величество помянутое мнѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ о томъ тайный кабинетъ-секретарь Макаровъ, возвратясь отъ Ея Величества, объявилъ, аппробовать изволила, и тако оный протоколъ отъ всего собранія подписанъ".

При Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ состояла канцелярія. Составъ ея былъ опредѣленъ отдѣльными временными постано-

---

тайнаго кабинетъ-секретаря отданныя ему въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ для доклада Ея Императорскому Величеству протоколъ... онъ, кабинетъ-секретарь, объявилъ, что оной Ея Императорское Величество слушать и аппробовать изволила. (Т. LVI, 107). И того же дня Ея Императорскаго Величества о всемъ о томъ черезъ него, Василья Степанова, донесено, и Ея Величество *всемилостивѣйше то аппробовать соизволила* (т. LVI, 161). Во время того жъ собранія приходилъ тайный совѣтникъ господинъ Макаровъ, которому отданъ для донесенія и аппробаціи Ея Императорскаго Величества протоколъ (т. LVIII, 81). Если же императрица не соглашалась съ мнѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, то отсылала протоколъ назадъ съ предписаніемъ постановить такую-то резолюцію, или внести такую-то поправку, или отложить рѣшенія до ея личнаго присутствія въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ Тогда протоколъ вновь переписывался согласно распоряженію императрицы, и въ такой исправленной по ея указанію редакціи, утверждался ею. Въ протоколѣ 31, 1726 г. мы читаемъ: „И онъ, господинъ Макаровъ, съ тѣмъ протоколомъ къ Ея Императорскому Величеству ходилъ и, возвратясь отъ Ея Величества, объявилъ", что императрица внесла нѣкоторыя поправки въ протоколъ. „И по имѣющемъ разсужденіи, *какую добавку* въ тотъ протоколъ заблагоразсудили, *по сему Ея Императорскому соизволенію, учинить ту тогда же сочинили* и къ тому протоколу подписали и ради подписки къ Ея Императорскому Величеству съ нимъ же, господиномъ Макаровымъ, отправили, который, возвратясь объявилъ, что Ея Императорское Величество то аппробовать и тотъ протоколъ подписать изволила. (Т. LV, 161, 160) А въ журналѣ 1 сентября 1726 г. мы находимъ слѣдующую записъ: „Потомъ онъ же, тайный кабинетъ-секретарь отдалъ протоколъ, который ему былъ данъ отъ королевскаго высочества для донесенія о всемилостивѣйшей аппробаціи Ея Императорскаго Величества о претензіи Спарскихъ наслѣдниковъ, объ отдачѣ имъ въ Лифляндіи маетностей, притомъ объявилъ, что Ея Императорское Величество тотъ протоколъ слушать изволила и притомъ разсуждать изволила, что тѣ маетности немалыя, и надлежитъ быть потому дѣлу сенатскому мнѣнію". (Т. LVI, 61). Въ журналѣ отъ 1 апрѣля 1726 г. занесено: тайному кабинетъ-секретарю Макарову отданы были Верховнаго Тайнаго Совѣта три представленія, по которымъ бы донесъ Ея Императорскому Величеству для аппробаціи.. И того же числа оный кабинетъ-секретарь Верховному Тайному Совѣту донесъ, что первое и второе представленіе Ея Императорское Величество аппробовать изволила, а о третьемъ изволила указать, до времени отложить, о чемъ Ея Императорское Величество сама съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ разсужденіе имѣть изволила. (Т. LV, стр. 178, 179). Въ журналѣ отъ 24 февраля изображено: д. с с. Степановъ докладывалъ по своей запискѣ, о чемъ онъ вчерашняго числа Ея Императорскому Величеству докладывалъ, и на тотъ докладъ получилъ указъ слѣдующій 1) что генералъ-маіоръ В. Зотовъ, по указу Ея Величества опредѣленъ въ Казань губернаторомъ, а члены Верховнаго Тайнаго Совѣта мнѣніе свое Ея Величеству представляютъ,

вленіями, изданными впредь до общаго регламента, которыя, однако, въ царствованіе Екатерины изданъ не былъ.

Герцогъ Голштинскій въ мнѣніи, представленномъ 23 февраля въ Верховный Тайный Совѣтъ, находилъ, „что надлежитъ Верховному Тайному Совѣту имѣть свою канцелярію и дѣла по разному состоянію и натурѣ въ канцеляріи раздѣлить, дабы все порядочно было и безъ конфузій благовременно отправлено быть могло, но понеже сія канцелярія инымъ въ добрый образецъ быть имѣетъ, чтобы толико непотребнаго письма не было и штатъ непотребными служителями не отягощать, того ради

что ему способнѣе быть въ юстицъ-коллегіи президентомъ, *и Ея Величествѣ указала оному по прежнему своему указу быть губернаторомъ въ Казани.* 2) О генералъ-майорѣ Лихаревѣ, который опредѣленъ указомъ Ея Величества на Воронежъ, что Верховный Тайный Совѣтъ разсуждаетъ и мнѣніе свое представляетъ, что лучше ему и способнѣе быть у города Архангельска, а Ивану Измайлову въ Воронежѣ... *И Ея Императорское Величества Ивану Измайлову указалила быть по прежнему у города Архангельска, а о Лихаревѣ повелѣла говорить, чтобы его въ Бѣлгородскую или Новгородскую губерніи употребить.* 3)... 4) Потомъ Ея Величеству представлены въ губернаторы кандидаты, генералъ-маіоръ князь Юрья Трубецкой, изъ сенаторей князь Алексѣй Черкасскій, князь Алексѣй Долгорукой, да президентъ Алексѣй Плещеевъ, и Ея Величество Трубецкому губернаторомъ быть указала, *а о прочихъ изволила сказать, что они здѣсь потребны и для того бы выбрать инныхъ и представить.* 5) Послѣ того представлены Ея Величеству кандидаты въ вицъ-губернаторы... и Ея Величество повелѣла роспись о нихъ отдать тайному совѣтнику господину Макарову, черезъ котораго свое повелѣніе объявить обѣщала. (Т. LXIII, стр. 151, 152). Ср также т. LXIII, 71, 180, 181, 219. Не должно, однако, думать, чтобы всѣ указы, объявленные изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, или всѣ постановленныя въ немъ резолюціи являются не только по формѣ, но и по существу всегда мнѣніями Верховнаго Тайнаго Совѣта. Между этими указами мы встрѣчаемъ и такіе, *которые въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ вовсе не обсуждаютъ, а являются ничѣмъ инымъ, какъ непосредственными повелѣніями Государыни, лишь облеченными въ форму указа, объявленнаго изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.* Такимъ указомъ является указъ о строеніи судовъ въ Брянскѣ, помѣщенный въ п. с 33 подъ № 4.836. Онъ вовсе не обсуждался въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, участіе котораго выразилось въ томъ, что на засѣданіи 15 февраля 1726 г. слушался этотъ по резолюціи Ея Императорскаго Величества сочиненный и присланный 10 февраля указъ (т. LV, 34, 35). Такимъ же указомъ, явившимся вслѣдствіе непосредственнаго повелѣнія императрицы, былъ и указъ о бытіи лифляндскимъ денежнымъ доходамъ въ вѣдомствѣ Дворцовой канцеляріи. Этотъ указъ объявилъ Верховному Тайному Совѣту Меньшиковъ въ засѣданіи 18 апрѣля, затѣмъ былъ составленъ протоколъ, подписанъ членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ засѣданіи 22 апрѣля и наконецъ изданъ въ формѣ указа Верховнаго Тайнаго Совѣта. (П С. 33, № 4 880). Вообще Верховный Тайный Совѣтъ очень часто является не столько сонмомъ сановниковъ, съ которыми Императрица совѣщается по важнымъ государственнымъ дѣламъ, сколько мѣстомъ, въ которомъ она лично или черезъ своего кабинетъ-секретаря даетъ своимъ министрамъ различныя предписанія. Въ журналѣ 25 апрѣля 1726 г. мы читаемъ: „И въ началѣ приходилъ кабинетъ-секретарь Алексѣй Макаровъ и объявилъ указомъ Ея Императорскаго Величества, что Ея Императорское Величество изволила слушать..., полученныя нынѣ изъ Астрахани отъ генералъ-лейтенанта Матюшкина донесенія... и

учрежденіемъ сей канцеляріи зѣло осторожно поступить надлежитъ и все съ великимъ разсужденіемъ постановить, дабы и въ содержаніи секретныхъ дѣлъ безъ опасенія было[1]. На засѣданіи 23 февраля, на которомъ обсуждалось мнѣніе герцога, остальные члены съ приведеннымъ пунктомъ согласились, и „положено, чтобы о томъ каждому помыслить и избрать каждому дѣлу персоны по двѣ, которыхъ можно съ соизволенія Ея Императорскаго Величества назначить[2]. 2 марта члены Верховнаго Тайнаго Совѣта рѣшили, чтобы между тѣмъ, пока Верховнаго Тайнаго Совѣта канцелярія опредѣлится, взять для внутреннихъ дѣлъ изъ Сената оберъ-секретаря Маслова и съ нимъ человѣка четыре изъ канцелярскихъ и копіистовъ[3]. Только черезъ шесть мѣсяцевъ составъ канцеляріи былъ увеличенъ, и назначенъ къ оберъ-секретарю Маслову секретарь Иванъ Топильскій, одинъ канцелярістъ и два копіиста[4]. 18 февраля 1727 года члены Верховнаго Тайнаго Совѣта рѣшаютъ пригласить въ свою канцелярію сенат-

---

для того Ея Императорское Величество повелѣла о томъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсужденіе имѣть и отправить немедленно въ Царьгородъ къ министру Россійскій указъ, чтобы они“ и т. д. (т LV, 221). Въ журналѣ 3 августа 1725 г. записано: Императрица изволила опредѣлить и назначить въ Швецію посломъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Василья Долгорукова, который тогда жъ былъ въ Верховный Тайный Совѣтъ призванъ и о томъ ему отъ самой Ея Величества объявлено. (Т. LVI, 12). Въ журналѣ 26 августа изображено: во время того же собранія былъ тайный кабинетъ-секретарь Алексѣй Макаровъ и объявилъ, что Ея Императорское Величество указала съ д. т. с. кн. В. Долгоруковымъ отпустить камеръ-пажа Григорья Петрова Соловьева и дать ему для сей посылки противъ другихъ 500 рублевъ, о чемъ въ томъ же собраніи записанъ протоколъ. (Т. LVI, 55. 57. Ср. также стр. 62). Въ журналѣ 10 октября 1726 г. читаемъ: господинъ канцлеръ графъ Головкинъ призывалъ къ себѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василья Степанова и объявилъ, что былъ онъ вчерашняго числа у Ея Императорскаго Величества въ домѣ, и Ея Императорское Величество указала митрополита Грузинскаго по его прошенію въ Москву отпустить и дать ему подводы. И изволила повелѣть, чтобы о всѣхъ духовныхъ Грузинцахъ и содержаніи ихъ какое опредѣленіе учинить, дабы они были довольны. (Т. LVI, стр. 265). Въ журналѣ 20 марта 1727 г. записано: рейхсъ-маршалъ генералъ-фельдмаршалъ князь Меншиковъ объявилъ Ея Императорскому Величеству указъ о выборѣ въ юстицъ-коллегію вновь президента... (Т. LXIII, 370, 371). Тайный совѣтникъ господинъ Макаровъ объявилъ указъ отъ Ея Императорскаго Величества о опредѣленіи въ юстицъ-коллегію въ совѣтники Петра Лобкова (т. LXIII. стр. 372). Характернымъ фактомъ, рисующимъ отношеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта къ императрицѣ является „журнальная запись“ 11 апрѣля 1727 г. въ которой мы читаемъ: „свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ объявилъ, что Ея Императорское Величество указала изъ Украйны всѣхъ жидовъ выслать и изъ Россійской Имперіи за-границу. Вслѣдствіе этого указа составляется протоколъ. (Т. LXIII, 446).

[1] С. Р. И. О, (т. LV, стр. 94).

[2] Тамъ же т. LV, стр. 57.

[3] Тамъ же т. LV, 68, 69.

[4] Тамъ же т. LVI, стр. 173, 251

скаго экзекутора Ѳедота Елагина для исправленія всякихъ дѣлъ, понеже и изъ Сената и изъ коллегій по требованіямъ чинится многое замедленіе [1]. Однако до 6 февраля эта резолюція осталась безъ послѣдствій, на засѣданіи же этого числа былъ составленъ протоколъ, который постановляетъ, что при канцеляріи Верховнаго Тайнаго Совѣта для взысканія по посланнымъ въ Сенатъ и въ коллегіи указамъ исполненія и репортовъ, какъ о томъ указы и регламенты повелѣваютъ, быть экзекутору Ѳедоту Елагину, который нынѣ при Сенатѣ [2]. На засѣданіи, на которомъ была принята эта резолюція, не было Меньшикова, и, когда ему былъ представленъ протоколъ о назначеніи Елагина, онъ отказался подписать его, мотивируя свой отказъ тѣмъ, „что де хорошо ли то будетъ при такомъ мѣстѣ, гдѣ сама Ея Императорское Величество присутствуетъ, быть экзекутору и не позволятъ ли де прочія присутствующія особы повелѣть справиться, есть ли у другихъ европейскихъ потентатовъ, а именно у цесарскаго величества, при такихъ канцеляріяхъ экзекуторы, и въ какихъ рангахъ, и сіе приказали представить въ разсужденіе“ [3]. Этотъ курьезный протестъ Меньшикова не произвелъ впечатлѣнія, и протоколъ, такъ и оставшійся неподписаннымъ свѣтлѣйшимъ княземъ, былъ утвержденъ императрицей, и 1 марта „передъ собраніемъ экзекутору Елагину о бытіи ему при канцеляріи Верховнаго Тайнаго Совѣта указъ сказанъ“ [4].

Глава V.

Дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта, направленная противъ Сената и Синода.

Г. Филипповъ посвящаетъ много страницъ своего изслѣдованія обзору дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта въ царствованіе Екатерины. Этотъ обзоръ долженъ доказать, что дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта проникнута была одной тенденціей—стремленіемъ къ политическому верховенству. „Стремленіе къ политическому верховенству,“ говоритъ г. Филипповъ, „отличало всѣ дѣйствія Совѣта съ первыхъ до послѣднихъ ша-

[1] Тамъ же т. LXIII, 45.
[2] Тамъ же т. LXIII, стр. 94.
[3] Тамъ же т. LXIII, 134.
[4] Тамъ же т. LXIII, 187.

говъ его дѣятельности.“ [1] „Поскольку перемѣны въ учрежденіяхъ были нужны для осуществленія идеи господства, постолько онѣ по преимуществу и совершаются въ эпоху правленія Верховнаго Тайнаго Совѣта.“ [2] „Развивая... постепенно кругъ своего вѣдомства и подчиняя своей власти всѣ учрежденія страны (за исключеніемъ развѣ Св. Синода), Верховный Тайный Совѣтъ дѣлаетъ это, говоря вообще, не столько въ интересахъ усовершенствованія, въ интересахъ государственнаго механизма и правительственной техники, сколько въ интересахъ своей первенствующей, правящей роли въ государствѣ.“ [3] „Совѣтъ былъ учрежденіемъ политическаго характера, замѣчаетъ г. Филипповъ въ другомъ мѣстѣ.—Политическія цѣли, которыя лежали въ его основаніи и которыя онъ постоянно и неуклонно проводилъ въ своей дѣятельности, не могли, прежде всего, не вліять на его правительствующую роль, не могли не умалять его дѣловаго значенія.“ [4] „Административно техническія цѣли, реорганизація высшаго центральнаго управленія, говоритъ нашъ авторъ словами П. Н. Милюкова, отошли на задній планъ передъ цѣлями политическими.“ [5]

Эти политическія цѣли, по мнѣнію г. Филиппова, всего рѣзче выразились въ отношеніяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта къ Сенату: онъ и останавливается поэтому весьма подробно на этихъ отношеніяхъ. Онъ пишетъ цѣлую главу, посвященную исторіи преобразованія Сената и характеру отношеній Сената къ Верховному Тайному Совѣту. [6] Онъ хочетъ изложить здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ перемѣны, которыя тотчасъ послѣ учрежденія Совѣта началъ испытывать на себѣ Сенатъ. Хронологическій разсказъ г. Филипповъ предпочитаетъ потому, что, благодаря такому разсказу, яснѣе и лучше изображается общій послѣдовательный ходъ измѣненій, рельефнѣе выступаетъ наружу постепенность захватовъ, дѣлаемыхъ однимъ учрежденіемъ на счетъ другаго. „Для насъ, говоритъ онъ, — послѣднее обстоятельство имѣетъ рѣшающее знаніе. [7] Совѣтъ, приступая къ ограниченію компетенціи Сената и другихъ учрежденій, едва-ли

---

[1] Г. Филипповъ. Исторія Сената стр. 70.
[2] Тамъ же, стр. 34.
[3] Тамъ же, стр. 33.
[4] Тамъ же, стр. 136, 137.
[5] Тамъ же, стр. 141.
[6] Тамъ же, стр. 145—224.
[7] Тамъ же, стр. 151.

имѣлъ вполнѣ ясный и опредѣленный планъ для своихъ дѣйствій. Его цѣлью было лишь установленіе и развитіе своего верховенства.[1] Совѣту удалось быстро (едва-ли въ какіе-нибудь пятнадцать мѣсяцевъ) безъ опредѣленнаго заранѣе и вполнѣ яснаго плана, *разрушить* прежнюю организацію Сената: компетенція его была сведена къ наименѣе важнымъ дѣламъ управленія, его учрежденія частію были *уничтожены*, частію *искалѣчены*, его общее значеніе было сильно подорвано самовластительствомъ Совѣта.[2] Все это сказано очень авторитетнымъ и рѣзкимъ тономъ. Почтенный профессоръ не скупится на сильныя слова, чтобы „рельефнѣе“ охарактеризовать отношеніе Совѣта къ Сенату. Посмотримъ же, насколько сила его выраженій соотвѣтствуетъ силѣ его доводовъ. Прежде всего спросимъ себя, въ чемъ же заключаются тѣ мѣропріятія Верховнаго Тайнаго Совѣта, которыя г. Филипповъ характеризуетъ захватами и которыя, по его словамъ, искалѣчили, уничтожили, разрушили прежнюю организацію Сената? На это мы находимъ у почтеннаго автора прямой отвѣтъ, который онъ формулируетъ словами: „Указы 8-го февраля, 14-го и 28-го марта, равно какъ явившійся въ промежутокъ между этими указами указъ „о должности“ (7-го марта) и мнѣніе не въ указъ составляютъ вмѣстѣ циклъ мѣропріятій, направленныхъ противъ Сената почти одновременно.[3] Мы эти указы, перечисленные г. Филипповымъ и разсмотримъ и притомъ въ томъ хронологическомъ порядкѣ, который онъ намъ рекомендуетъ.

Но тутъ на первыхъ же порахъ мы останавливаемся въ недоумѣніи. Намъ указываютъ на указъ 8-го февраля, какъ на первое мѣропріятіе, направленное противъ Сената Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, а между тѣмъ это мѣропріятіе было принято, когда еще не существовало Верховнаго Тайнаго Совѣта. Какъ же можетъ указъ, вызвавшій только къ жизни Верховный Тайный Совѣтъ, стоять на первомъ мѣстѣ среди указовъ, которые должны служить доказательствомъ самовластительства Совѣта? Это одинъ изъ тѣхъ доводовъ г. Филиппова, противъ которыхъ совершенно безсильна та аргументація, которой мы располагаемъ.

Такое же недоумѣніе вызываетъ и ссылка г. Филиппова на

---

[1] Тамъ же, стр. 154.

[2] Тамъ же, стр. 189.

[3] Тамъ же, стр. 156. Ср. также стр. 29—33.

указъ о должности Сената 7-го марта. Это не указъ, объявленный Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, это—непосредственное повелѣніе государыни, состоявшееся безо всякаго участія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Болѣе чѣмъ странно приводить его среди указовъ, долженствующихъ охарактеризовать политику захватовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, направленную противъ Сената.

Третій указъ, приводимый г. Филипповымъ о именованіи Сената высокимъ, а не Правительствующимъ, является именнымъ указомъ, объявленнымъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Но уже не говоря о томъ, что врядъ-ли можно въ переименованіи Сената видѣть мѣропріятіе, разрушившее или, по крайней мѣрѣ, искалѣчившее прежнюю организацію Сената, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что то скромное участіе, которое принялъ Верховный Тайный Совѣтъ въ изданіи этого указа, никоимъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ ни самовластительства Сената, ни его стремленія къ политическому господству. Это участіе выразилось въ слѣдующемъ: 7 марта было донесено Верховному Тайному Совѣту, что промеморіи изъ иностранной коллегіи въ Сенатъ не приняли затѣмъ, что правительствующій не написанъ (и притомъ свѣтлѣйшій князь объявилъ, что и отъ нихъ, изъ военной коллегіи, не принимаютъ затѣмъ же) и что о томъ вчера въ бытность въ коллегіи иностранной оберъ-прокурора Бибикова спрашивали, для чего не принимаютъ и онъ тоже объявилъ, что затѣмъ, что Сенатъ правительствующимъ не написанъ и самимъ имъ оставить то невозможно, понеже и изъ кабинета къ нимъ пишутъ еще правительствующій. [1] По поводу этого донесенія не было принято никакой резолюціи въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ: оно было просто внесено въ журналъ. 11 марта Тайный кабинетъ-секретарь Макаровъ явился на засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и сообщилъ, что на запросъ императрицы, какое предлагаютъ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта дать наименованіе Сенату, онъ прочелъ ея величеству соотвѣтствующее мѣсто изъ мнѣнія не въ указъ. Это же мѣсто гласило: понеже сношеніе съ Сенатомъ изъ другихъ коллегій остановилось затѣмъ, что не вѣдаютъ, какимъ образомъ Сенатъ титуловать, ибо правительствующій уже писать невозможно, того ради Сенату придать титулъ высокоповѣренный или и просто высокій. Изъ этихъ двухъ наименованій, предложенныхъ Верховнымъ Тайномъ Совѣтомъ, императрица избираетъ послѣднее.

[1] С. Р. И. О. т. LV стр. 80.

„Ея величество соизволила повелѣть Сенату именоваться и писаться впредь съ нынѣшняго времени высокій Сенатъ и чтобы объ томъ немедленно указы отправить". [1] Верховный Тайный Совѣтъ исполняетъ это повелѣніе императрицы, составляется соотвѣтствующій протоколъ, а 14 марта съ этого протокола изготовляется указъ, который, такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, является ничѣмъ инымъ, какъ непосредственнымъ повелѣніемъ императрицы. Наврядъ-ли возможно поэтому указывать на это повелѣніе, какъ на проявленіе самовластительства Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Четвертымъ мѣропріятіемъ, направленнымъ будто бы Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ противъ Сената, является по утвержденію г. Филиппова, мнѣніе не въ указъ. Этому акту г. Филипповъ придаетъ особенно важное значеніе. Приведя 3, 9 и 12 пунктъ этого мнѣнія, г. Филипповъ продолжаетъ: Стремясь на первыхъ же порахъ оставить за собою политическое руководительство страной, Верховный Тайный Совѣтъ въ приведенныхъ указахъ (8 февраля, 9 и 14 марта) и мнѣніи либо пытается слиться воедино съ личностью императрицы, либо пытается стать съ ней рядомъ, какъ величина ей равная. [2] Въ другомъ мѣстѣ г. Филипповъ называетъ это мнѣніе не въ указъ самымъ рѣзкимъ выраженіемъ стремленій Совѣта, учрежденія, имѣвшаго своей тенденціей,—съ вольнаго или невольнаго согласія государей—олицетворить въ себѣ ихъ верховную власть. [3] И ту же мысль, и притомъ буквально одними и тѣми же словами (странная случайность!)—нашъ авторъ повторяетъ на послѣднихъ страницахъ своего изслѣдованія. [4]

Мы не будемъ здѣсь разбирать содержаніе мнѣнія не въ указъ, какъ не разбирали и содержаніе указовъ 8 февраля, 9 и 14 марта, а только зададимся вопросомъ: можно ли тенденціи, проявляющіяся будто бы въ этомъ мнѣніи, признать исходящими отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта? На этотъ вопросъ тѣмъ легче отвѣтить, что вся исторія происхожденія мнѣнія не въ указъ у насъ передъ глазами: стоитъ только просмотрѣть протоколы и журналы Верховнаго Тайнаго Совѣта за это время.

Изъ журнала 23 февраля 1726 г. мы узнаемъ, что *мнѣніе не въ указъ было составлено никѣмъ инымъ, какъ герцогомъ Голштин-*

[1] Тамъ же т. LV стр. 87, 96.
[2] Исторія Сената, 32, 33.
[3] Тамъ же стр. 80.
[4] Тамъ же стр. 480.

скимъ, зятемъ императрицы и самымъ близкимъ ей человѣкомъ и имъ же внесено въ Верховный Тайный Совѣтъ.

Въ этотъ день 23 февраля герцогъ Голштинскій всего во второй разъ посѣтилъ Верховный Тайный Совѣтъ. Онъ произнесъ на этомъ засѣданіи привѣтственную рѣчь, въ которой объяснилъ, что вступаетъ въ Верховный Тайный Совѣтъ равноправнымъ членомъ и товарищемъ, и хочетъ, идя рука объ руку съ другими, трудиться общими силами на общее благо. [1] Въ этотъ же день императрица присутствовала въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Она сидѣла на креслѣ подъ балдахиномъ, а герцогъ Голштинскій на правой сторонѣ стола, на первомъ стулѣ, а прочіе при томъ же столѣ по своимъ мѣстамъ. [2] Рѣчь герцога была внесена, по его требованію, въ протоколъ. И хотя „гг. министры отъ подписанія того протоколу долго оттоваривались и представляя его высочеству, что того имъ учинить весьма неприлично и особливо безъ соизволенія ея императорскаго величества на то поступить не могутъ, но напослѣди по усильному его высочества требованію, тотъ протоколъ всѣ подписали." [3]

Мы приводимъ эти подробности, чтобы охарактеризовать ту обстановку и тѣ условія, при которыхъ герцогъ Голштинскій предложилъ на разсмотрѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта составленное имъ мнѣніе не въ указъ. Если мы далѣе примемъ во вниманіе, что императрица называла герцога въ указѣ Верховному Тайному Совѣту своимъ любезнѣйшимъ зятемъ, „на вѣрное радѣніе котораго къ ней и ея интересамъ совершенно положиться можетъ", то мы не удивимся, что это мнѣніе было почтительно выслушано всѣми членами Верховнаго Тайнаго Совѣта и принято ими лишь съ немногими несущественными поправками. Нѣкоторымъ членамъ это мнѣніе было даже совершенно неизвѣстно, до внесенія его герцогомъ въ Тайный Верховный Совѣтъ: князь Меншиковъ, который не былъ на засѣданіи 23 февраля, долженъ былъ поэтому на слѣдующемъ засѣданіи 25 февраля взять его съ собой на домъ для прочтенія. [4]

На засѣданіи 2 марта мнѣніе королевскаго высочества было прочитано со сдѣланными къ нему поправками и ремарками Остермана, который за болѣзнію вовсе не посѣщалъ засѣданія

[1] С. Р. И. О. LV, стр. 56.
[2] Тамъ же т. LV, стр. 58.
[3] Тамъ же т. LV, стр. 65.
[4] Тамъ же т. LV, стр. 63, 64.

Верховнаго Тайнаго Совѣта.[1] 11 марта „мнѣніе о учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта“ отдано было кабинетъ-секретарю Макарову, дабы донесъ ея императорскому величеству для всемилостивѣйшей ея на то аппробаціи. Кабинетъ-секретарь и пошелъ къ императрицѣ, но вскорѣ, возвратясь, объявилъ, „что онъ о томъ ея императорскому величеству доносилъ, и изволила опредѣлить — слушать въ иное время“.[2] На засѣданіи 16 марта, на которомъ были Меншиковъ, Апраксинъ, Головкинъ, Голицынъ, „изволилъ прибыть королевское высочество герцогъ Голштинскій; а по немъ т. д. с. графъ Толстой и тайный кабинетъ-секретарь Макаровъ, возвратясь объявилъ, что онъ о учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта (которое отдано ему сего мѣсяца 11 дня, чтобы онъ донесъ ея императорскому величеству для всемилостивѣйшей аппробаціи) е. в. докладывалъ: которое слушать и аппробовать соизволила, кромѣ нѣкоторыхъ пунктовъ, которымъ при томъ отдалъ записку.[3] Въ этой запискѣ императрица писала, что въ цѣломъ аппробуетъ мнѣніе съ слѣдующими, однако, измѣненіями и оговорками. 3-й пунктъ, въ которомъ говорилось согласно съ мнѣніемъ герцога Голштинскаго,[4] что протоколы прежде подписываются членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, а потомъ о нихъ доносятъ императрицѣ для аппробаціи, измѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы протоколы по важнымъ дѣламъ прежде, чѣмъ они будутъ подписаны членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, были бы представлены императрицѣ для аппробаціи и лишь послѣ этой аппробаціи были подписываемы членами Верховнаго Тайнаго Совѣта и въ дѣйство произведены. На 5-й пунктъ объ особыхъ аппартаментахъ императрица повелѣла учинить особое мнѣніе съ изъясненіемъ. На послѣдній пунктъ, въ которомъ предлагалось, чтобы Синодъ по прежнему объ обыкновенныхъ дѣлахъ посылалъ въ Сенатъ указы, а о новыхъ дѣлахъ, закономъ не предусмотрѣнныхъ, указовъ бы не выдавалъ, пока не донесетъ напередъ ея императорскому величеству въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, государыня замѣтила, не лучше ли такимъ образомъ учинить, чтобы Синодъ съ Сенатомъ сносились промеморіями, а о новыхъ синодскихъ дѣлахъ и, какъ имъ впредь выдавать указы, учинить мнѣніе со изъясненіемъ. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, выслушавъ

[1] Тамъ же т. LV, стр. 68.
[2] Тамъ же т. LV, стр. 87.
[3] Тамъ же т. LV, стр. 92.
[4] Тамъ же т. LV, стр. 68.

эту записку императрицы, согласно съ выраженной въ ней высочайшей волей, приговорили: по тому ея величеству указу, *о чемъ подлежитъ объявить и публиковать, о томъ послать указъ въ Сенатъ и оному сочинить экземпляръ и оный прочитать въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ*, а о прочихъ противъ 5-го пункта о аппартаментахъ и противъ послѣдняго о Синодѣ сочинить мнѣніе ради донесенія ея императорскому величеству для ея всемилостивѣйшей аппробаціи, тако жъ объ апелляціяхъ выправиться съ указы и уже поставя о томъ на мѣрѣ публиковать. [1]

Согласно этой резолюціи Верховнаго Тайнаго Совѣта, которая состоялась въ исполненіе воли императрицы и было повелѣно Сенату составить экземпляръ указа, который бы включилъ пункты аппробованные императрицей и подлежавшіе публикаціи.

Какіе же были эти пункты?

Мнѣніе обнимаетъ 13 пунктовъ. На 5-й пунктъ (объ особыхъ аппартаментахъ), на 12-й пунктъ (объ апелляціи на Сенатъ) постановили, какъ мы сейчасъ видѣли, составить особое мнѣніе со изъясненіемъ. Эти пункты поэтому въ указъ, составленіе котораго было поручено Сенату, взойти не могли. 8-й, 9-й, 10-й и 11-й пункты, опредѣляющіе компетенцію Верховнаго Тайнаго Совѣта [2] и лишь подробнѣе развивающіе общее опредѣленіе, постановленное въ указѣ 8 февраля, не должны были также войти въ указъ. Точно также не подлежали включенію въ этотъ указъ всѣ тѣ пункты, которые касались внутренняго распорядка и дѣлопроизводства Верховнаго Тайнаго Совѣта, а именно 1-й, постановлявшій, въ какіе дни долженъ былъ собираться Вер-

[1] Тамъ же т. LV, стр. 96, 97.

[2] 9-й пунктъ, гласящій, что тѣ дѣла, которыя въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ обращаться имѣютъ, должны быть во-первыхъ чужестранныя, во-вторыхъ, всѣ тѣ, которыя до ея императорскаго величества собственнаго Высочайшаго рѣшенія касаются, опредѣляетъ кругъ тѣхъ дѣлъ, по которымъ Верховный Тайный Совѣтъ подаетъ свои мнѣнія императрицѣ. 8-й, 10-й и 11-й пункты точнѣе формулируютъ это общее постановленіе о компетенціи Верховнаго Тайнаго Совѣта. 8-й пунктъ опредѣляетъ, что иностранная коллегія доноситъ о предложеніяхъ чужеземныхъ министровъ ея императорскому величеству въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. 10-й пунктъ говоритъ, что всѣ учрежденія, созданныя указомъ 22 декабря 1718 г., остаются въ силѣ и опредѣляетъ, что, какъ всѣ дѣла, закономъ не предусмотрѣнныя (о чемъ уставу и опредѣленіе не имѣется), такъ и новыя подати и новыя учрежденія восходятъ на утвержденіе императрицы черезъ Верховный Тайный Совѣтъ. 11-й пунктъ опредѣляетъ, что дѣла трехъ первыхъ коллегій должны быть подчинены непосредственно императрицѣ, при чемъ тѣ изъ нихъ, которыя подлежатъ особой тайнѣ, докладываются прямо императрицѣ, тѣ же, которыя такой тайнѣ не подлежатъ и требуютъ зрѣлаго разсужденія, тѣ докладываются императрицѣ для всемилостивѣйшей аппробаціи отъ всего Совѣта.

ховный Тайный Совѣтъ, пунктъ 6-й, говорящій о журналахъ и протоколахъ, и пунктъ 7-й о канцеляріи.

Остаются, такимъ образомъ, пункты 2-й, 3-й и 4-й. Они и взошли въ указъ, составленіе котораго 16 марта было поручено Сенату.

Этотъ указъ былъ изготовленъ къ 22 марту,[1] а 28 марта опубликованъ. Онъ послѣ введенія, напоминающаго содержаніе указовъ 8 февраля и 14 марта воспроизводитъ существенное содержаніе пунктовъ 2 и 3 мнѣнія не въ указъ, какъ это видно изъ слѣдующаго сопоставленія этихъ двухъ актовъ:

Указъ 28 марта.

А нынѣ мы указали изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, *въ которомъ мы сами присутствуемъ и Президентство имѣемъ*, отправлять наши указы въ Сенатъ и въ другія всѣ мѣста, куда потребно будетъ, именемъ нашимъ, а именно: *въ началѣ писать Божіею Милостію, Мы*, Екатерина Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая. *Въ срединѣ*, гдѣ пристойно и къ сенсу будетъ, *повелѣваемъ. А во окончаніи: данъ въ нашемъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.* И которые не будутъ за соб-

Мнѣніе герцога Голштинскаго:

Понеже Ея Величество въ ономъ Тайномъ Совѣтѣ *первое президентство* сама управляетъ и причина имѣется уповать, что она персонально часто присутствовать будетъ и того ради оный Тайный Совѣтъ толь наименьше за особливое коллегіумъ или и како почтенъ быть можетъ, понеже оной токмо ея величеству ко облегченію въ тяжкомъ ея правительствѣ бремени служить всѣ дѣла скорѣе отправлены и рѣшены и болѣе нежели отъ одного къ ея величества безопасности и государства приращеніе разсужденіе

[1] Въ этотъ день д. с. с Василій Степановъ былъ у императрицы и прочелъ ей этотъ указъ. (т. LV, стр. 130, 131). 28 марта онъ былъ принесенъ кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ въ Верховный Тайный Совѣтъ. Въ журналѣ засѣданія, состоявшаго въ этотъ день въ присутствіи его королевскаго высочества и всѣхъ прочихъ, опредѣленныхъ въ ономъ Тайномъ Совѣтѣ, особъ, мы читаемъ: „Между тѣмъ проходилъ тайный кабинетъ-секретарь Макаровъ и принесъ указъ, сочиненный въ Сенатъ о новой формѣ, какимъ образомъ впредь изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта будутъ отправляться указы и какъ изъ Сената будутъ отправляться указы и какъ изъ Сената и изъ другихъ мѣстъ во оный допошенія писать, чтобъ тотъ указъ кому контрасигнировать, а потомъ Е. И. В. оный подписать изволитъ. И по приказу Верховнаго Тайнаго Совѣта у онаго указу внизу подписалъ д. с. с. Василій Степановъ имя свое и потомъ оный ея величество государыня подписать изволила и прислала въ Верховный Тайный Совѣтъ, который въ то же время отданъ сенаторамъ генераламъ-маіорамъ Девіеру и Салтыкову, которые приходили съ разными доношеніями (т. LV стр. 151).

ственною нашею рукою, и въ тѣхъ *по датумѣ будетъ писано по нашему указу.*

А къ тѣмъ указамъ подписывать по прежнему опредѣленію д. с. с. Василію Степанову.

Рапорты же, доношенія или представленія, которыя и Сенату и другихъ коллегій или канцелярій приходить могутъ и до вершенія Верховнаго Тайнаго Совѣта принадлежатъ, имѣютъ прямо на имя наше писаны быть именно по сему: ея императорскому величеству Самодержицѣ Всероссійской всеподданнѣйшее доношеніе изъ Сената и тому подобно и изъ другихъ мѣстъ. И къ тѣмъ доношеніямъ подписываться самимъ членамъ въ Сенатѣ, а изъ коллегій и президентамъ и членамъ. *А въ тѣхъ доношеніяхъ въ низу подписывать: къ поданію въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.*

имѣть будетъ, дабы толь безопаснѣе высокимъ Ея именемъ указы выходили, а имянно, не въ указъ слѣдующимъ образомъ: *въ началѣ писать: Мы Божіею Милостію въ срединѣ: повелѣваемъ, а во окончаніи: данъ въ нашемъ Тайномъ Совѣтѣ. Послѣ датума: по указу ея императорскаго Величества.*

Никакимъ указамъ прежнимъ не выходить, пока оные въ Тайномъ Совѣтѣ совершенно не состоялись, протоколы не закрѣплены и ея величеству для Всемилостивѣйшей аппробаціи прочтены не будутъ и потомъ могутъ оные по учиненному здѣсь опредѣленію *отъ д. с. с. Степанова закрѣплены и отправлены быть.*

Тѣ рапорты, доношенія или представленія, которыя изъ Сенату и другихъ коллегій, или канцелярій, приходить могутъ и до вершенія Тайнаго Совѣта принадлежатъ, не имѣютъ на имя Тайнаго Совѣта, но, для объявленной во второмъ пунктѣ причины, прямо на имя ея императорскаго величества надписаны быть, однакоже къ поданію въ Тайномъ Совѣтѣ.

Различіе между этими двумя актами обусловливается тѣмъ, что первый представляетъ собою мнѣніе, которое предназначалось не для того, чтобы его въ дѣйство производить, а для того, чтобы представить его на усмотрѣніе императрицы; второй же есть указъ, долженствовавшій быть опубликованнымъ, чтобы по оному чинить. Поэтому въ указѣ изъ втораго пункта мнѣнія опущены мотивы, изъ третьяго—опредѣленія, говорящія о протоколахъ и касающіяся внутренняго распорядка Верховнаго Тайнаго Совѣта, его дѣлопроизводства, и оставлено то, что̀ касается формы указа. 4-й пунктъ мнѣнія воспроизведенъ почти буквально: въ указѣ мы находимъ лишь дополненіе, которое точнѣе опредѣляетъ форму донесеній различныхъ учрежденій въ Верховный Тайный Совѣтъ.

Ставить поэтому эти два разнородныхъ и несоразмѣримыхъ акта рядомъ, какъ это дѣлаетъ г. Филипповъ, приводя ихъ въ циклъ мѣропріятій, направленныхъ противъ Сената, значитъ совершенно игнорировать ихъ черты сходства и различія и забывать ихъ взаимное отношеніе. Если указъ 28 марта есть „мѣропріятіе“, то такимъ „мѣропріятіемъ“ мнѣніе, внесенное герцогомъ Голштинскимъ, во всякомъ случаѣ не является. Однако при такомъ формальномъ различіи этихъ двухъ актовъ они по содержанію близко сходятся: указъ воспроизводитъ, какъ мы сейчасъ видѣли, существенные пункты мнѣнія герцога Голштинскаго. Объ этомъ отношеніи разбираемыхъ двухъ актовъ г. Филипповъ какъ-будто и не подозрѣваетъ, и только этимъ и объясняется, что онъ считаетъ возможнымъ и мнѣніе герцога Голштинскаго, *и списанный съ него указъ 28 марта* выставлять образчикомъ тѣхъ захватовъ, которыми Верховный Тайный Совѣтъ обнаружилъ свое стремленіе къ политическому господству.

Покончивъ съ тѣмъ цикломъ мѣропріятій, которыя были направлены Верховнымъ Тайномъ Совѣтомъ противъ Сената и которыя г. Филипповъ признаетъ первоначальными и важнѣйшими, мы, слѣдуя его изложенію, переходимъ къ тѣмъ второстепеннымъ актамъ, которые, по его увѣренію, имѣли цѣлью развить идею верховенства Совѣта, въ подробностяхъ въ спеціальной области финансоваго управленія.

Эти мѣропріятія сводятся, по словамъ г. Филиппова, къ слѣдующимъ узаконеніямъ: къ указу 15 іюля 1726 года, къ указу 4 января 1727 года и къ 9 пункту указа 24 февраля 1727 года.

Объ указѣ 15 іюля 1726 года мы уже говорили выше: онъ запрещаетъ отпускать изъ штатсъ-конторы деньги, товары и вещи

безъ именнаго повелѣнія. Это прежде всего не указъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, *а непосредственное повелѣніе императрицы, состоявшееся безъ участія Верховнаго Тайнаго Совѣта.* Его изданіе не оставило никакихъ слѣдовъ ни въ протоколахъ, ни въ журналахъ Совѣта. Г. Филипповъ не только умалчиваетъ объ этомъ важномъ обстоятельствѣ, но считаетъ даже возможнымъ говорить объ этомъ указѣ въ своемъ обзорѣ законодательной дѣятельности Совѣта въ области финансоваго управленія, какъ-будто этотъ указъ является однимъ изъ проявленій этой дѣятельности. Но этого мало: онъ даже прямо причисляетъ повелѣніе 15 іюля къ указамъ, прошедшимъ чрезъ Верховный Тайный Совѣтъ.“ [1] Это опять одинъ изъ тѣхъ пріемовъ изслѣдованія, которые невольно подрываютъ довѣріе къ выводамъ автора. Указъ 15 іюля—непосредственное повелѣніе Императрицы; онъ состоялся въ отсутствіе Меньшикова, былъ направленъ противъ словесныхъ повелѣній, объявляемыхъ отдѣльными персонами за ихъ подписью, и имѣлъ цѣлью предупредить злоупотребленіе этихъ отдѣльныхъ сильныхъ персонъ вообще и Меньшикова въ особенности. Онъ не только не является, такимъ образомъ, проявленіемъ самовластительства Верховнаго Тайнаго Совѣта, а напротивъ, представляетъ собой повелѣніе императрицы, направленное противъ самовластительства сильныхъ персонъ, одна изъ которыхъ (Меньшиковъ) засѣдала въ самомъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.

Указъ 4 января 1727 года о подачѣ въ Верховный Тайный Совѣтъ еженедѣльныхъ о приходѣ и расходѣ денежной казны вѣдомостей—указъ именной, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта [2].

---

[1] Исторія Сената, стр. 88, 89.

[2] Участіе послѣдняго въ его изданіи выразилось въ слѣдующемъ. Въ журналѣ 19 декабря 1726 года записано: Написать протоколъ о посылкѣ въ Синодъ, въ Сенатъ, и въ первыя три коллегіи указовъ о рапортованіи еженедѣльно, гдѣ сколько на расходы на лицо денегъ будетъ обрѣтаться т. LVI, стр. 538). Самый же протоколъ гласитъ: 1726 года, декабря въ 19-й день, Ея Императорское Величество указала для всегдашняго въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ извѣстія подавать въ Сенатъ вѣдомости изъ Синода и изо всѣхъ коллегій и канцелярій, кромѣ двухъ Воинскихъ и Иностранной коллегій, сколько гдѣ въ приходѣ и въ расходѣ денежной казнѣ будетъ и что за расходы—на лицо. А въ Сенатѣ чиня изъ всѣхъ тѣхъ вѣдомостей перечневые, подавать въ Верховный Тайный Совѣтъ въ каждый понедѣльникъ неотмѣнно (т. LVI, стр. 541). Этотъ протоколъ былъ подписанъ 30 декабря, а съ него опубликованъ самый указъ 4 января.

Указъ этотъ, по увѣренію г. Филиппова, былъ изданъ *конечно* для того, чтобы Совѣтъ зналъ о состояніи государственнаго казначейства, могъ, сообразно съ этимъ, распоряжаться его суммами (стр. 168). Этимъ указомъ, какъ и указомъ 15 іюля, Верховный Тайный Совѣтъ съ одной стороны, по увѣренію г. Филиппова „придавалъ всѣмъ фанансовымъ распоряженіямъ извѣстное единство, съ другой, *конечно*, способствовалъ успленію значенія самого учрежденія.“ Совѣтъ, продолжаетъ нашъ авторъ, отлично понималъ это, почему и относился очень ревниво къ сохраненію своего верховенства въ данной области (стр. 89). Такія утвержденія, въ особенности когда они исходятъ отъ юриста, который связываетъ съ терминомъ верховенства очень опредѣленныя понятія, поистинѣ поразительны. Обладать верховенствомъ въ области финансоваго управленія значитъ обладать высшей, то-есть самостоятельною, независимою властью установлять подати и налоги и распоряжаться государственными суммами. Между тѣмъ указъ 15 іюля, какъ мы знаемъ, признаетъ это верховенство только за суверенным органомъ, за государыней, какъ при существовавшемъ тогда государственномъ строѣ, иначе и быть не могло; онъ запрещаетъ дѣлать изъ штатсъ-конторы какія-либо выдачи безъ именнаго повелѣнія, подписаннаго или Императрицей или Степановымъ, закрѣпа котораго свидѣтельствовала, что протоколъ, послужившій основаніемъ указа, аппробованъ Императрицей и подписанъ членами Верховнаго Тайнаго Совѣта. Это учрежденіе, какъ совѣщательный органъ въ области верховнаго управленія, не имѣло права собственною властью, то-есть безъ аппробаціи Императрицы, распорядиться хотя бы одною копѣйкой изъ государственной казны. Указъ же 4 января не говоритъ вовсе о правѣ кого бы то ни было распоряжаться государственными суммами, а только требуетъ, чтобы свѣдѣнія о движеніи государственныхъ суммъ сосредоточивались въ Сенатѣ, который въ свою очередь долженъ былъ докладывать объ нихъ еженедѣльно императрицѣ черезъ Верховный Тайный Совѣтъ. Все это г. Филипповъ, конечно, прекрасно знаетъ и понимаетъ; тѣмъ удивительнѣе, что онъ считаетъ возможнымъ говорить объ этихъ двухъ актахъ, какъ о законодательныхъ мѣрахъ, имѣвшихъ цѣлью развить въ подробностяхъ идею верховенства Совѣта въ области финансоваго управленія!

Эту цѣль имѣлъ, по увѣренію г. Филиппова и 9-й пунктъ

указа 24 февраля, возстановляющій Ревизіонъ-коллегію [1]. Посмотримъ же, насколько это утвержденіе согласуется съ исторіей этого узаконенія.

Екатерина унаслѣдовала отъ Петра полную дезорганизацію финансоваго управленія. Сенатъ, въ вѣдѣніи котораго послѣ упраздненія Ревизіонъ-коллегіи находилась Ревизіонъ-контора, былъ совершенно безсиленъ вести правильную отчетность. Ягужинскій въ представленной имъ императрицѣ запискѣ предлагалъ возстановить Ревизіонъ-коллегію. „Ревизія понынѣ", пишетъ онъ, „весьма недѣйствительна, понеже счеты не токмо не всѣ не получены и не ревизованы, и въ дѣйство не произведены, но и персона, кому то исправлять, была еще не опредѣлена... и нѣтъ ли какого ущерба—того безъ ревизіи знать не можно. И хотя нынѣ въ контору персона и опредѣлена, однако-жь такъ сильно, какъ бы коллегія, взыскивать не можетъ, токмо приходитъ и о всемъ доноситъ въ Сенатѣ... Того ради мнится ревизію по прежнему учинить коллегіей надлежитъ, чтобы безъ докладовъ счетъ и сильное взысканіе чинить могла". [2] Ревизіонъ-коллегія по указу Екатерины отъ 7 іюля 1725 года и должна была быть возстановлена. Въ этомъ именномъ указѣ, объявленномъ изъ Сената, Императрица указала оберъ-ревизіонъ-контору учинить по-прежнему коллегіей, дабы крѣпкое смотрѣніе было за приходами и расходами [3]. Однако указъ этотъ остался мертвою буквой. Ревизіонъ-коллегія не была возстановлена. 13-й пунктъ именнаго указа 7 марта 1726 года о должности Сената постановляетъ: „Ревизіонъ-контору имѣть счетомъ въ полномъ

---

[1] 9-й пунктъ указа 24 февраля гласитъ: И понеже ревизія не меньше, какъ и экономія, а у насъ только она именемъ, а въ самомъ дѣлѣ счету никогда не бывало, и отъ того происходитъ, что и по сіе время нѣтъ совершеннаго извѣстія о приходѣ и о расходѣ и объ остаткахъ; того ради учредить ревизіонъ-коллегію на такомъ надежномъ основаніи, чтобы счеты годовые весьма порядочно слѣдовали и оная бы коллегія обо всемъ состояніи ея дѣлъ помѣсячно въ Верховный Тайный Совѣтъ рапортовала и накрѣпко того смотрѣла, что не превосходитъ ли государственный расходъ приходу: такожде, чтобъ дача жалованья какъ воинскимъ, такъ и прочимъ чинамъ и во всѣхъ мѣстахъ исправно по указамъ и регламентамъ высокославныя памяти Государя Императора происходила; и для того мы въ ту коллегію президентомъ опредѣлить повелѣли генерала-маіора Ивана Бибикова.

[2] Милюковъ. Государственное хозяйство, стр. 684.

[3] П. С., 33, № 4.753

вѣдѣніи въ Сенатѣ.“ Въ октябрѣ 1726 года самъ Сенатъ проситъ о возстановленіи Ревизіонъ-коллегіи. Онъ напоминаетъ указъ 7 іюля 1725 года, говоритъ, что указъ остался безъ исполненія, напоминаетъ о 13-мъ пунктѣ указа 7 марта 1726 года, который говоритъ о Ревизіонъ-конторѣ и ставитъ на видъ, что и эта контора фактически не существуетъ, такъ какъ состоитъ изъ однихъ канцелярскихъ служителей. „Того ради“, продолжаетъ донесеніе, „Сенатъ всеподданнѣйше проситъ, дабы по силѣ вышеписаннаго Вашего Императорскаго Величества указу повелѣно было Ревизіонъ-контору учинить коллегіей, дабы надъ счетами и взысканіемъ имѣла прилежное смотрѣніе“ [1]. Это донесеніе, помѣченное 10 октября, было доложено въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ сенаторомъ Юріемъ Нелединскимъ-Мелецкимъ на засѣданіи 17 октября [2]. 4 ноября Верховный Тайный Совѣтъ разсматриваетъ его и разсуждаетъ, по мнѣнію доложить Ея Императорскому Величеству, чтобы въ ту коллегію опредѣлить изъ сенаторей Ѳедора Наумова, который и прежде уже у тѣхъ дѣлъ былъ, а когда въ коллегіи крайней нужды не будетъ, то ему въ Сенатѣ присутствовать же [3]. Въ этомъ смыслѣ и былъ составленъ докладъ Императрицѣ [4], который 20 декабря представили въ Зимнемъ домѣ Меньшиковъ, Остерманъ и кабинетъ-секретарь Макаровъ [5]. Императрица, однако, не согласилась съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, кандидатуру Наумова отклонила и указала, какъ объ этомъ доложилъ Меньшиковъ на засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта 23 декабря, написать кандидатовъ человѣка 3 или 4, или бы графа Девіера къ той коммиссіи опредѣлить. „И по тому слову“, продолжаетъ журналъ, „всѣ согласно сказали; тайный совѣтникъ Макаровъ предложилъ изъ таковыхъ бы, какъ генералъ-маіоръ Дмитріевъ-Мамоновъ, или повыше характеромъ его [6], 11 января 1727 года явился въ Верховный Тайный Совѣтъ кабинетъ-секретарь Макаровъ и объявилъ Ея Императорскаго Величества указъ, за подписаніемъ собственныя Ея Величества высокія руки, учиненной въ 12 пунктахъ, который въ измѣненной редакціи былъ изданъ 17 февраля и послѣдній пунктъ котораго, 9-й, говоритъ объ учрежденіи

[1] С. Р. И. О., т. LVI, стр. 554, 555.
[2] Тамъ же, т. LVI, стр. 269.
[3] Тамъ же, т. LVI, стр. 325.
[4] Тамъ же, т. LVI, стр. 555.
[5] Тамъ же, т. LVI, стр. 543, 544.
[6] Тамъ же, т. LVI, стр. 589.

Ревизіонъ-коллегіи. Этотъ указъ или вѣрнѣе проектъ указа разсматривался на нѣсколькихъ засѣданіяхъ. Пунктъ, касавшійся Ревизіонъ-коллегіи, не возбудилъ однако никакихъ принципіальныхъ разногласій и далъ поводъ только говорить объ томъ, кому быть президентомъ Ревизіонъ-коллегіи. Императрица отклоняетъ кандидатовъ, предложенныхъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ на этотъ постъ, и 17 февраля повелѣваетъ въ ревизіи президентомъ быть Бибикову. 22 февраля въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ было выслушано это повелѣніе и на томъ же засѣданіи выслушанъ и подписанъ весь милостивый указъ объ избавленіи народныхъ тягостей, который былъ изданъ 24 февраля [1]. Изъ предшествовавшаго изложенія ясно, что *возстановленіе Ревизіонъ-коллегіи не только не было самовластительнымъ актомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, направленнымъ противъ Сената, а совершенно наоборотъ, было узаконеніемъ, состоявшимся по иниціативѣ самого Сената.* Участіе Верховнаго Тайнаго Совѣта при обсужденіи этого узаконенія ограничивается тѣмъ, что онъ, оставляя совершенно въ сторонѣ принципіальный вопросъ о необходимости возстановленія Ревизіонъ-коллегіи, предлагаетъ только различныхъ кандидатовъ на должность президента этой коллегіи. Но всѣхъ этихъ кандидатовъ Императрица отвергаетъ одного за другимъ и постъ президента Ревизіонъ-коллегіи замѣщается не Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, подписаннымъ Степановымъ, а именнымъ повелѣніемъ Императрицы, подписаннымъ собственной Ея Императорскаго Величества рукой [2]. Г. Филипповъ допускаетъ поэтому крупную неточность въ своемъ изслѣдованіи, утверждая, что 9-й пунктъ указа 24 февраля—одна изъ мѣръ, въ которыхъ проявилось самовластительство Сената, и которыя имѣли цѣлью развить въ подробностяхъ идею верховенства Сената въ области финансоваго управленія.

Политическія стремленія Верховнаго Тайнаго Совѣта г. Филипповъ усматриваетъ не только въ отношеніяхъ этого самовластительскаго учрежденія къ Сенату, но и въ его отношеніяхъ къ Синоду. Верховный Тайный Совѣтъ, говоритъ г. Филипповъ, въ своихъ стремленіяхъ къ политическому господству въ странѣ, въ своихъ попыткахъ именемъ Императорской власти неограни-

---

[1] Тамъ же, т. LXIII, стр. 23, 37—39, 49, 59—61, 65, 70, 71, 74, 81—83, 100, 101, 108, 113, 117.

[2] Тамъ же, т. LXIII, стр. 120, 121.

ченно править государствомъ, не могъ терпѣть около себя учрежденія равнаго. Это внѣшнимъ образомъ выразилось въ томъ, что, отнявъ у Сената наименованіе правительствующаго, онъ отнялъ его затѣмъ и у Синода. [1]

Мы показали, что переименованіе Сената состоялось по непосредственному повелѣнію императрицы, по непосредственному же повелѣнію императрицы и Синодъ получилъ наименованіе Святѣйшаго.

2-го марта 1726 года при обсужденіи мнѣнія не въ указъ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта „разсуждали писать ихъ Правительствующимъ Синодомъ и въ церквахъ при службѣ Божіей ихъ такъ упоминаютъ“. На этомъ засѣданіи, такимъ образомъ, на которомъ присутствовали всѣ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, кромѣ Остермана, и на которомъ обсуждались принципіальныя отношенія вновь созданнаго Совѣта по отношенію къ другимъ учрежденіямъ, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта высказываются за то, чтобы сохранить за Синодомъ наименованіе Правительствующаго. [2] На засѣданіи 13-го іюня графъ Головкинъ, графъ Толстой и князь Голицынъ (другихъ членовъ на засѣданіи не было) „разсудили, что писать просто такимъ образомъ: Нашему Синоду“. [3] Императрица однако не приняла во вниманіе ни то, ни другое разсужденіе, а опредѣлила называть Синодъ Святѣйшимъ. 14-го іюня она присутствовала на засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта и на докладѣ, какъ Синодъ титуловать, „Е. И. В. изволила указать оный титуловать Святѣйшій Синодъ, а Правительствующій впредь не писать.“ [4]

Стремленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта главенствовать надъ Синодомъ проявляется, по мнѣнію г. Филиппова, и въ мнѣніи не въ указъ, и въ указѣ о раздѣленіи Синода на два Департамента. О мнѣніи не въ указъ мы достаточно говорили выше и знаемъ, что въ этомъ мнѣніи любезнѣйшаго зятя императрицы никоимъ образомъ нельзя видѣть проявленій какихъ бы то ни было стремленій Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ политической корпораціи. Что же касается до указа о раздѣленіи Синода на два Департамента, то г. Филипповъ ошибается, утверждая, что

---

[1] Исторія Сената, стр. 71.
[2] С. Р. И. О т. LV, стр 68.
[3] Тамъ же, т. LV, стр. 457.
[4] Тамъ же, т. LV, стр. 473.

Верховный Тайный Совѣтъ „нѣсколько разъ обсуждалъ вопросъ о положеніи Синода, о его составѣ и компетенціи, пока не представилъ императрицѣ проектъ указа о раздѣленіи Синода на два Департамента и о другихъ вопросахъ, который и былъ ею утвержденъ". Это невѣрно. Верховный Тайный Совѣтъ не представлялъ проекта этого указа императрицѣ, а наоборотъ, императрица 1-го іюня уже готовый проектъ внесла въ Верховный Тайный Совѣтъ. До 1-го же іюня Совѣтъ ни разу не обсуждалъ вопроса о раздѣленіи Синода на два Департамента. [1] На засѣданіи 1-го іюня Совѣтъ выслушалъ проектъ, который императрица „повелѣла выслушать", сдѣлалъ къ нему на томъ же засѣданіи какое-то намъ неизвѣстное дополненіе, апробованное на слѣдующій же день императрицей. Если поэтому г. Филипповъ говоритъ, что Верховный Тайный Совѣтъ представилъ проектъ указа о раздѣленіи Синода на два Департамента послѣ того, какъ нѣсколько разъ обсуждалъ вопросъ о положеніи Синода и его составѣ, то онъ опять допускаетъ одну изъ тѣхъ крупныхъ неточностей, которыя мы уже не разъ отмѣчали въ его работѣ, и которыя невольно заставляютъ относиться къ его выводамъ съ крайнею осмотрительностью.

---

[1] Въ журналѣ 1-го іюня записана слѣдующая краснорѣчивая запись: „Притомъ же его свѣтлость и кабинетъ тайный секретарь Макаровъ объявили что е. и в. новосочиненный указъ о расположеніи въ Синодѣ на два Департамента слушать и апробовать соизволила и *указали оный выслушать* въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ еще и что заблагоразсудится, то дополнить и потомъ е и. в подписать соизволитъ, который указъ у кабинетъ-секретаря принятъ... И потомъ изволилъ прибыть королевское высочество и слушаны дѣла внутреннія. Указъ вышеписанный отъ е. и. в. и что разсуждено, дополнить, что приправлено въ томъ же указѣ рукою д ст. сов Степанова и по приказу присутствующихъ съ тою переправ кою кабинетъ-секретарю Макарову для донесенія е. и. в. въ томъ же числѣ (т. LV, стр. 320). На слѣдующій день, то-есть 3-го іюня кабинетъ-секретарь Макаровъ объявилъ, что е и. в. указъ о располо ѣніи дѣлъ въ Синодѣ слушать и апробовать соизволила и указала, чтобы о дѣлахъ, какимъ въ другомъ аппартаментѣ быть, сочинить инструкцію" (т. LV, стр 333). Инструкціею этой члены Верховнаго Тайнаго Совѣта замедлили и тогда императрица 17 іюня опять же чрезъ Макарова объявила, чтобы указъ о расположеніи синодскихъ дѣлъ не задерживать, а „выдать немедленно, а ежели медлится за росписаніемъ дѣлъ, гдѣ которымъ быть, то опредѣлить впредь другимъ указамъ (т. LV, стр. 369). такъ и было сдѣлано и на слѣдующихъ засѣданіяхъ 6-го іюля и 11-го іюля, уже не говорятъ объ указѣ, вытребованномъ императрицею обратно, а только о томъ, кому быть во второмъ аппартаметѣ (т. LV, стр. 405, 428). Такова внѣшняя исторія этого указа.

Мы разсмотрѣли доводы, на которые опирается воззрѣніе на Верховный Тайный Совѣтъ, какъ на учрежденіе, проявлявшее въ своей дѣятельности стремленія къ политическому верховенству. Мы показали, что доводы эти вытекаютъ изъ совершенно произвольнаго истолкованія тѣхъ законодательныхъ актовъ, въ которыхъ будто бы проявляется самовластительство Совѣта. Тщательный разборъ этихъ актовъ и болѣе подробное изученіе ихъ происхожденія самымъ недвусмысленнымъ образомъ доказываютъ, что не только въ нихъ не проявляются какія бы то ни было политическія тенденціи „россійскихъ олигарховъ“, а что они, напротивъ, только ярче освѣщаютъ значеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта въ царствованіе Екатерины I, какъ учрежденія совѣщательнаго, дѣйствовавшаго по указаніямъ и подъ руководствомъ суверенной органа.

ГЛАВА VI.

Сильныя персоны въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.

Изученіе дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта въ царствованіе Екатерины I, засвидѣтельствованной протоколами и журналами этого учрежденія, убѣдило насъ, что этотъ Совѣтъ былъ совѣщательнымъ учрежденіемъ при императрицѣ, что онъ не выходилъ изъ рамокъ, начертанныхъ ему создавшими его учредительными актами, и что онъ неповиненъ въ тѣхъ захватахъ и въ тѣхъ стремленіяхъ къ политическому верховенству, въ которыхъ его обвиняютъ наши историки.

Но на характеръ дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта проливаютъ свѣтъ не только его протоколы и журналы, но и свидѣтельства современниковъ, и въ особенности донесенія и письма иностранныхъ агентовъ, очень внимательно слѣдившихъ за всѣмъ тѣмъ, что происходило при дворѣ и въ Совѣтѣ Екатерины. На эти письма и донесенія наши историки очень охотно ссылаются, говоря о возникновеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта, но почему-то совершенно игнорируютъ, говоря о судьбѣ этого учрежденія въ царствованіе Екатерины. Между тѣмъ мы находимъ въ этихъ письмахъ и донесеніяхъ очень цѣнныя данныя, обрисовывающія роль отдѣльныхъ членовъ Совѣта и живописующія общій характеръ дѣятельности учрежденія въ интересующую насъ эпоху. Мы видѣли, что возникновенію Верховнаго Тайнаго Совѣта предшествовала борьба, но мы и показали, что

эта борьба не была борьбой партій, а борьбою сильныхъ людей, враждовавшихъ между собою изъ-за личнаго вліянія и изъ-за царскихъ милостей.

Учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта не унимаетъ этой борьбы, а только переноситъ ее на другую почву. И главными борцами, по прежнему, являются съ одной стороны герцогъ Голштинскій въ союзѣ съ графомъ Толстымъ, съ другой—князь Меншиковъ. Донесенія пословъ полны разсказами о враждѣ и постоянныхъ столкновеніяхъ этихъ двухъ соперничествовавшихъ между собою силъ.

Герцогъ ни по своимъ личнымъ качествамъ, ни по своему прошедшему, ни по своему политическому опыту, не могъ стать въ одинъ уровень съ Меншиковымъ. Но его преимущество заключалось въ близости къ императрицѣ, которая во что бы то ни стало хотѣла его выдвинуть на первый планъ и создать изъ него силу, которая уравновѣсила бы вѣсъ и вліяніе Меншикова. Мы видѣли, что это желаніе было однимъ изъ мотивовъ, приведшихъ къ учрежденію Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ этомъ Совѣтѣ императрица указала герцогу первое мѣсто и не жалѣла средствъ, чтобы поддерживать здѣсь его престижъ. Только что герцогъ успѣлъ вступить въ Верховный Тайный Совѣтъ, какъ онъ уже предлагаетъ составленное имъ мнѣніе о дѣлахъ и порядкѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, мнѣніе, о которомъ Меншиковъ ничего не знаетъ, и которое съ несущественными измѣненіями одобряется императрицей. А въ январскомъ указѣ 1727 г. Екатерина еще рѣзче подчеркиваетъ то первенство, которое она предоставила своему зятю въ Совѣтѣ. Въ первомъ пунктѣ этого указа мы читаемъ: Понеже, любезнѣйшій нашъ зять, его королевское высочество, герцогъ Голштинскій, по нашему милостивому требованію въ семъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ присутствуетъ, и мы на его вѣрныя радѣнія къ намъ и къ интересамъ нашимъ совершенно положиться можемъ: того ради и его королевское высочество, яко нашъ любезнѣйшій зять, и по достоинству своему не только надъ прочими членами первенства и во всѣхъ приключающихся дѣлахъ первый голосъ имѣетъ, но и мы его королевскому высочеству позволяемъ изъ другихъ, Верховному Тайному Совѣту подчиненныхъ мѣстъ всѣ такія вѣдомости требовать, которыя съ дѣлами, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ предложенными, для лучшаго оныхъ изъясненія ему потребны могутъ быть. И дѣйствительно, герцогъ въ первое время по крайней мѣрѣ, занимаетъ въ Верховномъ Тайномъ

Совѣтѣ это первенствующее мѣсто, указанное ему императрицей. 9 марта 1726 г. Кампредонъ пишетъ, что вліяніе герцога Голштинскаго доселѣ превозмогало все.[1] 16 марта тотъ же Кампредонъ свидѣтельствуетъ, что герцогъ Голштинскій, если не вполнѣ распоряжается рѣшеніями Совѣта, то, по крайней мѣрѣ, сильно вліяетъ на нихъ.[2] А 6 апрѣля уже Кампредонъ прямо заявляетъ своему королю, что герцогъ занимаетъ въ Совѣтѣ неукоснительно первое мѣсто.[3] И это первое мѣсто дано герцогу для того, чтобы сломить или, по крайней мѣрѣ, ограничить власть Меншикова. Маньянъ, замѣнившій Кампредона, въ письмѣ отъ 14 сентября пишетъ, что, повидимому, всѣ члены Совѣта соединились съ герцогомъ Голштинскимъ въ видахъ уничтоженія власти князя Меншикова.[4] Послѣдній, конечно, это понималъ и не скрывалъ своей ненависти къ зятю императрицы. Онъ не жалѣлъ средствъ, чтобы противодѣйствовать направленнымъ противъ него замысламъ и планамъ герцога и его союзника. Въ письмѣ отъ 28 сентября Маньянъ пишетъ графу де-Морвилю: „Ненависть князя Меншикова къ герцогу Голштинскому усиливается съ каждымъ днемъ и очень возможно, что онъ постарается воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы отмстить за штуки, которыя сыгралъ съ нимъ Верховный Совѣтъ, и въ которыхъ главная роль принадлежитъ герцогу. На дняхъ въ выраженіяхъ, обнаруживавшихъ сильный гнѣвъ, Меншиковъ сказалъ одному вице-адмиралу, датчанину по происхожденію: надо свести этого смутіана (онъ говорилъ о герцогѣ Голштинскомъ) въ Швецію. Увидимъ, какъ-то онъ выпутается тамъ.[5] О соперничествѣ между Меншиковымъ и герцогомъ Голштинскимъ разсказываетъ намъ много и Лефортъ. Въ письмѣ отъ 1 февраля 1727 г. онъ бросаетъ ретроспективный взглядъ на постепенный ростъ вліянія герцога. Чтобы отдать отчетъ вашему величеству, пишетъ онъ, почему и какъ Меншиковъ уступилъ начальство надъ Преображенскимъ полкомъ герцогу Голштинскому, я буду имѣть честь объявить вамъ, ваше величество, что какъ только скончался покойный царь, смерть его пробудила въ Голштинскомъ дворѣ прежнія его мечты—видѣть герцога на престолѣ русскомъ. Время показало намъ, сколько вслѣдствіе этого было

[1] С. Р. И. О. т. LXIV, стр. 27?
[2] Тамъ же т. LXIX, стр. 282.
[3] Тамъ же т. LXIV, 314.
[4] Тамъ же т. LXIV, стр. 409.
[5] Тамъ же т. LXIV, стр. 417, 418.

попытокъ со стороны герцога подчинить царскій дворъ своей деспотической власти и завладѣть кормиломъ правленія, такъ напр. первенство передъ царевичемъ на похоронахъ покойнаго государя... засѣданіе въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, начальство надъ гвардіей и еще много другихъ поступковъ, въ которыхъ они дѣйствовали полными хозяевами. [1] А еще раньше 5 ноября 1726 г. Лефортъ писалъ своему королю: герцогъ Голштинскій употребляетъ всѣ усилія для уничтоженія Меншикова, но кто знаетъ, если Меншиковъ падетъ, найдутъ-ли средство удалить отсюда всѣхъ этихъ прожектеровъ... Меншиковъ вездѣ служитъ камнемъ преткновенія этимъ благороднымъ планамъ. Эти двѣ большія партіи производятъ много факцій. [2]

Соперничество между герцогомъ и Меншиковымъ заострилось зимою 1726 г. и перешло въ открытую борьбу, которая не допускала примиренія и должна была кончиться полнымъ торжествомъ одного и полнымъ пораженіемъ другаго. Это и случилось въ мартѣ 1727 г. Побѣдителемъ оказался Меншиковъ, а побѣжденнымъ герцогъ. И какъ послѣ смерти Петра Меншиковъ былъ первымъ человѣкомъ въ государствѣ, такъ и послѣ смерти Екатерины онъ оказался хозяиномъ положенія. Исторія этой побѣды Меншикова надъ его врагами была разсказана не разъ. Мы не будетъ повторять ее здѣсь, а напомнимъ лишь нѣкоторые ея моменты, насколько они представляютъ интересъ для исторіи Верховнаго Тайнаго Совѣта. Екатерина, какъ мы знаемъ, учреждаетъ Верховный Тайный Совѣтъ съ тѣмъ разсчетомъ, что этотъ Совѣтъ будетъ умѣрять власть Меньшикова. Имѣя въ виду ту же цѣль, она указываетъ въ немъ первое мѣсто герцогу Голштинскому, которому, какъ мы видѣли, и удастся первое время, по крайней мѣрѣ, играть въ немъ преобладающую роль. Хотя согласіе Меньшикова на учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и было куплено цѣною очень крупныхъ уступокъ, онъ, тѣмъ не менѣе, этими уступками не удовлетворился. Его стѣснялъ Верховный Тайный Совѣтъ, и ему не нравилась та первенствующая роль, которую игралъ въ немъ герцогъ. Кампредонъ въ письмѣ отъ 6 апрѣля разсказываетъ, что Меньшиковъ собирается въ Верховный Тайный Совѣтъ внести слѣдующія предложенія: просить герцога Голштинскаго присутствовать лишь на тѣхъ засѣданіяхъ, на которыхъ

[1] Тамъ же т. III, стр 458, 459
[2] Тамъ же т. III, стр. 453.

будутъ обсуждаться дѣла иностранныя или же касающіяся его интересовъ; иначе герцогъ, не понимающій ни языка, ни внутреннихъ дѣлъ русскихъ только стѣсняетъ своимъ постояннымъ присутствіемъ свободу другихъ въ выраженіи ихъ мнѣній, да наконецъ это его присутствіе начинаетъ вызывать неудовольствіе многихъ важнѣйшихъ лицъ. Шафировъ, продолжаетъ Кампредонъ, зналъ и справедливость всѣхъ этихъ словъ и то, что у герцога Голштинскаго произошла за нѣсколько дней передъ тѣмъ ссора съ Меньшиковымъ по поводу какихъ-то отличій, которыя послѣдній хотѣлъ присвоить себѣ въ качествѣ старѣйшаго андреевскаго кавалера [1]. Внести это предложеніе въ Верховный Тайный Совѣтъ Меньшикову, однако, не удалось и герцогъ продолжалъ засѣдать и первенствовать въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Это первенство герцога въ Совѣтѣ не должно было особенно смущать Меньшикова, который главенствовалъ въ Военной коллегіи и имѣлъ право доносить о всѣхъ своихъ военныхъ распоряженіяхъ непосредственно Императрицѣ помимо стѣснявшаго его въ другихъ отношеніяхъ и поэтому ненавистнаго ему Верховнаго Тайнаго Совѣта. И что онъ пользовался правомъ этимъ въ широкихъ размѣрахъ, въ этомъ врядъ-ли можетъ быть сомнѣніе. Современники свидѣтельствуютъ, что власть Меньшикова въ эту эпоху была очень сильна и вызывала ропотъ и неудовольствіе другихъ вельможъ. Въ письмѣ отъ 14 мая 1726 года Лефортъ пишетъ: „Меньшиковъ для того, чтобы уменьшить власть Голштинскаго двора, захватываетъ себѣ, быть-можетъ, больше власти, чѣмъ бы слѣдовало, и этимъ навлекаетъ на себя чрезмѣрную зависть, хотя до сихъ поръ онъ держитъ всѣхъ въ повиновеніи. Вельможи видятъ, что ихъ презираютъ, пренебрегаютъ какъ ихъ совѣтами, такъ и ими самими... [2] Пока, однако, Меньшиковъ былъ въ Петербургѣ, эти недовольные вельможи молчали и ничего не предпринимали для того, чтобы положить предѣлъ самовластію Меньшикова. Но стоило только ему уѣхать, какъ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта встрепенулись и, пользуясь отсутствіемъ всесильнаго министра, предприняли цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ, главнымъ образомъ, противъ тѣхъ повелѣній, которыя разсылалъ Меньшиковъ безъ вѣдома императрицы и помимо Верховнаго Тайнаго Совѣта. Мы выше подробно говорили объ этихъ мѣрахъ и объяснили ихъ важное

[1] Тамъ же, т. LXIV, стр. 315.

[2] Тамъ же, т. III, стр. 438, 439. Ср. также стр. 440, 441.

государственное значеніе. Въ то время, какъ Верховный Тайный Совѣтъ съ герцогомъ Голштинскимъ во главѣ ополчался противъ Меньшикова, послѣдній, ни о чемъ не подозрѣвая, устраивалъ свои дѣла въ Курляндіи. Его поведеніе въ Ригѣ и Митавѣ, какъ извѣстно, вызвало противъ него всеобщее раздраженіе, которымъ не преминули воспользоваться его враги, чтобы настроить противъ него императрицу, открыто въ засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта осудившую его поведеніе. Герцогъ Голштинскій и его союзники торжествовали побѣду, и въ Петербургѣ ходили уже серіозные слухи о неминуемомъ паденіи Меньшикова. Но съ возвращеніемъ Меньшикова картина очень скоро мѣняется. Свѣтлѣйшаго князя было не такъ легко побѣдить, какъ думалъ герцогъ. Меньшиковъ теперь зналъ, въ комъ имѣетъ своего злѣйшаго врага и своего опаснѣйшаго соперника. Онъ и не скрываетъ своей ненависти къ герцогу и говоритъ всякому, кто только хочетъ слушать его, что дни герцога въ Россіи сочтены и что онъ, Меньшиковъ, найдетъ себѣ союзниковъ для того, чтобы справиться съ этимъ принцемъ и выпроводить его подобру-по-здорову за предѣлы Россіи. Меньшиковъ сдержалъ свое слово. Планъ его дѣйствій, направленныхъ противъ герцога, былъ ясенъ. Государыня уже въ октябрѣ начинаетъ серіозно болѣть, вопросъ о престолонаслѣдіи возникаетъ самъ собою. Меньшиковъ уже не допуститъ теперь, чтобы одна изъ дочерей Екатерины вступила на престолъ, ибо это значило бы раскрыть доступъ власти тому, кого онъ теперь всего больше ненавидитъ. Меньшиковъ понимаетъ, что, вступитъ-ли на престолъ старшая дочь Екатерины, супруга герцога, или младшая, невѣста двоюроднаго брата герцога, все равно, онъ—врагъ Голштинскаго двора, сойдетъ со сцены вмѣстѣ со смертью Екатерины. Меньшиковъ открыто становится на сторону великаго князя, пріобрѣтаетъ въ его приверженцахъ новыхъ союзниковъ и начинаетъ противъ герцога тотъ походъ, исходъ котораго извѣстенъ и на которомъ мы останавливаться не будемъ.

Мы напомнили объ этихъ извѣстныхъ читателю событіяхъ лишь для того, чтобы обрисовать тѣ отношенія, въ которыхъ стояли другъ къ другу Меньшиковъ и герцогъ Голштинскій, вліятельнѣйшіе члены Верховнаго Тайнаго Совѣта со дня его основанія до кончины императрицы. Намъ остается теперь отвѣтить на вопросъ, какое положеніе занимали по отношенію къ нимъ остальные члены Верховнаго Тайнаго Совѣта? Всего яснѣе положеніе графа Толстаго. Въ союзѣ съ нимъ герцогъ Голштин-

скій провелъ учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, онъ же и остается его вѣрнымъ союзникомъ, пока не сходитъ со сцены вмѣстѣ съ врагами Меньшикова. Онъ открыто стоитъ на сторонѣ зятя императрицы и ея дочерей и вмѣстѣ съ герцогомъ агитируетъ противъ Меньшикова. Во всѣхъ разногласіяхъ, возникающихъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, онъ дѣйствуетъ за-одно съ герцогомъ и руководитъ всею его политикой.

Съ тѣхъ поръ, какъ Меньшиковъ переходитъ на сторону приверженцевъ великаго князя, понятна и роль Д. М. Голицына, который теперь идетъ за свѣтлѣйшимъ княземъ. Но и до этого Голицынъ подчинялся его руководству, если только слѣдовалъ совѣту своего брата, о которомъ намъ сообщаетъ Лефортъ. Послѣдній въ письмѣ отъ 4 іюня 1726 года сообщаетъ, что фельдмаршалъ Голицынъ написалъ своему брату Дмитрію, чтобы онъ во всемъ слѣпо исполнялъ повелѣнія Меньшикова, дабы этимъ пріобрѣсти его расположеніе [1].

Иное положеніе занимаетъ Остерманъ. Онъ своихъ картъ никому не раскрывалъ и очень ловко, и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожно умѣлъ служить людямъ различныхъ лагерей, не компрометируя себя, никого не оскорбляя и ничѣмъ себя не связывая. Имъ дорожилъ какъ герцогъ Голштинскій, такъ и Меншиковъ. Онъ служилъ тому и другому, но остерегался впутываться въ ихъ интриги и не позволялъ себѣ ни рѣчей, ни дѣйствій, которыя могли бы связать его съ тою или другою партіей. Иностранные агенты считали его и ближайшимъ совѣтникомъ герцога и министромъ, вполнѣ преданнымъ Меншикову. Мы не сомнѣваемся, что оно такъ и было и что ловкій Нѣмецъ умѣлъ совмѣщать то, что для другой, болѣе прямой и откровенной натуры, было бы несовмѣстимо. Кампредонъ говоритъ въ письмѣ отъ 7 апрѣля, что Остерманъ почти единственный министръ, пользующійся довѣріемъ герцога [2]. 20 іюля Маньянъ пишетъ, что вліяніе Бассевича на герцога значительно ослабло и что онъ теперь всѣ важныя дѣла ведетъ вдвоемъ съ Остерманомъ у него на квартирѣ [3]. Эта близость Остермана къ герцогу не мѣшала, однако, ему быть служебною силой Меншикова, который и пользовался имъ для своихъ цѣлей.

---

[1] Тамъ же, т. III, стр. 440, 441.
[2] Тамъ же, т. LXIV, стр. 330.
[3] Тамъ же, т. LXIV, стр 381.

6 апрѣля Кампредонъ доноситъ, что Остерманъ тѣсно сблизился съ Меншиковымъ [1] и что послѣдній, оцѣнивъ по достоинству его преданность и его таланты, довѣрилъ ему важный постъ воспитателя великаго князя. Остерманъ вполнѣ и оправдалъ это довѣріе своего патрона. 26-го апрѣля Маньянъ доноситъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Остерманъ сталъ воспитателемъ великаго князя, послѣдній, повидимому, съ большимъ удовольствіемъ ѣздитъ къ Меншикову. [2] Остерманъ, не становясь открыто ни на сторону князя Меншикова, ни на сторону герцога, умѣлъ, однако, извлекать для себя пользу изъ вражды этихъ двухъ соперниковъ. До сихъ поръ, пишетъ Лефортъ 26-го мая 1726 г. Меншиковъ и герцогъ Голштинскій заправляютъ всѣмъ. Остерманъ, держащій въ своихъ рукахъ тайныя пружины, очень этимъ доволенъ и, притворяясь больнымъ, все откладывалъ свое первое появленіе въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. [3] Новое повышеніе Остермана, разсказываетъ Маньянъ въ письмѣ своемъ отъ 27-го января 1727 года, проистекаетъ, говорятъ, изъ взаимной зависти герцога Голштинскаго и Меншикова. Послѣднему не понравились старанія герцога вернуть Шафирова ко двору, и онъ нашелъ лучшее средство стать поперекъ дороги этимъ планамъ, предоставивъ Остерману всѣ дѣла, коими прежде завѣдывалъ Шафировъ. Хотя, по мнѣнію многихъ, Толстой и не принималъ, можетъ быть, главнаго участія въ этомъ распоряженіи, однако, осторожный Остерманъ, уклоняющійся отъ всякой выдающейся роли въ рѣшеніяхъ Совѣта, съумѣетъ отвлечь отъ себя зависть Толстого. [4] Было время, когда императрица не долюбливала Остермана и довольно безцеремонно обращалась съ нимъ. Съ тѣхъ поръ однако обстоятельства измѣнились. Близость Остермана къ зятю императрицы, который безъ его совѣта не могъ обойтись, кромѣ того — дѣйствительно выдающіяся дипломатическія способности Остермана расположили императрицу въ его пользу. Старый канцлеръ Головкинъ все больше стушевывается, и на первое мѣсто выдвигается вице-канцлеръ Остерманъ. Уже въ апрѣлѣ 1726 года императрица дѣлаетъ распоряженіе, чтобы по иностраннымъ дѣламъ въ Совѣтѣ не постановлялось никакого рѣшенія безъ предваритель-

---

[1] Тамъ же, т. LXIV, стр. 311.
[2] Тамъ же, т. LXIV, стр. 554
[3] Тамъ же, т. III, стр. 437.
[4] Тамъ же, т. LXIV стр. 499.

наго просмотра его, Остермана.[1] Въ январѣ 1727 года Маньянъ докладываетъ графу де-Морвилю, что вліяніе Остермана усиливается все болѣе. Царица пожаловала ему голубую ленту и управленіе торговлей и почтами присоединено къ его вѣдомству.[2] Остерманъ воздерживается, однако, обнаруживать свое вліяніе на засѣданіяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Онъ предпочиталъ этимъ гласнымъ совѣщаніямъ интимныя конференціи съ глазу на глазъ съ герцогомъ Голштинскимъ и съ Меншиковымъ. Этимъ онъ избѣгалъ непріятныхъ столкновеній, которыя могли бы возстановить противъ него ту или другую сильную персону. А онъ хотѣлъ со всѣми вліятельными людьми жить въ мирѣ, ибо они могли ему быть полезны въ будущемъ. Это будущее же онъ не хотѣлъ предрѣшать, предоставляя другимъ принимать мѣры, которыя ихъ связывали въ грядущемъ. Онъ предпочиталъ сохранять за собою свободу дѣйствій, чтобы потомъ въ свое время стать на сторону того, кто дѣлался хозяиномъ положенія. Мы поэтому вѣримъ Лефорту, который говоритъ, что Остерманъ, назначенный членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, долго притворялся больнымъ и медлилъ вступленіемъ въ Совѣтъ. Вѣримъ и Маньяну, который удостовѣряетъ, что Остерманъ воздерживался отъ всякой выдающейся роли въ рѣшеніяхъ Совѣта.

По другимъ причинамъ не занимали вліятельнаго положенія въ Совѣтѣ старики Головкинъ и Апраксинъ. Головкинъ долженъ былъ уступить руководство иностранными дѣлами Остерману, безъ предварительнаго просмотра котораго ни одно дѣло, касавшееся иностранной политики, какъ мы видѣли, не должно было вноситься въ Верховный Тайный Совѣтъ. Участіемъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ тяготился и Апраксинъ. Онъ старѣлъ и не сочувствовалъ тому направленію, которое получили дѣла послѣ смерти Петра. Его, какъ и Головкина, оскорбляло то положеніе, которое заняли герцогъ и Меншиковъ, которые пренебрегали ихъ совѣтами.[3] Старый Апраксинъ, читаемъ мы въ письмѣ французскаго агента отъ 7-го апрѣля 1726 года, здѣсь засѣдаетъ еще въ Совѣтѣ, но ему мало довѣряютъ, а равно начинаютъ подозрѣвать и Головкина.[4] Въ письмѣ отъ 9-го марта Кампредонъ писалъ: „Дня четыре тому назадъ адми-

---

[1] Тамъ же, т. LXIV, стр. 310, 311.
[2] Тамъ же, т. LXIV, стр. 486.
[3] Тамъ же, т Ш, стр. 438, 439.
[4] Тамъ же, т. LXIV, стр. 329.

ралъ Апраксинъ собралъ у себя всѣхъ своихъ племянниковъ и объявилъ имъ, что на его взглядъ всѣ начала покойнаго царя исчезли безслѣдно, что ему, адмиралу, не позволяютъ даже удалиться подъ конецъ дней своихъ на покой, между тѣмъ, прибавилъ онъ со слезами на глазахъ, у него уже слабѣетъ память.“ [1]

Изъ всего только-что изложеннаго положеніе отдѣльныхъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ этомъ совѣщательномъ учрежденіи и ихъ взаимныя отношенія вполнѣ ясны.

Первое мѣсто занимали въ немъ герцогъ Голштинскій и Меншиковъ. Эти два вліятельнѣйшихъ члена въ первые мѣсяца 1726 г. взаимно уравновѣшивали другъ-друга. Съ отъѣздомъ же Меншикова въ Курляндію, герцогъ одерживаетъ верхъ, и положеніе Меньшикова поколеблено. Но это продолжается недолго. Меншиковъ, пользуясь измѣнившимися обстоятельствами, предвидя скорую кончину императрицы и неизбѣжное воцареніе Петра Алексѣевича, открыто становится на сторону послѣдняго и, какъ будущій тесть наслѣдника престола, не только возстановляетъ, но и усугубляетъ свою власть и свое вліяніе. Остерманъ стоитъ между этими двумя соперниками и до помолвки дочери Меншикова съ цесаревичемъ не высказывается открыто ни за того, ни за другаго; онъ и воздерживается отъ вліятельной роли въ Совѣтѣ, предпочитая играть ее на частныхъ совѣщаніяхъ.

Что касается до другихъ членовъ, то они или были совершенно безцвѣтны, какъ Головкинъ и Апраксинъ, или же они имѣли значеніе какъ союзники двухъ соперниковъ: князь Голицынъ, слѣдовавшій за Меншиковымъ, графъ Толстой, державшійся герцога Голштинскаго.

Этотъ составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта всего лучше опровергаетъ воззрѣнія нашихъ историковъ, которые видятъ въ немъ учрежденіе, явившееся уступкой боярской партіи и давшее выходъ стремленіямъ этой партіи къ политической самостоятельности. Боярская партія не играла, какъ мы показали, никакой роли при возникновеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта. Ее не существовало въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, какъ мы сейчасъ объяснили, и въ правленіи Екатерины I. Если Верховный Тайный Совѣтъ въ это время проявлялъ какія-нибудь стремленія, выходившія за тѣ рамки его дѣятельности, которыя были ему ука-

[1] Тамъ же, т. LXIV, стр. 272.

заны императрицей, то эти стремленія могли исходить только отъ герцога Голштинскаго и отъ Меншикова. Но мы не думаемъ, чтобы наши ученые, не исключая и гг. Милюкова и Филиппова, считали бы ихъ способными быть носителями какихъ-бы то ни было политическихъ идеаловъ и могли бы приписывать имъ намѣренія измѣнить нашу форму правленія на подобіе шведской или даже англійской.

Донесенія иностранныхъ пословъ говорятъ не мало о дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта въ царствованіе Екатерины, но ни единымъ словомъ не упоминаютъ о стремленіяхъ этого учрежденія къ политическому господству. Мы уже привели выше выдержки изъ этихъ донесеній, характеризующія роль отдѣльныхъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Общій смыслъ этихъ свидѣтельствъ сводится къ тому, что члены Верховнаго Тайнаго Совѣта вовсе не были связаны какими-нибудь общими политическими принципами, что они вовсе не представляли собою сплоченной политической величины, которая пыталась бы стать рядомъ съ императрицей, и что эти вельможи, какъ передъ, такъ и послѣ учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта, продолжали преслѣдовать свои личные интересы, интригуя и подкапываясь другъ противъ друга. Меншиковъ, пишетъ Маньянъ въ письмѣ своемъ отъ 28 января 1727 г., никогда не примирится искренно съ герцогомъ. Это одно можно считать постояннымъ въ тѣхъ безпрерывныхъ измѣненіяхъ, которыя вызываются столкновеніями страстей и интересовъ членовъ настоящаго правительства. Столкновенія эти порождаютъ столько безпрерывно возникающихъ интригъ, что невозможно себѣ составить заранѣе яснаго представленія ни объ одномъ событіи [1]: А Лефортъ еще 26 марта 1726 г. дѣлаетъ такое же замѣчаніе. Трудно, говоритъ онъ, слѣдить за всѣми измѣненіями, которымъ подвергаются здѣсь дѣла. Ихъ запутанность, увеличиваемая партіями, причиняетъ внезапныя перемѣны. До сихъ поръ Меншиковъ и герцогъ Голштинскій заправляютъ всѣмъ [2].

Слѣдя за дѣятельностью правительства, иностранные агенты не могли не замѣтить, что важнѣйшія государственныя рѣшенія исходятъ не отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а отъ вліятельнѣйшихъ совѣтниковъ императрицы. Правителями государства, читаемъ мы въ письмѣ французскаго посланника отъ 7 апрѣля

[1] LXIV, стр. 497.
[2] Тамъ же, т. III стр. 437.

1727 года, являются нынѣ, главнымъ образомъ, герцогъ Голштинскій, Остерманъ, Меншиковъ и Штамке (министръ герцога). И мнѣ не разъ случилось замѣчать, что Русскіе, хотя и молчатъ объ этомъ и дѣлаютъ видъ, будто довольны, въ душѣ огорчаются тѣмъ, что скипетръ ихъ попадетъ въ ненавистныя имъ иностранныя руки. Прочіе сенаторы и совѣтники имѣютъ лишь второстепенное значеніе, къ величайшему ихъ негодованію, которое скоро и разразится [1].

Верховный Тайный Совѣтъ, по свидѣтельству иностранныхъ агентовъ, не только не внушалъ никакой опасности своимъ могуществомъ, а напротивъ, недостатокъ его, по ихъ мнѣнію, заключался въ томъ, что онъ былъ безсиленъ объединить министровъ въ одно цѣлое и противодѣйствовать личнымъ вліяніемъ и случайнымъ рѣшеніемъ. Кампредонъ въ письмѣ отъ 16 марта 1726 года не допускаетъ возможности продолжительнаго существованія того единенія, которое старались установить созданіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта [2]. Лефортъ въ письмѣ отъ 17 декабря того же года въ рѣзкихъ и, можетъ-быть, преувеличенныхъ выраженіяхъ жалуется на безсиліе Верховнаго Тайнаго Совѣта противодѣйствовать личнымъ интригамъ и честолюбивымъ планамъ отдѣльныхъ лицъ. „Верховный Совѣтъ“, пишетъ онъ, сохранилъ только одно названіе. Голштинскій дворъ хотѣлъ принять бразды правленія, ему это дозволили, и вотъ уже мѣсяцъ, какъ не собирался Совѣтъ. Патріоты, не будучи въ состояніи согласиться на мысли Голштинскаго двора, удаляются, и герцогъ жалуется, что все бѣжитъ отъ его живой проницательности, только духъ несогласія соединяетъ ихъ, и личный интересъ господствуетъ надъ благомъ государства [3].

Мы не могли ни въ одномъ донесеніи иностранныхъ агентовъ найти хотя бы малѣйшаго намека на вредоносное вліяніе Верховнаго Тайнаго Совѣта, ни малѣйшихъ указаній на приписываемое ему стремленіе злоупотребить своею властью. Напротивъ, свидѣтели дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта отдаютъ дань справедливости его дѣловитости и благоразумію. Если въ чемъ-нибудь упрекаютъ его, то никакъ не въ избыткѣ силы, а напротивъ, въ недостаткѣ умѣнья бороться съ властолюбіемъ отдѣльныхъ сильныхъ людей. Кампредонъ, который въ письмѣ

[1] Тамъ же, т. LXIV, стр. 327.
[2] Тамъ же, т. LXIV, стр. 289.
[3] Тамъ же, т. III, стр. 455

отъ 23 февраля хочетъ видѣть въ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта первый шагъ къ перемѣнѣ формы правленія, не далѣе какъ черезъ три недѣли въ письмѣ отъ 16 марта долженъ сознаться, что въ настоящую минуту Совѣтъ этотъ произвелъ то дѣйствіе, что дѣла совершаются быстрѣе, правильнѣе и сообразнѣе съ тѣмъ, что предлагается царицѣ для блага ея [1]. А Маньянъ въ письмѣ отъ 17 октября 1727 года пишетъ: „Я отнюдь не хочу сказать этимъ, будто совѣтъ царицы расположенъ поддаться увлеченію пыломъ голштинскаго министра. Это было бы оскорбленіемъ этому руководствующемуся благоразуміемъ Совѣту, тѣмъ болѣе, что главные русскіе вельможи намѣрены, напротивъ, всѣми силами воспротивиться всему, что можетъ нарушить спокойствіе ихъ монархіи [2].

[1] Тамъ же, т. LXIV, стр. 289.
[2] Тамъ же, т. LXIV, стр. 429.